

Михайловъ Леонасевичъ

А Б Е В Е Г А
РУСКИХЪ СУЕВѢРІЙ
ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКИХЪ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНІИ
СВАДЕБНЫХЪ
ПРОСТОНАРОДНЫХЪ ОБРЯДОВЪ
Колдовства Шеманства и проч.
СОЧИНЕННАЯ М. Ч.

Изданіемъ ф. Гиппіуса.

Печатано въ Москвѣ, въ Типографіи у
содержателя ф. Гиппіуса
1786 года.

Т

МК

864

Куплена въ Москве
1988 году въ декабре

№ 80

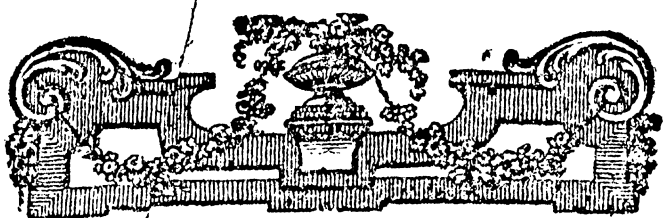
МК

изъ инвѣ

~~125~~

вар. Б

2-й кс.

А Б Е В Е Г А РУСКИХЪ СУЕВѢРІЙ.

Карпова

§ *А* быссь, такъ называется у Татаръ школьный учитель.

Ава · Юмонъ, подъ симъ именемъ Черемиссы признають супругу первенствующаго ихъ бога и первосташейную богиню.

Агирь, такъ называется Гирька, имѣющаяся въ Курдѣ въ особой машинѣ, которую Калмыцкіе попы во время молитвы употребляютъ и получаютъ оную отъ Ламы. Смотри: Вѣра.

Аграфеньиъ день. Іюня 23 дня, празднуешь церковь память святыя мученицы

цы Агрипины , которая отъ простаго народа прозвана купальницею , по слѣдующей причинѣ. Древніе Славяне признавали идола Купало богомъ плодовъ , и праздновали ему 23 и 24 Іюнія. Расклавши огонь , дѣлали предъ онымъ различныя игрища и пляски , перескакивая чрезъ него , и припѣвая часто имя Купалово , за что ожидали въ томъ годъ изобилія плодовъ , что и между нынѣшними Христіанами во многихъ деревняхъ осмалось ; а пошому Святая Агрипина всеми простолюдимами и называется купальницею отъ идола Купало. Въ число языческихъ святыхъ мѣстъ принадлежитъ , и находящаяся по Рижской дорогѣ въ десяти верстахъ отъ Санктпетербурга липа , которой вѣтви переплелись съ опрослями ближайшихъ деревъ , такъ что природную составляютъ бесѣдку , въ которой и Государь Императоръ Петръ Великій , ради пріятности ея не однократно изволилъ имѣть свое пребываніе. На семъ мѣстѣ собираются Ижорки на канонъ Иванова дня , то есть въ Аграф.чинъ день , и провождаютъ съ пѣніемъ и воплемъ всю ночь при великомъ огнѣ ; а на послѣдокъ сожигаютъ бѣлаго пѣшука , дѣлая при томъ много скачки , пляски и прочаго.

Агунъ , есть слово Арабское , которымъ называютъ Сибирскіе Ташары настоятеля своего духовенства.

Адамова голова, такъ называется пра-
ва, ею окуривающъ пленицы или силки,
которыми ловящъ дикихъ упокъ, но сѣ
окуриваніе должно быть въ великой чет-
вертокъ, а иначе по мнѣнію суевѣровъ оку-
риваніе сѣ будетъ не дѣйствительно, и
силки не будутъ ловки.

Адугаръ-Джа или *Джа-Адугаръ*, такъ
называются у Киргисцовъ колдуньи. *смотри:*
Ворожеи.

Аернеконъ, некрещенные Чуваше, такъ
называютъ недѣльный день, который у
нихъ есть пятокъ, а нашего воскресенья
не чшутъ, онъ день препровождаютъ они
въ праздности и пированіи.

Аилекасъ Яувра. Лопари такъ называ-
ютъ всѣ тѣ озера, которыя они почи-
аютъ святыми, и во всѣхъ таковыхъ мѣс-
тахъ стоящъ освященные деревья, на ко-
ихъ видны разные лопарями начертанные
виды, передъ которыми стоятъ жертвен-
ники. *смотри: Вѣра*

Айха-Діани. Калмыцкое божество,
жилище коего полагаютъ они въ преис-
подней отъ сего божества, разрушатся ихъ
огненные Галаты. *смотри: Вѣра.*

Ажушакъ или *Ажулуначъ.* Идолъ всѣхъ
Камчадаловъ, вообще изображаютъ его стол-
бикомъ съ обдѣланною верхушкою на подо-
біе головы человѣческой. Ставится онъ
въ Юртѣ надъ домашнею посудой, и почи-

щается за караульщика, отгоняющего отъ Юрты лѣсныхъ духовъ, за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Алане, Славенскій народъ, оный не имѣлъ ни боговъ, ни храмовъ, ни жрецовъ, но вынявъ саблю изъ ноженъ, и вопкнувъ ее въ землю, поклонялся ей яко богу Марсу, котораго мнили всѣмъ нѣмъ мѣстамъ правителя, въ коихъ имѣли брани. Нѣкоторые изъ онаго народа предсказывали будущее по складыванію и разбираию въ определенное время прутьиковъ, съ наговариваніями и торжественными обрядами.

Албастъ, Вотяки называютъ такъ дѣдушку домовова, по ихъ мнѣнію живетъ онъ въ пуспыхъ избахъ, деревняхъ и баяхъ. *смотри: Домовой.*

Алганъ-Голи, Калмыцкая Адская шнурованная книга, въ которую записывается все содѣянное Калмыками, и по которой они судимы баваютъ, Ирликъ ханомъ, то есть адскимъ ихъ судіею. *смотри: Вѣра.*

Алганъ-Таи или *Таи-Алганъ*, такъ называется у Башкирцовъ торжество, которое бываетъ передъ свадьбою, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; однако первыя одерживаютъ верхъ, и взявъ первенство и преимущество у вторыхъ, выводятъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ у невѣсты волосы.

Алида,

Алида, такъ называющъ *Вотяки* лѣшаго, и увѣряющъ, что онѣ имѣетъ одну только и ту наизворотъ ногу, одинѣ большой глазѣ и превеликую пишку, которую впискиваетъ людямъ въ ротъ, и пѣмъ ихъ задушиваетъ. *смотри: Лѣшій.*

Амидаба. Колмыки такъ называющъ одного изъ своихъ *Бурхановъ*, который обладаетъ двухтысячнымъ небомъ, и такое множество воображаютъ себѣ раевъ, чпо и перечеспи прудно, ибо каждому бурхану приписываютъ особое небо, въ которомъ онѣ водворяется съ душами праведныхъ, а бурхановъ полагаютъ необъянное число. *смотри: Вѣра.*

Амлея. Богъ *Камчадалскій* сынѣ утужилѣ купхи. *смотри: Вѣра.*

Анга-Соаренъ, такъ называется у *Черемисъ* праздникъ, который они предъ распаханіемъ земли осправляютъ. *смотри: Вѣра.*

Антара, по преданію *Калмыковъ* называется такъ четвертая всевѣтная рѣка, въ коемъ опредѣляютъ они всѣхъ чешыре рѣки. *смотри: Вѣра.*

Антихристъ, прошивникъ *Христу*. Раскольники утверждающъ, чпо *Антихристъ* воцарился уже мысленно, въ то самое время, какъ началось въ *Москвѣ* исправленіе книжное, и будпо бы *Москва* еспѣ *Вавилонѣ* и *Антихристова* царсва престолѣ,

и время уже настало вѣпораго пришествія Христова, для чего нѣкопорыя зажигаю свѣчу, молясь ночью всегда до пѣнія пѣ-
пыховѣ, ожидая спрашнаго суда; а тогда уже спать ложатся.

Аху-Галалѣ, у Калмыковѣ такѣ называется первенствующій Галапѣ; то есть вѣкѣ, или Епоха онѣ сотворенія мѣра. *смотри: Вѣра.*

Ачускай-Пасѣ, подѣ симѣ именемѣ Мѣрдава почитаютѣ нѣкопсераго идола, коему приносятѣ вѣ жертву рыжую корову.

Ая-Иторѣ. Лѣпари почитаютѣ сего идола богомѣ грома и грозы. *смотри: Вѣра.*

Баикалѣ озеро; по увѣдомленію иностранныхѣ писателей Монгалы и Буряты по суевѣрному воображенію баикалѣ называютѣ моремѣ, боясь, чѣнобѣ оно, когда дадутѣ ему имя шокмо озера, за сѣ безчестіе мститѣ не стало, и не причинилобы имѣ несчастія.

Бакша, такѣ называется у Киргисцовѣ особый родѣ калдуновѣ. *смотри: Ворожей.*

Балынѣ-Гусѣ, называется Магометанское кладѣбище находящееся вѣ пригородѣ Билярскѣ, гдѣ по мнѣнію Магометанѣ, Таттарѣ и Башкирцовѣ лежатѣ ихѣ святыне. *смотри: Кладбища.*

Баранѣ каменный. Камчадалы, когда нужду имѣютѣ находить невѣдомаго вора, по

по жгутъ становыя жилы изъ онаго бара-
на при собраніи многихъ людей и при Ша-
манахъ , ибо по ихъ имѣнію сводитъ послѣ
пного злодѣя , такъ какъ оныя жилы отъ
огня сжимаются.

Береза , древніе Чудскіе народы обита-
ли нѣкопорые въ такихъ мѣстахъ , въ ко-
ихъ было весьма мало лѣсу ; а березовыхъ
деревъ и вовсе не находилось. Наконецъ
вдругъ увидѣли они не токмо на степяхъ
своихъ , но и внутри самыхъ ихъ жилищъ
возрастающія березовыя деревья ; сіе не
свойственное спранамъ ихъ расшеніе при-
вело въ несказанной ужасъ ; а какъ прибѣ-
гнули они къ гаданію , то волхвы ихъ рас-
толковали имъ , что значитъ сіе завоева-
ніе ихъ земель бѣлымъ царемъ , ибо сіе ра-
шеніе изъ его владѣнія къ нимъ перенесло-
ся. И такъ суевѣрный народъ повѣря по-
му , оставилъ свои города и жилища пусты-
ми , и перебрался въ другія мѣста.

Билюкай , Камчадалскій богъ грома ,
молніи и дождя , онъ тоже что и Пилячучъ.
смотр : Вѣра.

Благовѣщеніе , утверждаютъ суевѣры ,
когда пища проспиртъ Благовѣщенскую за-
упренню , или въ сей день завьсптъ гнѣздо ,
то опнимаются у ней на нѣсколько време-
ни въ наказаніе крылья , и она летать не
можетъ , но ходитъ по землѣ.

Бой кулашный и палочный, въ великомъ обыкновеніи во всей Россіи. Бьются одинъ на одинъ, или спѣна на спѣну. Сіе должно значить шутку, однако нерѣдко случается, что иному разобьютъ голову и переломаютъ кости, а иные отъ сего увеселенія лишаются и жизни.

Борода, раскольники. именующіе себя спаровѣрами, сію кучу волосовъ почищаютъ выше всѣхъ своихъ членовъ и дороже самой ихъ головы, мня, что они съ бородою составляютъ образъ и подобіе Божіе, не вообразя того и не размысля, что Богъ есть духъ, то плоть наша ни малѣйшаго подобія его составить не можетъ; а для сей неправосоставленной ими системы лучше хотѣвъ лишены быть головы, нежели бороды; чѣмъ и многихъ простаковъ разили.

Бородонъ, божество Чувашское, которое они почитаютъ хранилемъ ихъ деревень.

Бракъ, на канонъ брачнаго сочепанія, призывается въ домъ жениховъ семи или шести лѣтъ мальчикъ, который укладываетъ вещи въ нарочно-купленный для того ларчикъ, который шогожъ вечера женихъ отвезетъ въ подарокъ невѣстѣ, а именно: башмаки, опахало, серги, пряжки, бѣлилы, румяны, перчатки и прочая. Во время бытія женихова у невѣсты сидитъ онъ и съ

не-

невѣстою на мохнашой шубѣ, въ знакъ будущей жизни благополучной. На другой день передъ поѣздомъ въ церковь пошлѣ же мальчикъ, или другой съ невѣстиной стороны долженъ невѣсту обушѣ въ новые башмаки, и продаетъ ее косу за гривну или за рубль, то есть что дадутъ. Невѣста въ знакъ ея покерности повинна въ первой разѣ разуть жениха, при чемъ женихъ кладетъ въ сапоги въ правой деньги, а въ лѣвой плетъ; и когда невѣста сперва за лѣвую ногу приметъ, то женихъ вынявъ плетъ, ударитъ невѣсту; а ежели за правую, то опдастъ ей положенныя деньги. Новобрачныхъ же не кладутъ никогда спать въ жилой хороминѣ, но въ пустой и не попленной, какъ бы стужено ни было, и нѣкоторые для того нарочно спроятъ покои, и на пополокъ земли не кладутъ. Подъ поспелю кладутъ ржаные снопы или солому. Ежели на невѣсту въ церквѣ для головнаго убора вѣнца не вздеваютъ, и держитъ оной какой нибудь мущина, то вѣрятъ, что тотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ, и жена имѣть будетъ неопшѣнно побочныхъ мужей или любовниковъ; потому, что она вѣнца не вздевае, или попому, что вѣнчались ихъ шрое вмѣсто двухъ. На другой день свадьбы, когда невѣста не была въ дѣвкахъ цѣломудренна, то матери ея поднесутъ стаканъ съ дырою, изъ кото-

раго напитокъ пошечешъ, когда она возметъ въ руки, ибо дружка поднося ей зажметъ оною скважину пальцомъ.

Къ сговоренной невѣстѣ у Ягцкихъ козаковъ до самой свадьбы собираются ея подруги каждой вечеръ, поютъ пѣсни, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ сѣ время, которое иногда продолжается до двадцати недѣль, женихъ почти и женѣ обходиться съ невѣстою такъ, какъ мужъ съ женою. Въ дѣвишникъ долженъ онъ принести невѣстѣ въ подарокъ платье и весь женской уборъ; напрошивъ того невѣста даритъ ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣнчанія ѣдетъ невѣста отъ церкви на телегѣ, а позади ея сидитъ мать и сваха, которая на всѣхъ пальцахъ должна имѣть кольца, и обѣ со сторонъ прикрываютъ невѣсту плащомъ, дабы зрители лица не видали. Передъ телегою идетъ женихъ съ отцомъ и дружкою; позади телеги многіе ѣдутъ на лошадяхъ верхомъ, и одинъ изъ нихъ держитъ полосатую плахту, какую Черкаскія жены обыкновенно носятъ вмѣсто юбки на длинномъ шесту, такъ какъ знамя; и оная плаха тѣмъ достойнѣе примѣчанія, что здѣшнія женщины оной не носятъ. Въ прочемъ прѣятели препровождаютъ день бракосочетанія въ пиръ, пляскъ и пѣніи, и при томъ еще по большей части на улицѣ. У сихъ коза-

ко ѣ

ковъ прежде былъ такой обычай, что ежели кто жени держашъ больше не хочетъ, то, выведши на площадь продастъ.

У Донскихъ козаковъ женихъ приѣзжаетъ верхомъ за своею невѣстою, и лошадь подъ нимъ обвѣшена колокольчиками, дабы невѣста слышать могла прибытіе своего жениха. Сіи колокольчики хранятся попомъ или у родителей новобрачныхъ, или у нихъ самихъ для памяти; невѣста не приноситъ никакого приданого къ своему жениху; но онъ долженъ ее одѣть съ головы до ногъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, преселяется жить туда, и объявля невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ, оказывая удалство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему шестю, щещъ и невѣстѣ, а потомъ требуетъ позволенія хватать невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или все пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ, приходятъ жить въ чужой острогъ

острогъ и работають: и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признать, съ какимъ намѣреніемъ они по дѣлають, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ и не говоритъ ни слова, пока они или сами, или чрезъ другихъ объявляютъ родителемъ невѣсты о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ нибудь напасть на нея во малолѣдствѣ: ибо она бываетъ тогда подъ охраненіемъ всего женскаго полу того острожка, копорыя рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двои или въ три хоньбы, опущана сѣпьями рыболовными, и ремнями увязана такъ, что она не можетъ поворотиться какъ спашуя; и естьли женихъ улучшить въ малолѣдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ стремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣпи, чтобъ коснуться пайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между тѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста при томъ непротивится, да и проивиться не можетъ, однако охранительницы поступаютъ съ женихомъ не милосердо, бьютъ его, таскають за волосы, терзають лице и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему

ему не дасть схватывать невѣсты. И буде жениху пощаспливится предпріятіе свое произвестъ въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прѣчь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ, ни, ни. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочешанія, однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждого хватанія принужденъ онъ бываетъ нѣскольکو времени справляться съ силою и раны залѣчивать; а есть примѣры, что нѣкоторые по семилѣтнемъ хватанье вмѣсто невѣсты получили увѣчье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно; на другой день увозитъ ея въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній, а для празднованія брака возвращается къ невѣстпнымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени.

У Мордвы и Чувашъ, когда отецъ вознамѣрился женить своего сына, то прежде подсылаетъ къ невѣстину ошцу постороннихъ людей, и спрашиваетъ, намѣренъ ли онъ отдать свою дочь за Н? когда согласной на то получитъ отвѣтъ, то сошедшися съ обоихъ сторонъ ошцы и матери договариваются сперва о калымѣ, что есть

выкупъ, также кому держать свадебныя издержки, какъ то попойку, и сколько точно и договорясь на пр. на ведръ вина, бочкъ пива и меду, жениховъ отецъ приготавливаетъ по своему договору, и переноситъ въ домъ невестинъ, кладетъ также калымъ или выкупъ за невесту 8, 9, 10 руб. и болѣе, смотря по состоянію обѣихъ споронъ. Приведши все сіе въ порядокъ съ жениховой спороны отецъ и мать просятъ всю невестину родню въ гости въ ея домъ, а женихова родня при томъ не бываетъ. Въ оный день сошедшия гости пьютъ и веселятся, а дѣти ни мало сего не знаютъ; и такимъ образомъ сдѣланной договоръ иногда долгое продолжается время. Въ самой день свадьбы объявляютъ жениху и невестѣ ихъ отцы, что у нихъ будетъ сей день свадьбы, и собравшия жениховъ отецъ съ матерью ѣздитъ къ невестину отцу и матери; а невеста уже тогда бываетъ въ готовности къ браку. Вся церемонія ихъ состояла въ томъ, что невестинъ отецъ взявъ свою дочь за руку, а мать хлѣбъ и соль, вручаютъ ея свекору и свекровѣ. Невеста поблагодаривъ своимъ родителями за все попеченіе и воспитаніе, и оплакавъ всѣхъ своихъ ближнихъ, покрывается бѣлымъ холстомъ до пояса, и выводится изъ опеческаго дому чрезъ своего брата до саней или пелеги. Такимъ образомъ родня съ невестиною

стиной стороны проводивъ ея до половины дороги, возвращаясь вся назадъ, а съ половины дороги встрѣчаетъ родня женихова: ибо при самой свадьбѣ съ невѣстиней стороны никто не бываетъ. Какъ придутъ къ женихову двору, тогда жениховъ братъ или ближайшій сродникъ беретъ невѣсту за руку, и введши въ избу, сажаетъ за столъ; потомъ кличутъ жениха, который нахлуча шапку садится подлѣ невѣсты. Жениховъ отецъ при собраніи всѣхъ гостей и сродниковъ, беретъ поставленной на столъ длинной пирога аршина въ полтора за конецъ, и подымаетъ другимъ концомъ пирога, наложенное на невѣсту покрывало, говоря сіи слова: вошъ тебѣ свѣтъ, будь щаслива къ хлѣбу, животу и къ размноженію семьи. Потомъ перемѣняетъ ей свекоръ прежнее имя и называетъ *Мезява*, большая, естли женихъ старшій сынъ, *Сернява*, середняя; *Вежава*, меньшая, по старшинству ихъ мужей. Тогда женихъ и сродники увидятъ невѣсту, а невѣста своего жениха или мужа. Послѣ сего начинаютъ пиршество, которое продолжается смотря по богатству свекора. Въ семь состоятъ всѣ ихъ свадебныя обряды и таинства.

Случается у нихъ, что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей, когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтныя дѣти, и лѣтами и имуществомъ

вомъ между собою равны; шо во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрише добрые люди, чшо мы между собою свашовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называющся свашовьями до возрасту своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ опцовъ бывшей договоръ не понравится на пр. естѣли женихову опцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣспинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другаго; напрошивъ того, естѣли невѣспину опцу не понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ опѣ 6 до 12 рублей.

Какъ они были еще язычниками, шо хоппя дозволялося имъ брать столько женъ, сколько кто содержитъ въ стоянїи, однако смотря по кресіянскимъ достаткамъ, никто болѣе трехъ женъ не имѣлъ. Двухъ сестеръ родныхъ брать у нихъ за грѣхъ не считалось, съ тѣмъ только различіемъ, естѣли первая сестра умретъ, и пакъ зяшъ сватается на другой сестрѣ, приходитъ къ тещю и пребываетъ себѣ въ замужствѣ; естѣли же тещъ на сіе согласиться добровольно не похочетъ, шо можетъ опѣ зяшъ къ тому и принужденъ быть такимъ образомъ. Когда зяшъ пришедъ къ тещю говоритъ, отдашь ли за меня, Енай, шо есть свояченицу, а тещъ отвѣтствуетъ: нѣтъ; тогда

погда зять пощаенно принесенной хлѣбъ , или колачъ вынявъ изъ подполы, старается положить на сполъ. И естѣли ему сѣе удастся сдѣлать и сказать, вотъ хлѣбъ и соль береги мою Енай. Проговоривъ сѣи слова, женихъ долженъ скорымъ свой жившъ спасать бѣгствомъ; ибо когда его въ такомъ случаѣ догоняшъ, то бьютъ нещадно, а естѣли уйдетъ благополучно, теснѣ принужденъ бываетъ отдать свою дочь. Въ прочемъ до крещенія Мордва имѣла право продавать своихъ женъ съ прижитыми дѣтьми, когда онѣ имъ не полюбяшея, и брать другихъ. Напротивъ того неимущіе, которые не въ состояніи дать выкупъ за невѣсту, стараются подцепить гдѣ нибудь дѣвку удалствомъ, на такой конецъ подговариваютъ шайку удалыхъ ребятъ, и пощаенно приѣзжаютъ въ ту деревню, гдѣ подговорена дѣвка; а иногда изъ базаровъ и другихъ мѣстъ увозятъ противу воли дѣвокъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ совершается съ ними простая наша пословица; или добышь, или домой не быть; ибо когда нагоняшъ съ дѣвкою, то за добычу должно оплачиваться боками, а иногда и головою. Естѣли удастся увести благополучно, то и владѣетъ ею; однако и шутъ калыму или выкупу избыть не можно, но плашатъ его изподоволь. Съ того времени, какъ они начали больше имѣть обращенія съ Рускими,

нѣсколько и свадебные ихъ обряды перемѣнились; они сващаются по Рускому обыкновению примѣшивая и свои обряды, а особливо въ самой помѣ день, когда невѣстка въѣзду приугошвлена. Ее одѣваютъ въ красное платье, ш: е: красной кумачникъ, красную рубашку и красные сапоги, на всѣ пальцы обѣихъ рукъ надѣваютъ перстни разныхъ цвѣтовъ съ привѣшенными къ нимъ небольшими цепочками, къ которымъ прикрѣплены такъ же на иныхъ серебряныя, на иныхъ мѣдныя копѣйки, а на иныхъ полушки. Голову покрываютъ ей красною фатою, такъ что бы лица видѣть не можно было, передъ нею ставятъ скамейку, на которой лежитъ хлѣбъ, ведро пива и соль. Подлѣ ее садится пожилой мужикъ съ образомъ, предъ которымъ малой мальчикъ держитъ свѣчу; между симъ временемъ подходя къ ней ея сродники и нагибаютъ свою голову подъ фату, которыхъ она каждого порознь оплакиваетъ. Во время сей церемоніи одинъ играетъ на гудкѣ, а прочіе по ихъ обряду приплясывая поютъ, вой, вой. Тутъ подчиваютъ пивомъ или медомъ всѣхъ предстоящихъ, и всякой себѣ за честь вмѣняетъ быть при такомъ случаѣ пьянымъ. Съ жениховой стороны никто тутъ не бываетъ, кромѣ отца или брата, свахи и двухъ друзей. Свахина и одного дружки должностъ состоятъ въ томъ, что бы плясать

сать и подносить, а другой дружка стоя передъ невѣстою безмолвенъ, держишь въ рукахъ обнаженную саблю, кошорсю помаживаетъ ошь времени до времени, и ударяетъ въ пошолокъ или мапицу. У печки на сполъ кладутъ постелю и все приданое невѣсты, на которомъ садится или невѣстина сестра, или другая какая подруга, и у сей дружка приданое выкупать долженъ. Когда невѣста всѣхъ своихъ сродниковъ оплачетъ, тогда дружка съ саблею идетъ напередъ, потомъ отецъ невѣстинъ, или ближайшій сродникъ съ образомъ, а мать или бабушка со свѣчею. Двое изъ поѣзду берутъ невѣсту подъ поясъ, а третій, шестеро: главный дружка за ноги, и такъ ея выносятъ на дворъ; между тѣмъ невѣста, какъ бы неохотно оставляя домъ своихъ родителей, хватается руками за мапицу и держится, сколько ея силъ есть: отецъ и мать или ближайшія ея сродники спешатъ развести ея руки и помогаютъ вынести ее вонъ. Въ самыхъ еще дверяхъ хватается она въ другой разъ за косякъ, гдѣ то же съ нею дѣлается. Какъ вынесутъ невѣсту на дворъ, то дружка съ саблею кричитъ, что бы всѣ зрители стояли рядомъ, и что бы никто невѣстѣ на встрѣчу не попался, ибо встрѣча тогда за худой знакъ почитается. Между тѣмъ запираютъ избныя двери и никого изъ избы не выпу-

скають, пока невеста не будетъ посажена въ сани или шелегу, и не покрыта бѣлою скаптерью съ бахрамами. Въ поѣздѣ передъ невестою ѣдетъ отецъ или братъ жениховъ, за нимъ невеста, сваха и дружка, на одной упряжкѣ. За невестиною упряжкой ѣдутъ ея подруги, и пропчей поѣздъ до половины дороги, невесту привозятъ въ церковь, гдѣ женихъ дожидается. Послѣ вѣнчанія изъ церкви женихъ ѣдетъ напередъ, невеста позади, а за невестою поѣздъ; по приѣздѣ домой, женихъ принимаетъ невесту и ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ оную, оба спановятся одною ногою на порогъ избной, гдѣ имъ сперва жениху ставятъ на ногу горячую съ хмѣлемъ сковороду, нарочно къ сему приуготовленную, коюрой съ ноги оную сбрасываетъ столь далеко, сколь ему заблаго разсудится: по томъ ставятъ сковороду на ногу невесты, коюрая такъ же сбрасывается; но шутъ домашній примѣчаютъ, сколь далеко она сковороду скинетъ, и заключають, что чѣмъ далѣе сковорода отлетитъ отъ ея ноги, тѣмъ она сердитѣе и сварливѣе будетъ; въ противномъ случаѣ уклонною и смиренною быть надѣются. Послѣ сей церемоніи входятъ всѣ въ избу, садятся за столъ и пируютъ, при которомъ пиршествѣ никто изъ невестиной родни не бываетъ, и молодая надѣваетъ свое

дѣвичье Мордовское платье, заплетаетъ косу и повязывается повязкою. Невѣстины отецъ и мать и прочіе сродники до тѣхъ поръ ни съ нею, ни съ ея мужемъ не видяшся, пока съ ея стороны не будетъ прислано, что бы ея родня къ ней приѣзжала, и такъ иногда сіе свиданіе чрезъ полгода или цѣлой годъ случается. Сіе для того бываетъ, что она до тѣхъ поръ, пока послѣ свадьбы не увидится со своимъ опцомъ, или кто ея выдавалъ, имѣетъ право пользоваться дѣвичьею красотою, и носить дѣвичье платье; а увидясь со своими, оной лишается, облокашсь уже въ женской уборѣ.

У Татаръ, по рѣкѣ Черемшану живущихъ, когда женихъ или его родители, гдѣ выберутъ невѣсту, то свахаютъ чрезъ постороннихъ людей, и если дѣло пойдетъ на ладъ, то за самой первой пунктъ почитается калымъ или выкупъ, и самый бѣдный долженъ платитъ по крайней мѣрѣ тридцать рублей, а богатые по сту, по двѣсти и дороже покупаютъ себѣ женъ. Принужденія въ женидбѣ у нихъ нѣтъ, а особливо женскому полу; по чему при собраніи родственниковъ и постороннихъ людей отецъ спрашиваетъ у невѣсты, любѣли ей женихъ, и охотно ли она за него идетъ? согласной ея отвѣтъ рѣшитъ все дѣло; ибо призвавъ Муллу, который прочитавъ моли-

Б 3

тву,

пву, позволяеть невѣстѣ съ женихомъ вмѣстѣ сидѣть за зановѣсомъ ; а прочіе пьютъ и веселятся. Если женихъ въ соспоаніи заплашитъ выкупъ, то беретъ въ то же время съ собою невѣстину : въ противномъ случаѣ невѣста оглаеиъ у отца до тѣхъ поръ , пока женихъ всего не выплатитъ выкупу по часнямъ. Между тѣмъ женихъ имѣетъ право тайно опъ времени до времени посѣщать свою невѣсту, что у нихъ за пазуху ходитъ, называется ; ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольности простираеться должна. Когда же весь выплаиитъ калымъ, то собираются паки къ невѣстинуу отцу на пиршество, и упившия гости развѣзжаются по домамъ ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, такъ же и съ придаными уѣзжаетъ въ свой домъ ; гдѣ призвавъ Мулла совершаетъ бракъ. Мулла спрашиваетъ только три раза , женился ли ? прибавляя имя жениха, на что ему отвѣчаетъ дружка тѣми же словами , женился ; спрашиваетъ такъ же троекратно невѣстину , вышла ли ? на которой вопросъ отвѣчаетъ сваха, вышла ; ибо женихъ и невѣста Мулла не кажутся, но сидятъ, или въ другой избѣ, или за зановѣсомъ. По сихъ вопросахъ, Мулла прочитаетъ молитву , и тѣмъ кончится вся тайнобрачная. По прошествіи двухъ или трехъ дней , зять призываетъ къ себѣ въ домъ тѣсть и всю женину

нину родню, съ которою и пиршествуютъ, при чемъ всякъ по своему досташку награждаютъ новобрачныхъ, какъ шо скопомъ, плашьею и прочимъ.

Хожденіе за пазуху имѣетъ кромѣ облегченія въ выкупъ и другія основанія, шутъ женихъ приходитъ къ невѣстѣ въ распахъ, и можетъ увѣренъ быть о ея качествахъ, ибо еслии онъ что за нею подозрительнаго примѣтитъ и засвидѣтельствуется другими, дозволяется отказать ему отъ невѣсты заблаговременно, и возвратитъ назадъ часъ даннаго выкупа.

Женидѣба дѣшей у Калмыковъ зависитъ единственно отъ воли родителей. Но прежде, нежели онъ сватовство предпріять можетъ, приходитъ къ своему Гелю, и объявляютъ ему имя жениха и невѣсты, годъ и число, въ которое родилися. Гелунъ справляется въ своемъ Сударѣ и объявляетъ соизволеніе Бурхановъ: еслии по Гелюнову мнѣнію худое будетъ предвѣщаніе о свадьбѣ, то ни подъ какимъ видомъ бракъ совершиться не можетъ, развѣ опцы одарятъ столько Гелюня, что онъ сими подарками можетъ и Бурханское соизволеніе перемѣнить въ хорошее предзнаменованіе.

Когда получатъ отъ Гелюня доброе предвѣщаніе, тогда уже договариваются о жалымъ при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ. Невѣста обыкновенно жениху принесетъ

должна новую кибитку, нѣсколько всякаго скота, и ясырь, то ешь: услужниковъ и услужницъ.

Бракъ совершаетъ Гелюнь² во время новомѣсячїя съ своими обыкновенными обрядами: сперва приводитъ ихъ къ Бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выводитъ ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце и читаетъ свои молитвы, при которыхъ женихъ съ невестою бьютъ земные поклоны; иные говорятъ, что жениха съ невестою обводятъ проекратно около кибитки, другіе напротивъ того увѣряютъ, что сіе не правда; но все при бракосочетаніи обряды состоятъ въ молитвахъ. По совершеніи молитвъ, Гелюнь накладываетъ на нихъ руки, и тѣмъ кончитъ. По вѣнчаніи невесту сажаютъ въ кибитку за занавѣсъ, а женихъ садится въпереди; родня съ обѣихъ сторонъ беретъ сырую овчину, и шянутъ ее сколько силъ ешь; и ешьли женихова родня вшянетъ въ кибитку невестину родню, то невестина родня принуждена бываетъ держаъ свадебную попойку; и обратно при началіи пиршества, невесту вводятъ въ свою кибитку, гдѣ она съ женскимъ поломъ торжествуетъ, при играніи музыкальнаго согласія, состоящаго въ чебызгѣ, волынкѣ и гудкахъ: ибо молодой по ихъ установленіямъ возбращается видѣться съ свекоромъ и съ старшею

шею жениховою роднею , да и опца своего не прежде , какъ по прошествіи года пошлѣть дозволено , и тогда она опѣ него совершенной свой пай получаетъ , какъ по верблюдовъ , скотъ и проч.

При совершеніи бракосочетанія , Мокшанцы сажали невѣсту въ собраніи всѣхъ своихъ пріятелей на рогожу , относили къ жениху въ покои и отдавали ему , говоря сїи слова : вотъ тебѣ волкъ овца , въ которомъ случаѣ невѣста по благопристойности притворяется столь неистовою , сколько силъ ея спанетъ. Еще и нынѣ имѣютъ они такое обыкновеніе , что когда невѣста послѣ обвинчанія возвращается изъ Россійской церкви , то должна она непрерывно голосомъ вопишь ; да и нѣкоторыя изъ нихъ въ такой горести царапаютъ себѣ лице немилосердо , при томъ же у невѣсты бываетъ лице закрыто фатою , или вышитымъ полотенцомъ. Еще и нынѣ держатся они того обыкновенія , что на другой день послѣ свадьбы , спаршій изъ сродниковъ взявъ хлѣбъ съ привѣшеною къ нему небольшою шапкою и пряжкою , которую носятъ на груди , приносятъ въ даръ молодой , ставивъ прижды ей на голову , и при томъ не всегда по порядку говоритъ сїи при слова : пшпей , мезей , пивей , только выговариваемое на послѣди слово должно быть обыкновенное имя молодой.

Калмыки Лицкіе сговариваютъ своихъ дѣшей , не токмо въ младенчествѣ , но и во чревѣ , и при томъ съ такимъ договоромъ , еспѣли у одного родиться сынъ , а у другого дочь , то неопмѣнно должны они сочешаться бракомъ , и сіе обрученіе содержитъ ненарушимо. Молодыхъ людей обыкновенно сводятъ тогда , когда уже имъ отъ роду четырнадцать лѣтъ или болѣе ; еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходить къ невестѣ , и съ нею играть : но еспѣли она обрюхатѣетъ еще до свадьбы , то принужденъ онъ задобривать ея родителей подарками , не смотря на то , давно ли происходило обрученіе или не давно ; однако должно еще до свадьбы договориться съ невестинымъ отцомъ и матерью , о даваемомъ числѣ лошадей и другаго скота. Напрѣтивъ того ея родители готовятъ въ приданое за нею платье , пошребныя въ дому вещи и постелю , состоящую изъ узорчатыхъ , и по краямъ обшитыхъ шелковою или бумажною матеріею войлоковъ и шапихъ же одѣяловъ ; сверхъ того дають еще новую изъ бѣлаго войлока сдѣланную кибитку. Предъ свадьбою навѣдываются у Гелюня о благополучномъ къ тому днѣ. Когда должно бытъ свадьбѣ , то невеста со своими родителями и сродниками поѣдутъ къ жениху , поставя новую кибитку ; Гелюнь чишаетъ при всѣхъ по-

ѣзжашыхъ нѣкоторыя молишвы надѣ женихомъ и невѣстою; послѣ чего по его приказанію расплетаютъ у невѣсты всѣ косы, и заплетаютъ волосы, только въ двѣ косы, такъ какъ носятъ бабы; потомъ Гелюнь снявъ шапки съ жениха и невѣсты, спускаетъ съ Гетсюломъ въ поле, и шамъ окуриваетъ оныя ладаномъ, читая при томъ молишвы; а возвратясь опшуда, отдаетъ шапки дружкѣ и свахѣ, которые и надѣваютъ оныя на голову жениху и невѣстѣ. Потомъ подчиваютъ гостей, и невѣстинъ отецъ обыкновенно даетъ скота на пиршество. Какъ госпи разойдутся, то невѣста остается въ кибиткѣ у жениха, и ей нѣсколько времени не дозволяется выходить изъ кибитки, ниже къ ней приходитъ кромѣ матери и сродницъ. Сказываютъ, что на свадьбахъ у князей производятъ великія увеселенія, а имянно: бываетъ значное пиршество, при которомъ случаѣ находится предводитель у тѣхъ, которые носятъ кушанье въ большихъ деревянныхъ сосудахъ; предводитель ѣдетъ на переди на бурой лошади, въ великолѣпномъ плащѣ; чрезъ плечо повѣшенъ длинной кушакъ изъ тонкаго полотна, а у шапки виситъ черной лисей или куней мѣхъ. Въ день бракосочетанія, во всѣхъ улусахъ читаютъ духовныя особы молишвы, а свѣтскія на свадьбѣ веселятся, бѣгаютъ на лошадяхъ въ запуски

пуски , борются , стрѣляютъ изъ луковъ и проч.

Калмыкамъ по ихъ вѣрѣ не позволяется имѣть много женъ, но сей законъ не споль строго наблюдають, что бы знатный или начальникъ иногда не имѣлъ у себя двухъ или трехъ женъ ; однако сѣи примѣры рѣдко случаются. Хотя и не позволено имъ разводиться съ женою , однако то часто бываетъ, а особливо у знатныхъ, естли Калмыкъ имѣетъ причину быть не доволенъ женою, или она сама похочетъ развестися; то ему вольно , раздѣть ея до нога и прогнать плешью ; естли же онъ хочетъ разстаться съ нею честнымъ образомъ , то позоветъ ея сродниковъ къ себѣ на пиръ , даешъ женѣ осѣдланную лошадь и столько коша, сколько хочетъ или можетъ дать , съ симъ добромъ отъ себя отпускаетъ.

Вошяки послѣдуя примѣру своихъ предковъ, сватають дѣвицъ по договору, сколько надобно за нее дать калыму , когда договоръ заплашы кончится , то женихъ беретъ невѣсту въ свой домъ, и цѣлую недѣлю пользуется ея пріятностями ; но по прошествіи сего времени, отецъ невѣстинъ приѣхавъ къ своему зятю, беретъ ея обратно, и цѣлой годъ держитъ въ домъ своемъ такъ крѣпко, что она не можетъ имѣть никакого свиданія съ назначеннымъ ея женихомъ. Въ сей годъ женихъ печется, дабы запла-

заплатить потребное число калыма, а невеста съ своей стороны оказываетъ послѣднѣя услуги своимъ родителямъ; но какъ все уже будетъ готово, то сдѣлавъ все нужное къ свадебнымъ обрядамъ, дѣлаютъ пиръ, и среди собравшихся гостей, отецъ жениху вручаетъ свою дочь.

У самыхъ гостепріемнаго покоя дверей останавливается она на раскинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока духовный человѣкъ принесетъ въ жертву сѣканъ пива, и сошлоритъ къ богамъ молитву о ниспосланіи молодымъ щастія въ наживѣ хлѣба, дѣшей и богатства. Освященное оное пиво даетъ онъ лишь молодымъ, и сіе служитъ, какъ будто брачнымъ таинствомъ; послѣ сего разноситъ дѣвка съ невестиною спороны медъ или пиво, а сама невеста прося каждого гостя выкушать подносимое, сѣпановишя при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ изрядно, попиваютъ, пляшутъ, и такъ далѣе.

Киргизцы платятъ калымъ за невесту смотря по своему достатку, и смотря на красоту и природу свахаемой дѣвки: самая посредственная плата за невесту должна состоять въ одномъ пленникѣ, въ тридцати или въ сорока лошадяхъ, и въ нѣкоторыхъ военныхъ снарядахъ. Передъ днемъ брака

брака, отецъ невѣстинъ, въ нѣкоторомъ разснопяніи ошѣ своего жилища становящѣ бѣлую кибишку, въ которой обыкновенно отправляются брачные обряды между женихомъ и невѣстою, къ ней привязываютъ богатоубранную женихову лошадь, и памѣ же кладутъ наилучшую его одежду.

Если невѣста по день сочешанія своего сохранила себя безпорочно, то брачное пиршество отправляется съ веселіемъ; если же случится тому противное, то бывшіе при оной церемоніи сваты заколютъ убранную женихову лошадь, и въ мѣлкіе куски изрѣжутъ его одежду, означая тѣмъ неблагополучіе сочетавшихся. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣстинъ служитъ ругательству собравшихся гостей, и при томъ лишается взятаго за дочь свою калыма. Такіе примѣры у нихъ весьма рѣдко случаются, потому что дѣвокъ просватывающихъ они по большой части малолѣтнихъ. Утромъ брачнаго дня невѣсту, сидящую на богатомъ коврѣ,носящѣ чешыре дѣвки прощаются со всѣми ея подругами; сіе прощаніе есть знакомъ исключенія ея изъ дѣвокъ: и съ сего то дня женихъ можетъ видѣться съ своимъ тестемъ, что по сей день у нихъ не бываетъ.

Они наибольше подстерегаютъ Калмычекъ, потому что они по ихъ скаскамъ къ удовлетворенію похоти наилучшее имѣютъ
тѣло-

тѣлосложеніе и долѣе всякихъ другихъ женщинъ равняющіяся съ молодками: по чему и знашныя Киргизцы на нихъ женящіяся, когда согласящіяся принять Магомешанской законъ; напротивъ того какъ Персіанки, такъ и Персіана Кызылбаши толико имъ ненавистны, что выдають ихъ и за своихъ невольниковъ. Когда кто въ первые женищіяся хочеть, то дають за природную Киргизскую дѣвку ококо пшадесяти лошадей, двадцати пяти коровъ, до ста овецъ, нѣсколько верблюдовъ или невольника, и лапы. Я положилъ здѣсь среднюю цѣну, скудные женихи дають и гораздо меньше, богатые же и въ нѣсколько кратъ больше; другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платятъ и того еще больше, и такъ далѣе.

Лопари женятъ и за мужъ выдають дѣшей по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣніе, а потому и безобразная дѣвка, когда только не скудна можетъ выйти за хорошаго человека. Холоснымъ не дозволяется у нихъ женищіяся до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжевать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ располагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою точностію, какъ будто о какой куплѣ, хотя въ прочемъ запросы бывають и нарочито непомѣрны, даваемое женихомъ за невѣсту награжденіе принимается

маепся щетомъ, и соспоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мяжкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова, какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощеніе есть не иное что, какъ очередное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою, какъ свѣсное, такъ и напишки. Забавляются же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ игрою въ гуська; сія игра подобна шахматной, и производится принадлежью камешками представляющими гусей и лисицу. Увеселяются также борьбою, прыганьемъ черезъ держимыя вдоль шесты, рассказываньемъ забавныхъ басенъ нескладнымъ и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ пѣніемъ и пляскою. Молодые живутъ первый годъ у шестя и у шещи, а потомъ перебираются въ свой шалашъ.

Въ домѣ, гдѣ бытъ свадебному пиршеству, сшавятъ на столъ Черемисы домашняго Идола, передъ которымъ творитъ Картъ молитву, потомъ бываетъ обѣдъ и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ по гусямъ, волынкѣ, шибберъ и губномъ органѣ кобашъ; въоранье пѣсенъ и сему подобномъ; между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣяніе, сиречь снимающъ съ нее покрывало, и надеваютъ ей

ей на голову, вмѣсто худой нарядную высокую шапку или повязку. Женихъ взявъ ее за руку, отводитъ въ гостѣпрѣмной покой, гдѣ она во время пѣвима Картомъ молитвы сѣидъ на колѣняхъ, а потомъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невеста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому поссторонними бабами. Уложивъ молодыхъ, запираютъ подклешъ; на другой день по утру приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступивши мѣсто роднаго невестина отца, мущина, держа въ рукъ добрую плъть, и ежели примѣтитъ, что невеста въ дѣвствѣ вела себя не цѣломудренно, то погрозясь оною совершаетъ на другой день свои угрозы; такимъ же образомъ, пропуская только больше либо меньше послѣ спрашанія времени, наказываютъ мужа женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣнятъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они также въ пированьи и весельѣ; а какъ спанутъ на послѣкокъ разойдись гости, то всякъ выпивъ послѣдней стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христѣанской законъ Черемисами, такихъ свадебъ, на которыхъ бы не происходили сѣи языческіе

В

обряды,

обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ или лѣтъ; но бѣдный спрансывующій удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу: онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда опцу такое за дочь награжденіе, какое самъ вздумаетъ: и такимъ образомъ безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Ежели кто вздумаетъ изъ Чувашъ обитających по Волгѣ жениться, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко; обыкновенная невѣстамъ цѣна простирается отъ двадцати до пятидесяти руб.; ноиные за пять и за десять рублей получаютъ также себѣ женъ; напротивъ того богатые даютъ за невѣсту и до осьмидесяти руб.; невѣстино приданое состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяніи, бываетъ почти равное платимымъ женихомъ за нее деньгамъ. Торговъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (хотя).

По заключеніи онаго бываетъ особый съ дарами поѣздъ; женихъ приѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ плащитъ за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками или холстомъ. Невѣстинъ отецъ для сугубаго въ женидѣбѣ счастья, приноситъ въ жертву пшенишный хлѣбъ и небольшое количество меду сырца; онъ держитъ даръ свой пропивъ солнца и творитъ молитву; послѣ чего

чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напослѣдокъ опредѣляющъ когда бытъ свадьбѣ.

Во время свадьбы сидитъ невѣста занавѣся лице за огородкою; напослѣдокъ вышедъ огтуда, ходитъ прискорбно въ гостѣпрѣмной избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ, и хлѣбъ; какъ обойдетъ она въ третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ ее и мѣняется съ нею перстнями; съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, и напослѣдокъ уходитъ опять за огородку, гдѣ бабы, вмѣсто худой дѣвичьей шапки надѣваятъ на нее бабью побогатѣе убранную хушну.

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру происходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе; ежели окажется, что она до замужства жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подаетъ старѣйшинѣ съ пивомъ такой стаканъ, у коего на днѣ пробуровлена дырочка, которую зажавъ пальцомъ удерживаетъ пиво, но какъ скоро гость возьметъ стаканъ въ свои руки, то начинаетъ напитокъ бѣжать изъ дырочки; гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и приводятъ шѣмъ невѣсту въ стыдъ: другихъ не бываетъ никакихъ слѣдствій. На дру-

той день принимаетъ молодая гостей уже такъ какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день; пляшутъ же они по гусямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещенныя вѣнчающіяся въ церквѣ спуская иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и она походитъ нѣсколько на очередную пирушку, потому что всякой гость несетъ что нибудь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ которой вопкнула сирѣла; тутъ кто изволивъ изъ гостей кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

У Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ передъ свадьбою невѣста должна нѣкоторое мѣсто очистить отъ волоса; у простыхъ людей исправляютъ дѣло сѣе на дѣвишникѣ бабы бритвами: знающіе же употребляютъ къ тому заранѣе особливую мазь (Т. Сурахъ), которою и мужа бороды свои для уменьшенія мажутъ, и которая составляется изъ оперменна и негашеной извести, разливора ихъ на водѣ или на постномъ маслѣ; сею мазью пошираютъ они въ банѣ причинное мѣсто нѣсколько разъ не сряду, но пропуская по немногу времени; а когда волосъ вновь пустился, то опять за мазь принимаются. Нѣкоторые выдергиваютъ волосы, дабы навсегда изба-

избавившись отъ частаго и шягостнаго бри-
тня, и съ самымъ корнемъ. Дѣвки собрав-
шись на дѣвишникъ къ невѣснѣ, у кошо-
рой лице бываетъ занавѣшено, оплакивають
вмѣстѣ съ нею перемѣну ея состоянія; въ
невѣспиной же пѣснѣ, копорую поютъ двое
мужчинъ, почитается сія перемѣна жела-
тельною. Наканунъ свадьбы отпоятъ не-
вѣсту въ вечеру посадя на коверъ, въ томъ
домѣ, гдѣ быть свадьбѣ, и шупъ по ви-
дѣнсь она съ новыми своими родственни-
цами.

Весь обрядъ бракосочетанія ихъ со-
стоитъ въ томъ, что Мулла спрашиваетъ
въ слухъ жениха и невѣсту, желаютъ ли
они вступить въ супружество, и получа
подтвердительно отвѣтъ, какъ на сіе,
такъ и на то, что договоръ о всемъ уже
сдѣланъ, объявляетъ ихъ чиная моливу,
сочетавшимися бракомъ. А какъ потеря-
ніе дѣвичьей чести почитается у нихъ за
великое безчестіе, то немолчаливой же-
нихъ можетъ въ день свадьбы, какъ по
справедливости, такъ и напрасно сорвать
еще съ тѣснѣи и щѣи клепаньемъ своимъ
какой ни есть подарскъ.

Многія Башкирцы имѣютъ по двѣ жены,
а больше рѣдко у кого бываетъ. Упопре-
бительный у нихъ выкупъ за невѣсту ка-
лымъ состоитъ въ скотѣ, и простирается
отъ пятнадцати до двухъ сотъ головъ; при
В 3 чемъ

чемъ лошади, рогатой скотъ и овцы почти по равному даются числу. За невѣстою идетъ часть сего выкупа въ приданомъ, и потомъ въ прежнія возвращается руки. По причинѣ изобилія въ кумызѣ, и сообразуясь своей бодрости, играющіе они свадьбы только лѣтомъ. Передъ сочешаніемъ, Муллою совершаемымъ, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; при чемъ первыя одерживаютъ верхъ, и потомъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ выводятъ у нее волосы, и сѣе торжество называется у нихъ Таки Алганъ. При сочешаніи даритъ Мулла жениху стрѣлу, и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену. На всякую свадьбу убиваютъ для Бишбармака по одной лошади. Въ первую ночь оспаетъ у молодыхъ двое мужчинъ, и столько же женщинъ; на другой день получаютъ гости отъ молодыхъ небольшіе дары, какъ то: нитки, холстъ, плашки, иголки и прочее.

Увеселенія ихъ во время свадебъ и праздниковъ состоятъ кромѣ пированія: въ пѣніи, пляскѣ, борбѣ, бѣганіи на лошадяхъ взапуски, стрѣлянніи въ цѣль, и смѣхотворныхъ представленійхъ, въ коихъ они пересмѣиваютъ людей и звѣрей, и сѣя игра называется у нихъ черный иноходецъ. Они играютъ не только на балалайкѣ, но и на гудкахъ сдѣланныхъ изъ пустыхъ шравяныхъ

ство-

спволиковъ, къ чему нѣкоторые и баса при-
пѣваютъ. При пѣнїи употребляютъ они
искони такое изобрѣшенїе, которое въ иномъ
мѣстѣ не постыдно бы было объявить и за
новое, а имянно: они носятъ для обороны
ошъ комаровъ особливья опахалы, которыя
нашимъ почти подобны, и въ ихъ по склад-
кахъ пишутъ они свои пѣсни. Пѣсни ихъ
гласятъ о славныхъ богатыряхъ, странству-
ющихъ удалыхъ головахъ, превращенїяхъ и
проч. и служатъ наипаче къ соблюденїю
въ памяти дѣлъ славныхъ ихъ предковъ,
которыя и воспѣваютъ они съ великимъ
воспоргомъ. Когда на послѣдокъ женихъ со-
бирается вести невѣсту свою домой, то
она ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться
съ благодаренїемъ и плачемъ; и при семъ
случаѣ надѣляютъ ее иныя скотомъ, а иныя
домашнею рухлядью. Въ родительской юр-
тѣ, обнимаетъ она кумызной мѣшокъ, бла-
годаритъ ему, что столь долго ее пи-
талъ, и прицѣпляетъ къ нему небольшой
подарокъ. Весь станъ провождаетъ моло-
дыхъ нѣсколько верстъ, и всѣ пьютъ при
распаванѣ взятой съ собою въ малыхъ
мѣшкахъ кумызъ.

У Чулумскихъ Татаръ, сватъ идучи къ
невѣстѣ, беретъ съ собою новую Китай-
скую трубку и Китайской же курибельной
табакъ, объявляетъ шамъ причину своего
пришествїя, и удаляется на короткое время.

Ежели онъ по возвращеніи своемъ примѣтитъ, что шубка его совсѣмъ не употреблялась, то почишаешь это за отказъ; буде же увидишь, что изъ нее курено, то торгуешь невѣсту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и прочая. Цѣна простирается щипая на деньги отъ пяти до пятидесяти руб. по соглашеніи препровождаютъ женихъ и невѣста первую ночь въ новой юртѣ, при чемъ между сею и тесною юртою содержишь огонь. Въ число происходящихъ обыкновенно на свадьбахъ увеселеній, состоящихъ какъ и у другихъ Татаръ въ пированіи, пѣняхъ, пляскахъ и проч. принадлежишь и то, что женихъ при помянутомъ огнѣ борется съ невѣстными родственниками; ему надобно одержать при томъ побѣду: и великая силъ его честь, ежели онъ можетъ самъ собою безъ посторонней помощи управиться. Въмѣсто постели служишь молодымъ разосланной войлокъ. Невѣста припавши на оной ложится; и поелику она проситъ при семъ случаѣ помощи у замужней своей пріятельницы, то сія должна учить ее, какъ ей впредь съ мужемъ жить, за что получаетъ въ подарокъ праздничное платье. Ежели невѣста не имѣетъ признаковъ своей честности, то молодой, тихимъ образомъ отъ нее уходитъ, и къ безславію молодой не прежде къ ней возвращается, какъ раздѣла-

вшись

вшись съ похищителемъ ея чести, послѣ чего все забывается.

У Мордвы по приѣздѣ невѣсты въ жениховъ домъ приходитъ его мать со сковородою, наполненною сухимъ хмѣлемъ, которой зажигаетъ она горящею лучиною и ставитъ сковороду къ правой ногѣ невѣсты, а она опшалакиваетъ оную ногою; сіе дѣлающъ прижды, и каждый разъ сгребая просыпанный хмѣль на сковороду. При семъ случаѣ примѣчаютъ, что ежели сковорода упадетъ на оборотъ, то есть дномъ къ верху, то молодымъ предвѣщаетъ всякое злополучіе; ежелижъ она ляжетъ внизъ дномъ, то почишаютъ сіе за счастливое предзнаменованіе. Потомъ кричатъ, давай пива: и какъ скоро подадутъ, то невѣста снимая нѣсколько колецъ съ рукъ опускаетъ въ братыню, изъ которой потомъ пьютъ гости. Наконецъ раздаютъ грешневую крутую кашу, собравшимся изъ всей деревни старымъ и малымъ, каждому по чумичкѣ, и кладутъ иному въ шапку, иному въ полу, а иному и за пазуху.

Древніе Россіяне при брачныхъ сочешаніяхъ поступали слѣдующихъ образомъ: между прочихъ церемоній, передъ поѣздомъ въ церковь, садился женихъ съ невѣстою рядомъ, или на себоли, или на какой нибудь другой мѣхъ, чешутъ свахи имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ винъ, ко-

шорое держипѣ въ ковшѣ нарочный. Потомъ
 осыпающѣ ихъ осыпадомъ, то есть день-
 гами и хмѣлемъ, шущѣ же зажигающѣ бра-
 чныя свѣчи, копорыя бывали съ лишкомъ по
 пуду, смощря на имѣніе брачныхъ; зажи-
 гали же ихъ особою Богоявленскою свѣч-
 кою. Въ церковь возили съ собою вино въ
 скляницѣ, и когда священникъ дастъ пиши
 жениху и невѣстѣ, шо при послѣднемъ разѣ
 женихъ разбиваетъ скляницу съ оставшимся
 виномъ объ полѣ, и топчетъ бутылку но-
 гою. Брачныя свѣчи ставящѣ пошомъ со-
 скавши ихъ вмѣстѣ къ кадку во пшеницу
 на цѣлой годѣ въ сѣнникѣ, въ головахъ у
 постели. Сѣнникъ приготовляющѣ къ тому
 слѣдующимъ образомъ: поспавящѣ по всемъ
 чепыремъ стѣнамъ образа, а въ головахъ
 постели, надъ дверями и окнами по кресту
 воздвизапельному; по всемъ чепыремъ
 угламъ вошкнущѣ по спрѣлѣ, и на нихъ
 по соболу или по куницѣ, и взоткнущѣ
 по калачу; на лавкахъ по угламъ же поста-
 вящѣ по оловянику меду. Постелю сте-
 лющѣ ни двадцати одномъ ржаномъ снопѣ,
 и какъ подадущѣ послѣднѣе на столѣ ку-
 шанье, то есть жаркое, то дружка обернувъ
 блюдо съ жаркимъ, калачемъ и съ солонкою,
 верхнею скашерпью, понесетъ въ сѣнникъ
 къ постелѣ, а потомъ поведущѣ и моло-
 дыхъ. Въ дверяхъ у сѣнника отецъ поса-
 женой сдаетъ съ рукъ на руки новобрач-
 ную

ную ее мужу, и говоритъ увѣщательную, о содержаніи на узаконенныхъ порядкахъ супруги, рѣчь; и когда придутъ къ постели, то тысяцкаго жена надевъ на себя двѣ шубы, одну такъ какъ должно, а другую сверхъ того на выворотъ, осыпаетъ опять молодыхъ осыпаломъ, то есть деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ, и кормитъ ихъ уже на постелѣ. По утру приходятъ тѣжъ свадебные чиновные, и поднимающъ одѣяло съ молодой стрѣлою, и свидѣльствуютъ ее непорочность, потомъ водятъ молодыхъ въ мыльню, а послѣ кормятъ ихъ кашею, и тогда молодая даритъ пришедшихъ гостей дарами и овощами. Когда молодой на другой день по утру бываетъ въ мыльнѣ, тогда пеща присылаетъ ему все платье, то есть такое, въ какомъ изъ бани до покоевъ дойти можно. Въ церквѣжѣ во время вѣнчанія подстилали молодымъ подъ ноги камку, или другую какую матерію, а сверхъ ее соболи или куницы, или другую мягкую рухлядь. Въ прочемъ во все время брачнаго сего шоржества, когда молодой возьметъ за руку свою молодую, то долженъ вести ее до назначеннаго мѣста не опуская ее руки, а иначе вѣчное будетъ между ими несогласіе.

У Малороссіянъ жениховъ отецъ, посылаетъ двухъ сваповъ къ невѣстину опцу, и даетъ имъ хлѣбъ, которые, ежели будетъ
на

на то согласіе , оставляють хлѣбъ въ залогъ у отца невесты , а отъ него берутъ другой на обмѣнъ , и потому назначаютъ день свадьбы. На все время свадьбы избирается изъ дѣвокъ одна свѣтилка , которая во время стола сидя въ большомъ углу , держа въ правой калинными вѣтвями съ ягодами козацкую саблю , на которой прилѣплена восковая зажженная свѣча трійчашка. Послѣ вѣнчанія женихъ и невеста отходятъ изъ церкви по своимъ домамъ ; а пообѣдавъ женихъ благословляется отъ отца и матери хлѣбомъ и солью , ѣдетъ къ невестѣ въ домъ. По срединѣ невестина двора поставляется тогда крашняя , накрытая скапертью , а на ней хлѣбъ и склянка горѣлки. Мать невестина выходитъ въ стрѣчу въ вывероченной шубѣ , сидя на виллахъ , или кочергѣ , и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ ; которой даритъ зятю , а онъ выливаетъ изъ него на гриву своей лошади , и отдаетъ пустой горшокъ спаршему боярину , которой бросаетъ его въ сторону , и буде горшокъ разобьется , то молодая родитъ сына , а когда уцѣлѣетъ , то дочь. Потомъ братъ или сродникъ продаетъ невесту , говоря , что она въ пятнадцатилѣтнее время пребыванія у нихъ сѣла и выпила , пять бочекъ бураковъ , по еси свеклы , три бѣлки капусты , четыре вола или быка , шесть кабановъ или борововъ ,

вовѣ, десять овецѣ, сто гусей, двести курѣ,
 семдесятъ пять ушокѣ, двадцать кулей
 хлѣба, пять бочекѣ пива, двѣ бочки меду,
 пять бочекѣ горѣлки, то есть хлѣбнаго
 вина, за что получаетѣ двѣ или три ко-
 пѣйки. По выѣздѣ изѣ неvěстина дома,
 спѣгающѣ женихѣ ее нѣсколько разѣ плѣтью,
 и говоришѣ: покидай нравы отца и ма-
 тери и привыкай кѣ моимѣ. При вѣѣздѣ
 вѣ жениховѣ домѣ, вѣ воротахѣ зажигается
 кулѣ соломы, чрезѣ который должны всѣ
 переѣхать. По ужинѣ пришедѣ на подклѣшѣ
 неvěста разувающѣ жениха, который бьетѣ
 ее голенищемѣ, и она получаетѣ лежащія
 вѣ сапогахѣ деньги. Ежели неvěста сохра-
 нила свое дѣвство, то всѣ гости идущѣ
 вѣ домѣ ее отца, и съ радости бьютѣ у
 него окны, ломаютѣ печи, лавки, столы,
 стулья, и все что ни попадется, за что
 отецѣ не шокмо что не досадуетѣ, но еще
 и дѣришѣ ихѣ. Потомѣ взявѣ неvěстинѣ
 красный передникѣ, по ихѣ заласку, привя-
 зываютѣ на высокѣй шестѣ, и выспавля-
 юшѣ у воротѣ на цѣлый день вѣ знакѣ
 цѣломудрѣя неvěстина. По отпразднованѣи
 у всѣхѣ, приходятѣ опять вѣ домѣ жени-
 ховѣ, гдѣ свекорѣ взявши палку, шычетѣ
 ею вѣ глаза неvěстку, спрашивая у нее, не
 слѣпа ли она, а потомѣ подбиваетѣ го-
 рѣлкою. Потомѣ дружка, женихѣ и всѣ го-
 сти идутѣ паки вѣ домѣ неvěсты, и при-
 не

неся съ собою курицу окладенную вѣшви-
сною калиною и пирогами безъ начинки ,
называемыми по ихъ Спудни. Дружка раз-
рѣзываетъ курицу и даетъ опцу голову и
два пирога , пещъ сполькожъ пирововъ и
гузку ; а потомъ всѣмъ гостямъ по куску
пирога и курицы. Такимъ образомъ пре-
провождая цѣлую недѣлю въ сихъ обря-
дахъ и пированіяхъ , при играни на скрипнѣ
и при пѣніи различныхъ пѣсенъ.

Описавъ свадебные обряды многихъ на-
родовъ , обитающихъ въ Россіи , за нужное
нахожу примѣтитъ , что ни гдѣ невѣста
входя въ жениховъ домъ споль поносима не
бываетъ , кромѣ города Торопца. Тамо же-
нихъ и всѣ его домашніе нарочно призы-
ваютъ для того дѣвокъ , которыя при входѣ
ее опѣ вънца въ домъ жениховъ , стоя на
крыльцѣ , поютъ между прочимъ : намъ
чильбы Василисчишна во трехъ шубахъ ,
ажно она беременна , ты несешъ ли лю-
лечку , ты ведешъ ли нянечку. Оглянись-
ко ты назадъ , любовники стоятъ , да
ло грамошкѣ держатъ. Сіе мнѣ кажется ,
ни увеселенія , ни чести , ни жениху , ни
невѣстѣ не приносятъ. А вообразя тогда-
шнюю перемѣну состоянія дѣвицы , а при-
томъ и умной , ибо шамъ и знатное купе-
чество сіе употребляетъ : то конечно пред-
ставится , что сей ни гдѣ не употребле-
емый обычай походитъ много на сумазброд-
ство.

ство. И ежели оной будетъ оставленъ , то конечно убытка изъ того въ свадебныхъ обрядахъ никакого не послѣдуетъ.

Сваѣтѣство у Малороссіянъ и Украинскихъ Слобожанъ , между простымъ народомъ происходиѣ слѣдующимъ образомъ: Пришедшій въ возрастъ сынъ , объявляетъ отцу своему , подъ веселый часъ , что ему такая пососѣдняя дѣвушка понравилась , и онъ имѣетъ намѣреніе на ней женихъся. Отецъ уважая просьбу сына своего , и находя въ томъ необходимость , призываетъ къ себѣ двухъ стариковъ свойственниковъ , или сосѣдей своихъ , и предлагая имъ намѣреніе , сына своего , при чемъ и самъ сынъ пришедъ кланяется имъ весьма низко , и съ покорностію проситъ ихъ , чтобъ они приняли на себя трудъ , пойти къ такому по человеку въ ихъ , или въ другомъ селѣ живущему , сватать дочь его ему въ жену. И получа на то ихъ согласіе , вручаетъ имъ каждому по лосоху въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства : и давъ имъ нарочно для сего изготовленный хлѣбъ , провожаетъ ихъ за ворота , откуда сіи сваты , или по тамошнему названію старосты , идущъ въ домъ отца невесты , къ которому пришедъ , кладутъ хлѣбъ на столъ и привѣщиваютъ хозяина обыкновенными словами , желая ему во всемъ благополучія. Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть , спрашиваетъ

ваетъ ихъ о разныхъ вещахъ; они отвѣтствуя на хозяйскіе вопросы крапкими рѣчами, посматриваютъ о полѣ своими посохами, въ изъясненіе, что имъ не о томъ говорить надобно: при чемъ стараются изъяснить свое намѣреніе прямыми словами. Хозяинъ услыша оное, проситъ времени на размышленіе, и еслили находилъ жениха достойнымъ его дочери: то входитъ въ хижку, или клѣтъ къ своей женѣ, и призвавъ шуда дочь свою спрашиваютъ нравенъ ли ей женихъ? На что она, ежели ей нравится, отвѣтствуетъ незнаніемъ и преданіемъ себя въ волю родительскую; въ противномъ случаѣ, вычисляетъ его пороки, и всемѣрно отказывается отъ супружества. И такъ еслили родители видятъ своей дочери согласіе, и находятъ въ предлагаемомъ имъ зятѣ свои выгоды, то вводятъ предъ сватѣвъ дочь свою, которая подноситъ на деревянной тарѣлкѣ каждому изъ нихъ по ручику, или ушральнику полошному долгому, широкую бумагою, а иногда шелкомъ, или золотомъ, въ изъясненіе согласія на ихъ предложенія. Сіи принявъ изъ рукъ невѣсты дары, перевязываютъ ихъ черезъ плечо, и оставя въ залогъ посольства своего у хозяина принесенный ими хлѣбъ, а взявъ на обмѣнъ другой, идутъ въ домъ жениховъ съ радостною вѣстью. Женихъ видя возвращающихся по-

сланниковъ своихъ съ знаками веселія, встрѣчаютъ ихъ у воропъ и вводитъ къ отцу, гдѣ назначаютъ они день свадьбы по общему ихъ и невѣстѣныхъ родителей условію. Съ того времени до дня свадьбы, женихъ посѣщаетъ свою невѣсту, которая обыкновенно бываетъ окружена сверстными ей и съ нею бесѣдующими дѣвицами, ибо у нихъ до дня свадьбы пѣсенъ никакихъ не поютъ; такъ же и женихъ невѣстѣ даровъ до того времени не приноситъ; равнымъ образомъ и приданого отъ тещи не требуетъ, а передается въ томъ на его соизволеніе; при томъ имѣетъ дозволеніе провождать съ невѣстою не только день, но и ночи въ уединеніи, съ обязательствомъ, что онъ ничего, пропивнаго цѣломудрію не предприметъ, что и исполняется.

Надобно знать, что у Малороссіянъ обыкновенно бракосочетанія совершаются въ день воскресный; почему на канунъ онаго, то есть: въ субботу назначаются дѣвичники въ невѣстѣномъ домѣ, куда по приглашенію невѣсты, собираются отбранныя дѣвушки, называемые дружки: то есть подруги, между которыми избирается одна свѣтила, которая во время свадебнаго стола, сидя въ большомъ углу, держа на увитой калинными вѣтвями съ ягодами козацкой саблѣ, зажженную восковую свѣчу

Г

трой-

пройчатку, а въ вечеру къ ужину прѣз-
жаешъ женихъ съ свойственниками и съ бо-
ярами къ невѣстѣ, у которой бываетъ нѣ-
сколько дѣвицъ упомянутыхъ дружекъ, кои
обыкновенно противъ бояръ, или молодцовъ
бываютъ посажены за столъ, и тамъ раз-
даешъ женихъ дары ошъ обѣихъ сторонъ ош-
цу и матери и свойственникамъ, а дружки
поютъ разныя свадебныя пѣсни и тамъ у-
жинаютъ, а по томъ танцуютъ при игра-
нїи на скрипкѣ и гуляютъ до полуночи.

Бояре и дружки въ воскресный день у
заупрени бываютъ съ невѣстою и жени-
хомъ, которые послѣ обѣдни вѣнчающся.
Изъ церкви послѣ вѣнчанїя женихъ съ боя-
рами и съ своею бесѣдою отходитъ въ свой,
а невѣста въ свой же домъ съ дружками,
и у жениха кушаютъ бояре съ свѣтилкою,
свахою, старосшами, и дружками: при
семъ сваха и свѣтилка пришиваетъ боя-
рамъ, старосшамъ и скрипачу къ шапкамъ
красныя изъ лѣнѣ на булавкѣ припкнутыя
квѣтки, или цвѣтки пукенцы, и за то
отъ каждаго изъ нихъ по одной или по двѣ
копѣйки получаетъ. Пообѣдавши сядыся
отецъ и мать жениховы на шубу, въ верьхъ
шерстью вывернутою, держа въ рукахъ
большой сытный или ржанный хлѣбъ. Сынъ
кланяется сперва ошцу, который его бла-
гословляетъ хлѣбомъ, а по томъ и мате-
ри кланяется равномерно въ ноги, и про-
ситъ

вишѣ дозволенія обѣ опѣздѣ въ домѣ невѣсты, шакѣ же и мать благословляетъ его хлѣбомъ и отпускаетъ въ желанный пушѣ.

Получа симъ образомъ отпускъ отъ родителей, женихъ съ боярами, старостами, свахою, свѣшилкою и съ дружками, ѣдетъ ко двору невѣсты, куда приближась, даюшѣ знать маршалки или дружки отцу и матери невѣстиной, что приѣхалѣ ихъ зять, и кладушѣ хлѣбъ на столѣ и склянку горѣлки. Мать невѣстина даритъ дружку и поддружого ручниками, и повелѣваетъ имъ вѣзжати на дворъ, гдѣ по среди двора стоишѣ квашня накрытая скапертью, а на квашнѣ хлѣбъ и склянка горѣлки. Тутъ выходяшѣ въ сирѣчу мать въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, которой она даетъ, по привѣтствіи, зятю; а сей взявъ отъ нее, оный льетъ на гриву лошади и опдаетъ старшему боярину, бояринъ принявъ отъ жениха бросаетъ въ сторону, и примѣчаютъ, буде разшибетъ горшокъ, то родится сынъ, а когда уцѣлѣетъ, то дочь. По томъ женихъ сходяшѣ съ лошади, а на лошадь садится невѣстинъ братъ, или свойственникъ какой ниестъ, и рыщетъ по улицѣ всю конскую прыть, а за нимъ въ погоню бояре съѣвъ на лошадей гоняшся, и уловив-

ши его ведутъ во дворъ къ невѣстѣ, и тамъ его сущаго на конѣ потчивають виномъ ; приче́мъ поднощикъ говори́тъ: прошу выкуша́ть, а онъ ему кланяется и не беретъ чарки вина, которую дру́жко перепиваетъ, и наливъ въ другой разъ проситъ его, но онъ не беретъ. Дру́жко опять спрашиваетъ, чего ему надобно? денегъ, отвѣщае́тъ онъ; почему дру́жко вынувъ изъ кармана нѣсколько копѣекъ, кладетъ на тарѣлку и ему ихъ подноситъ. Онъ взявъ прежде деньги, а по томъ выпивши вино, слезитъ съ лошади, бояре съ легка стѣгають его нѣсколько разъ по спинѣ прутиками, или плѣшками; но онъ отъ нихъ уходитъ, по томъ приходи́тъ къ сѣннымъ дверямъ, и взявъ обнаженную саблю, или большую палку, зади́тся возлѣ невѣсты. А женихъ съ свакою и свѣшлкою споятъ въ сѣняхъ за поро́гомъ, по томъ невѣстина ма́тъ выходитъ съ зажженою восковою свѣчею и зажигаетъ держимую свѣшлкою на са́блѣ тройча́пку, цѣлуются чрезъ поро́гъ и вводя́тъ жениха въ горницу съ позволе́нїемъ старосты, по отзы́ву дру́жка, на всякое предначина́нїе требующаго его соизволе́нїя, гдѣ сиди́тъ невѣста съ подругами, а подлѣ невѣсты сиди́тъ вышеупомянутый малолѣтний бра́тъ или свойственникъ ее, котораго спрашиваетъ дру́жко зачѣ́мъ ты здѣсь сиди́шь? я берегу сестру мою, отвѣщае́тъ

есть онъ. Дружко говоритъ уже она не
 пивоя, но наша. А ежели она ваша, то за-
 плашите мнѣ за кормъ, что я на нее упо-
 шребилъ, продолжаетъ сей отрокъ. А что
 ты на нее упошребилъ? вопрошаетъ друж-
 ко. Весьма много, отшвыстствуетъ маль-
 чикъ: 5 бочекъ бураковъ, 3 бочки капу-
 сты, 4 вола, 6 кабановъ, 10 овецъ, 100
 гусей, 200 куръ, 75 утокъ, хлѣба 20 ку-
 лей, пива 5 бочекъ, меду 2 бочки, горѣл-
 ки 5 бочекъ, и прочего, въ бытность се-
 въ нашемъ домѣ чрезъ 15 лѣтъ. Сіе вы-
 слушавъ дружко вынимаетъ изъ кармана двѣ,
 или три копѣйки денегъ, и положи ихъ на
 деревянную тарѣлку, на которой стоишь
 налиная чарка простаго вина, подносишь
 оную съ деньгами продавцу, который видѣвъ
 малое число денегъ, не склоняется на у-
 спупку, и продолжаетъ шорть свой до пя-
 ти, а иногда и до десяти копѣекъ. Полу-
 чивъ оныя, выходитъ вонъ изъ за стола: и
 стоявшій до того посреди горницы женихъ,
 садится за столъ, въ рядъ съ невестою, въ
 смуромъ или бѣломъ суконномъ кафтанѣ
 одѣною, обутою въ красные козловые, съ
 желѣзными ободками подбитые сапоги,
 въ шерстяной пестрой юпкѣ, по шамошне-
 му называемой *плахтъ*, въ красномъ пере-
 дникѣ или *заласкѣ* и въ шипюй узорами бѣ-
 лой холстиной сорочкѣ, имѣя на головѣ
 двѣ завишья кружкомъ косы изъ природ-
 ныхъ

ныхъ волосовъ , и во кругъ головы повязан
ные шелковыя разныя лѣнты съ долгими по
спинѣ висящими концами , на шеѣ нѣсколь-
ко нитокъ красныхъ корольковъ , именуе-
мыхъ монисто, и крестъ мѣдной, и на ру-
кѣ кольца мѣдныя ; а женихъ одѣтъ въ два
смурые кафтаны и въ шараварахъ того же
сукна , въ поясѣ пестромъ шерстяномъ и
въ красной суконной шапкѣ , обложенной
черною овчиною, и въ черныхъ вымазанныхъ
дегнемъ, широкихъ , многими онучами на-
полненныхъ , ременными подвязками и мѣ-
дными пряжками стянутыхъ сапогахъ , изъ
коихъ въ одномъ лежатъ двѣ копейки де-
негъ , съ мѣднымъ перстнемъ на рукѣ и съ
уширальнымъ плашкомъ, шипымъ по холсту
красною бумагою, на поясѣ на правомъ бо-
ку висящемъ. Въ семъ уборѣ сядятъ онѣ
за столомъ окруженнымъ прежде-реченны-
ми гостями. По засѣданіи ихъ отецъ и
мать и свойственники невѣстины вошедъ
къ нимъ съ налишными чарками вина, потчи-
ваютъ ихъ и всю бесѣду ; а по томъ спра-
шиваетъ дружка спаросны обыкновеннымъ
образомъ , дабы дозволено было подарки
раздавать женихову опцу и матери и всѣмъ
свойственникамъ ; первое опцу хлѣбъ , ма-
тери сапоги , свойственникамъ хлѣбы и
плашки, и дружкамъ по горсти орѣховъ и
по два бублика или кренделя, отъ жениха ;
такимъ же образомъ и отъ невѣсты всѣмъ
свой-

свои свенникамъ хлѣбомъ и плашками, а боярамъ всякому по холстинному шипому или тканому бумагою плашку; по томъ дружка просишъ дозволенія у старосны или посаженнаго отца молодымъ и всѣмъ гостямъ ийти на дворъ танцовать: староста, по шроекрашней къ нему прозьбѣ, изъясляетъ на то свое согласіе, и всѣ выходяшъ на дворъ, и шамъ при играни музыки до тѣхъ поръ пляшунъ, пока соберунъ на столъ и позовунъ къ обѣду, къ которому равнымъ образомъ по благословенію старосны входяшъ, и занимаешъ всякъ свое мѣсто.

Столъ накрышъ шитою, или тканною скашершю сверхъ килима или ковра, на которомъ поставлены деревянныя бѣлыя, или красныя тарѣлки и ложки, для всякаго нѣсколько ножей, а вилокъ нѣтъ. Передъ женихомъ и невѣстою стоишъ одна тарѣлка и двѣ ложки, лежащіе крестообразно, и ржаной хлѣбъ цѣлый, обсыпанный солью. По среди стола стоишъ каровой, или куличъ, накрытъ крестообразно же двумя упиральниками, ткаными красною бумагою, и остиаемый большею еловою, вошкнушую въ него въпъвью. По зади ихъ въ углу, гдѣ стоятъ иконы, стоишъ сабля съ зажженными свѣчами; какъ женихъ, такъ и невѣста во весь обѣдъ ничего не ядяшъ. По принесеніи перваго кушанья, состоящаго обыкновенно изъ лап-

ши съ свининою и курицею, отецъ и мать пошчиваютъ гостей и пьютъ за здоровье новобрачныхъ, то же дѣлается при щакъ, жаркомъ, и капустѣ, съ перцемъ соспранной. Въ продолженіи стола невѣстина сестра, или свойственница снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней здѣланный изъ розовой лѣнты цвѣтокъ, кѣпка, по тамошнему называемый; а при исправленіи сей должности поетъ приспойную пѣсню, и получаетъ за то отъ дружка нѣсколько копѣекъ. Въ сіе же время дружка по благословенію старосты прочитавъ *Отче нашъ*, и снявъ съ каравая ручки, беретъ одинъ себѣ, а другой подружески, и перевязавшись черезъ плечо, разрѣзываетъ оный куличъ на части и разсылаетъ всѣмъ шутъ присутствующимъ. Всякій, взымающій утѣшпокъ кулича, даетъ за то копѣйку, или болѣе на разживу новобрачной: послѣ него выходятъ на дворъ танцовать, въ чемъ упражняются до самого вечера. Въ сумерки входятъ въ горницу, садятся за столъ шѣмъ же порядкомъ, гдѣ подается ужинъ. По окончаніи коего, невѣстины подружки просиявъ съ невѣстою и откланявшись, уходятъ въ свои дома, получая въ даръ по горсти орѣховъ и по нѣсколько бубликовъ или кренделей. Старшую дружку провожаютъ бояре при пѣніи, музыкѣ и пляскѣ до ее двора. По отходѣ коихъ,

же-

женихъ съ невѣстою ужинають за особымъ
столикомъ во уединенномъ чуланѣ. Въ
то время дружки и свахи собравъ невѣстино
приданое на шельгу или на сани, и посадя
туда невѣсту съ свѣтилкою и съ свахою
везущъ въ домъ къ жениху, которой съ
боярами туда же ѣдетъ верхомъ, придержи-
ся правой стороны невѣстиной шельги;
примѣчать надобно, что женихъ вскорѣ по
выѣздѣ изъ пестева двора, снѣгнувъ плѣш-
кою нѣсколько разъ по спинѣ невѣсту, го-
воритъ ей! *покидай нравы отца и матери*
и привыкай къ моимъ. При вѣздѣ въ
жениховъ домъ по среди ворошъ зажигается
куль соломы, чрезъ которой переѣзжаютъ
ѣдущіе съ невѣстою въ шельгѣ, и всѣ слѣ-
дующіе за ними; по томъ входящъ въ гор-
ницу, кланяющіяся отцу и матери, садятся
за столъ, и ужинають тутъ тѣмъ же по-
рядкомъ, какъ и въ домѣ невѣсты. По
окончаніи ужина дружка съ свахою и съ
свойственниками ведущъ новобрачныхъ на
подклѣшъ, и тамъ на нѣкоторое время ос-
тавляютъ ихъ однихъ. Невѣста при входѣ
въ спальню разуваетъ жениха, которой,
по скинутіи сапога, бьетъ ее голенищемъ
по спинѣ; повелѣваетъ ей взять выпавшія
отъ туды прежде сказанныя деньги; по
томъ ложатся спать на посланной по полу
соломѣ, покрытой ковромъ или войлокомъ,
который имъ вмѣсто одѣяла служитъ. По-
Г 5
бывъ

бывъ тушъ нѣкоторое время, молодой призываетъ дружка и объявляетъ ему о цѣломудрїи своей жены, который призываетъ всю бесѣду, и при видѣ знаковъ дѣвства, перемѣняяюшъ ей сорочку, и оставя ее съ мужемъ въ спальнѣ, идущъ въ покои опущевскіе, и тамъ изъясняяюшъ свою радость о благополучїи новобрачной, разными образамъ веселяся, одни поющъ, другіе пляшущъ и поющъ приспѣйныя пѣсни. По томъ идутъ къ невѣстину отцу со всѣмъ многочисломъ, и пришедъ шуда, въ знакъ радости бьюшъ окошки, печи, лавки, столы, стулья и все, чѣмъ имъ ни попадетъ въ руки, такъ чѣмъ иногда цѣлый домъ разбѣдающъ, не опасаяся за то не только отъ хозяина гнѣва, но еще и благодарности надѣющся. И подлинно отецъ и мать дѣвственны, слышавъ о благополучїи дочери своей, не сожальютъ о семъ убыткѣ; но еще и дарятъ принесшихъ сію радостную вѣсть, утиральниками и плашками, которые съ ними возвращающся опять къ женихову отцу, гдѣ препровождаютъ время до самаго разсвѣта въ разныхъ забавахъ.

На другой день въ Понедѣльникъ собираются гости въ домъ молодаго. По утру рано приходитъ старшій бояринъ къ молодой, и взявши у ней красный передникъ (заласку) привязываетъ его на высокїй шестъ

и поспавляетъ у воротъ , гдѣ виситъ онъ до самаго вечера , во извѣщеніе цѣлому-дрія новобрачной : а по томъ дружки , сваха , бояре , сосѣди , свойственныя и прочіе госни , взявъ въ предшествіи дружка хлѣбъ и склянку горѣлки , съ боярами и съ прочими весельными , идутъ въ домъ къ старшей дружкѣ , и пришедъ туда ставятъ хлѣбъ и склянку горѣлки на столъ . Старшая дружка выходитъ и пощиваетъ вѣнчѣ и поспавляетъ имъ кушакъ . Поѣвши идутъ на дворъ , и при играни на музыкѣ танцуютъ : а потомъ и ко всѣмъ дружкамъ ходятъ ; такимъ же образомъ и къ боярамъ , и бывають у свахи и свѣтилки и у прочихъ ; обойдя же по ряду всѣхъ , идутъ къ молодому и спрашиваютъ дозволенія у его отца , вести молодыхъ въ церковь . Отецъ позволяетъ , и надѣвъ на молодую кибалку , или намѣтку и чепецъ , то есть головной женской уборъ , и облажа его красною лѣнтою , опускаетъ изъ дому , при чемъ даетъ дружку попу , дьячку , и понамарю по хлѣбу и по склянкѣ горѣлки , и приведя жениха съ многолюдствомъ къ церкви , гдѣ оставя ихъ на цвинтарѣ , или на монастырѣ поющихъ разныя пѣсни , дружка съ подружимъ идутъ къ попу въ домъ , коему поспавя хлѣбъ на столъ и склянку горѣлки , просятъ его , чтобъ ввелъ молодыхъ въ церковь . Попъ пре-
буетъ

буешѣ отѣ нихѣ плашы, и получа оную, идешѣ къ церквѣ, гдѣ присупя къ дверямъ и прочія молитву за порогомъ, берешѣ новобрачныхъ и вводишѣ въ церковь, въ коей чишаешѣ локровенію главы молитву, и покрываетѣ молодую серпанкомъ, или фашою, окропя же ихъ водою, съ благословеніемъ отпускаешѣ въ домъ.

По семъ всѣ свадебные гости идущѣ къ отцу женихову въ домъ, гдѣ сажаютѣ молодыхъ за столъ, куда приходишѣ свекоръ, или жениховъ отецъ съ палкою, и тычетѣ ея невѣстку въ глаза, спрашивая: не слѣпали она? и снявши съ нее серпанокъ, потчиваетѣ ее виномъ. Въ сѣ время дружка поставляетѣ папочный медъ на тарѣлкѣ деревянной, коимъ намазавъ кусокъ калача, съѣдаетѣ его сперва самъ, а потомъ манитѣ такимъ же кускомъ молодого и молодую, поднося къ ихъ рту и обманывая ихъ, паки самъ поѣтъ кусъ съѣдаетѣ; а потомъ имъ отдаетѣ намазанные ломти хлѣба, чѣмъ и прочихъ гостей потчивающѣ. По томъ по благословенію старосты выходяшѣ на дворъ для забавы пляскою: причемъ начинаетѣ дружка танцовать, а потомъ старшій бояринъ, взявши тарѣлку и наполнивъ чарку вина, также положи на тарѣлку нѣсколько денегъ, подноситѣ молодой, которая принимаетѣ деньги съ тарѣлки, выпиваетѣ чарку вина,

а по томъ начинаетъ танцовать съ бояринѣмъ; такимъ же образомъ и со всѣми перетанцуешь, и гуляешь довольно, а потомъ входятъ въ избу, сядяся за столъ, гдѣ отецъ и мать ихъ потчиваютъ. Въ сѣ время дружка спросяся у старосты обыкновеннымъ образомъ, и прочтя *Отче нашъ*, разрѣзываетъ куличъ и подноситъ отцу и матери, всѣмъ свойственнымъ и свадебнымъ гостямъ, кои дарятъ молодыхъ разнаго рода домашнимъ скотомъ и другими вещьми, для заведенія имъ хозяйства. Потомъ взявъ бишую иногда же вареную, а иногда и сырую курицу, обжавъ въпывшіюю калиною и красною нитяною бумагою, также пироги безъ начинки, называемые *стулнн*, идешь дружка съ молодымъ и со всею свадебною бесѣдою къ тещѣ и къ шещѣ, при пѣніи и игрانی на скрипкѣ; а пришедъ туда входятъ въ горницу и поставляютъ курицу съ хлѣбомъ на столъ. Хозяева, или тещѣ и шещѣ угощаютъ зятя и всѣхъ пришедшихъ. Потомъ дружка раздробляетъ курицу и даетъ тещѣ пару пироговъ и курячью голову, шещѣ заднюю часть курицы и столько же пироговъ, а прочимъ гостямъ по ломтю пирога и по куску курицы. По семъ шещѣ одѣвшись идетъ къ свату или зятнему отцу, со всею бесѣдою, гдѣ ужинаютъ и веселятся разными играми во всю ночь до свѣта,

Р. К.

Другимъ свойственникамъ и свой-		
ственницамъ , смотря по чи-		
слу ихъ серпанковъ и калачей		
примѣрно , около	- - -	— 2
Боярамъ плашковъ , по 10 копѣекъ		
плашокъ , всего на	- - -	— 60
Подружкамъ дѣвицамъ орѣховъ и		
кренделей на	- - -	— 20
Свахъ , свѣшилкъ и старостамъ		
разнаго званія дары , всего на	-	— 80
Сѣна лошадямъ гостиннымъ на	-	— 30

Столовыхъ припасовъ.

Разнаго Хлѣба на	- - -	3 —
Вина проспаго 2 кадки , или 9		
вѣдръ , цѣна	- - -	6 —
Мяса разнаго и сала свинаго на		2. 20
Соли четверть пуда	- - -	— 10
Рыбы свѣжей и вяленой , также		
и масла коноплянаго на	- - -	— 90
Перцу на	- - -	— 10

И того 17 41

Съ Жениховой стороны.

За вѣнчаніе попу , дьячкамъ и		
понамарю	- - -	1 50
Тестю , или невѣстину отцу		— 20
Тещѣ ,		

Тещѣ , или невѣстиной матери , серпанокъ (п. е. фашу) цѣна	-	50
Шурину и свояченицѣ , то есть сестрѣ и брату невѣсты , по парѣ калачей	- - -	4
Свойственникамъ и свойствен- ницамъ , смотря по числу ихъ , серпанковъ и калачей примѣрно , около	- - -	2
Подружкамъ , дѣвицамъ , быв- шимъ на свадьбѣ , орѣховъ и кренделей	- - -	20
Боярамъ на квѣтки покупаются свѣшилкою красные лѣнты	-	5

Соловыхъ припасовъ.

Разнаго Хлѣба на	- - -	3 -
Вина простаго 2 кадки , или 9 вѣдръ , цѣна	- - -	6 -
Мяса разнаго и сала свиного ,	-	2 20
Соли четверть пуда	- - -	10
Рыбы свѣжей и вяленой , такъ же и масла коноплянаго на	-	90
Перцу на	- - -	10

И того 16 79

А всего со обѣихъ сторонъ 33 Р. 20 К.

Брови свербятъ , у кого засвербятъ брови , потъ смотрѣли будетъ на потныхъ лошадей , то ешь приѣхавшаго къ нему изъ далека гостя , и ему кланяясь , или кланяясь будетъ за сдѣланное ему какое нибудь благополучіе.

Бугъ рѣка , Славянами была обогошворяема , черпали изъ нее воду съ благоговѣніемъ , со страхомъ и шепетомъ.

Бударинъ фарпостъ , близко Лицкаго городка . Уральскіе козаки вѣрятъ , что при жизни ихъ родителей зарыпа въ Аврагъ насыпанная деньгами лодка , по ихъ Бударъ называемая , копорой и по сіе еще время найти они не могутъ , хотя и великое къ тому стараніе прилагаютъ . А потому прозванъ Аврагъ , фарпостъ и рукавъ рѣчки Бударинъ Ерикъ.

Булавка , булавки давать никому не должно , чтобъ не раздружишься или не поссоришься ; а когда необходимо должно давать булавку , то надобно ею принимателя поколотъ , тогда уже будетъ безссорно.

Булумеръ , Болгарскій городъ , развалины коего находятся въ пригородѣ Биллярскѣ . Въ древнемъ ономъ городѣ Булумеръ или Буляръ , владѣль нѣкопорый храбрый государь , и обогащаясь многою корыстію отъ побѣжденных народовъ ; а потомъ своихъ почиая за недостоинныхъ владѣть своими сокровищами , построилъ

въ городѣ высокій столбъ; а подѣ нимъ подземную палану, и скрылъ тамо все свое богатство съ волшебными заклинаніями, которое еще и теперь тамо находится. Нѣкоторые люди пышались подраться къ заклѣтой храминѣ, но приближась увидѣли при самомъ входѣ ужасную черную сабаку, прикованную на цепяхъ, и спрегущую внутрь лежащія сокровища. Она бросилась на похитителей съ великою яростію, и ужасный голосъ ея принудилъ ихъ возвратиться въ свои дома; куда пришедши лишились они чувствъ и разума.

Бурханъ, вѣрящъ Калмыки и другіе народы, что Бурханы, ихъ боги, прежде были опмѣнитые люди, которые въ свою жизнь много дѣлали опмѣннаго предъ прочими. Всѣ страсти попрали, три главные добродѣтели совершили, шесть родовъ душевныхъ научили, и по проповѣди Сангарди шестдесятъ одному народу одинъ законъ проповѣдали.

Бѣлбогъ, божество Славянъ Варяжскихъ, имѣлъ кровавый образъ, покрытый множествомъ мухъ, его почиали они добрымъ богомъ. Мухи означали его питаемымъ тварей; жертвовали ему веселіемъ, играми и радостнымъ пированіемъ.

Бѣглячи, такъ называющъ Калмыки своихъ святыхъ или угодниковъ, кои опочивающъ во обителищѣ Далай-Ламы, который

рый по ихъ мнѣнію такую имѣетъ силу, что предстательствомъ своимъ можешь изъ беззаконника произвести во святыя.

Бѣсовское городище, городокъ снопавшій на берегу рѣки Камы, бывшій Болгарскаго еще владѣнія, недалеко отъ построеннаго послѣ города Казани. Во ономъ городкѣ былъ храмъ нѣкотораго идола, который идолъ, какъ увѣряютъ, многіе чудеса производилъ и давалъ отвѣсы, также исцѣлялъ и отъ болѣзней; ежели кто проходилъ мимо его капища, не принеся ему ничего въ жертву, то оныхъ умерщвлялъ, и лоды идущія по рѣкамъ опрокидывалъ и потоплялъ; оный идолъ или бѣсъ передъ взятіемъ Казани исчезъ изъ капища своего въ видъ дыма, прорекъ прежде о плѣненіи Казанцовъ.

Бѣсы, Камчадалы чертей больше почитаютъ, нежели своихъ боговъ, потому что больше ихъ боятся. Смотри: Вѣра.

Вѣдашь, Черемисы называютъ симъ именемъ лѣшаго, присвояя ему повелительную силу надъ лѣшими, звѣрями и птицами, и что онъ можетъ дѣлать звѣриныя промыслы удачными и несчастливыми.

Вдова, у Камчадаловъ вдовы за себя ни кто не возметъ, ежели съ нее грѣха снято не будетъ; а сіе состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею человека посторонняго. И оное всякій Камчадалъ за безчестіе себѣ

щипалъ, чтобъ снять такимъ образомъ со вдовы грѣхъ; но приѣхавшіе на Камчатку козаки многихъ вдовъ разрѣшили.

Вилка и Крючокъ любовные. Смотр: Любовь.

Вода, въ Январѣ мѣсяцѣ пить изъ рѣкъ припадкою воду, почищается у Камчадаловъ за великой грѣхъ; но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ, или бараній рогъ вмѣсто ковша употребляемый.

Водяной дѣдушка, сіи особыя черти живутъ въ водѣ, а особливо въ мушной и подлѣ мѣльницъ: они купающихся безъ креста уносятъ въ воду, а особливо малыхъ ребятъ, и тамъ, какъ увѣряютъ глупые, имѣютъ великолѣпные и богато убранные палаты.

Волкъ, Камчадалы во время праздника грѣховъ очищенія, дѣлаютъ Волка изъ сладкой правы и медвѣжьего жиру, котораго при нѣкоторыхъ торжественныхъ обрядахъ сѣдаютъ. *Смотр: Грѣховъ очищеніе.*

А прощіе простаки и обманщики сушатъ сердце волчье, и истолокши его бросаютъ на дорогу въ то время, когда невеста или женихъ ѣдутъ въ церковь, то будто отъ того лошади шарахнутся, и становяся надобы далѣе не пойдутъ.

Волосъ, или *Велесъ*, Славенскій богъ скотовъ, его считали на второй степени

по Перунѣ , имѣлъ храмъ въ Кіевѣ , и по многимъ другимъ городамъ.

Волосы , оспригая волосы суевѣры , берегутъ ихъ также , какъ и ногши въ особомъ мѣспѣ , и кладутъ съ собою во гробъ , вѣря , что на томъ свѣспѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ попребуютъ опчеша.

А ежели кто завязывая волосы оставитъ ненарочно локонъ , или прядь волосовъ незавязанныхъ , то вѣрятъ , что оное предвѣщаетъ ему дорогу.

Волоты , сіи спрашилища были великаны и значили у Славянъ то же , что у Грековъ Гиганты , имъ приносили жерпвы.

Волхвъ или Волховецъ , сынъ Князя Славѣна создавшаго городъ Славенскъ. Древнѣе наши писатели придавали ему знаніе чародѣйства и силу волхвованія. Новгородскій лѣтописецъ обѣявляетъ обѣ немъ , что онъ на берегу рѣки , именемъ Мутной , прозванной по немъ Волховымъ , построилъ городокъ и разбойничалъ по сей рѣкѣ , превращая въ крокодила и производя многія чудесныя дѣйствія силою своего волхвованія. Почему сочли его нѣкоторые тогдашнѣе язычники богомъ : но наконецъ , повѣстуетъ поспѣ же лѣтописецъ , задавили его черпи. Почитатели его , погребли онаго на берегу Волхова , отправили ему великолѣпную призну , а надъ могилой его по тогдашнему обычаю насыпали бугоръ , ко-

порой потомъ провалился, и ямины тоя и по днесь сказывающѣ видны еще остатки.

Волшебники, для волшебства употребляющѣ они большею частію волшебный барабанъ, который у Россійскихъ лопарей не иное что, какъ продолговатый, съ одной стороны кожею обтянутый ящикъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ, предсавлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положи на оную кольцо и удара колушкою, которую составляетъ мохнатый оленій рогъ, можетъ узнавать по тому изображенію, на коемъ лежитъ припрыгивающее кольцо, какой давалъ ему отвѣтъ на всѣ до прошедшаго и будущаго касающіеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ демоновъ, при чемъ тѣло ихъ обмираетъ въ то время, а душа тогда уходитъ на сборное мѣсто черпей, и тамъ съ ними совѣшуетъ, что отвѣтствовать, а иные предсказываютъ по трясенію луковой пищивы, качаніемъ ноги, и по небеснымъ знакамъ. Предсказываютъ и самыя бездѣлицы, благополучные и несчастные дни, знаютъ напередъ, когда будетъ дождь, но и сами могутъ располагать погодою и въпрямъ, въ состояніи удерживать и насыпать гадину, дѣлаютъ женъ и стада плодородо-

дородными ; предсказываютъ также по щелямъ , какіе окажутся на брошенныхъ въ огонь овецъихъ лопаткахъ , или хвостовыхъ соспавахъ , они узнаютъ воровъ , отгадываютъ вѣроломство въ любви , успѣхъ въ путешествіяхъ и прочая. См. Шаманы и ворожей.

Воробей водяной. Сія птичка водится въ Сибири и другихъ близкихъ оному мѣстахъ , она ныряетъ въ нарочито глубокія рѣки , для собиранія на днѣ мѣлкихъ водяныхъ червяковъ , и выходитъ отпуда сухая. Многіе увѣряютъ , что ежели жиромъ сей птички , котораго весьма немного набрать можно , или кровью оныя намазать хопя одинъ разъ человѣческіе члены , то уже они вѣчно отъ мороза предохранены будутъ. Суевѣры воробьевъ вообще почитаютъ проклятою птицею , вѣря сами и другихъ увѣряя , что они въ то время , когда Христа распинали , приносили паки ко кресту тѣгвозди , которые ласпочки кравши у Римлямъ уносили , и за то въ наказаніе воробьи имѣютъ на ногахъ оковы , которыми люди видѣть не могутъ , для того никогда ногами не переступаютъ , а все прыгаютъ , ибо въ разсужденіи тѣхъ оковъ переступать не могутъ.

Воровство. У всѣхъ дикихъ народовъ , кромѣ Камчадалъ , воровство похвально , и пошлупается въ томъ жестоко , но не за

кражу, а за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получитьъ мужа, ежели въ воровствѣ не окажется искусства. Якутѣ хопя вѣдающъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то, не удержались онѣ жирной кобылы, и въ случаѣ несчастія шѣмѣ утѣшается, что онѣ ѣдалъ жирную кобыляшину.

Ворожба, Цыганы въ семъ ремеслѣ великое берутъ преимущество, и нашъ простой народъ весьма вѣритъ, что Цыганы въ предсказаніи будущаго великіе знапоки, не смотря на то, что они ихъ обманываютъ, окрадываютъ, и что слова ихъ никогда не сбываются. Есть еще по городамъ сегождъ ремесла кофейницы, которыя глядя въ чайную чашку, выливши изъ оной густой кофе, предсказываютъ то, чего сами не знаютъ, а прибыль дѣлаютъ со слугами, которые ихъ предъ шѣмѣ уведомляютъ о домашнихъ обстоятельствевахъ. Ворожатъ о пропажѣ домашней решетою и псалтырю, вѣшая ихъ на веревочку, и когда при упоминеніи имени чьего, псалтырь или решето повернется, то признаютъ того за дѣйствительнаго вора, и дѣлаютъ ему испязанія.

Ворожеи, колдуны, чернокнижники, чародѣи, волхвы и кудесники. Ворожеями называютъ тѣхъ, кои посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, кореньевъ и наговоровъ на

вино,

вино, масло и воду, вылѣчиваютъ разныя болѣзни или оныя насылаютъ. Заподлинно ушверждаютъ, что они знаютъся съ дьяволами. Съ ними заключаютъ контракты, и во всемъ отъ нихъ помощи, что касается до добра и худа, получаютъ; когда же умираютъ, то волшебную свою книжку опказываютъ кому нибудь изъ родни или изъ друзей своихъ; а если не опкажутъ, то по смерти своей ходятъ въ полночь въ савонъ въ свой домъ и пребываютъ той книжки; отъ котораго посѣщенія, наводящаго ужасъ всѣмъ домашнимъ, иначе избавишься не можно, какъ выкопавъ такого мерзвца, положишь паки во гробъ ничкомъ, подрѣзавъ ему пяты и вколопишь между плечами осиновою колъ, прочидавъ закликательныя молитвы, зарышь паки землею. Также когда сіи колдуны обучаютъ своихъ учениковъ такому чародѣйству, берутъ съ собою образъ, кладутъ его на землю ницъ лицомъ, велятъ на оной стать ученику и отъ него отрицаться. Кто найдетъ такую черную книгу и станетъ читать, то немедленно предстанутъ множество дѣволовъ, и станутъ просить работы. Буде работы дать имъ онъ не прищептъ, то его убиваютъ. Обыкновенно оныя ворожеи портятъ на свадьбѣ, либо гостей, либо жениха, или невѣсту. Дѣлаютъ между мужемъ и женою несогласіе, жениха въ то

время не дѣйствующимъ, а у невѣсты скрываютъ тайное естество, которое иногда находятъ подъ горшкомъ, лукошкомъ, решетомъ и проч. Присаживаютъ килы, бросаютъ порошокъ на дорогу, и будто лошади жениховы и невѣстины становящаяся надыбы, и нейдутъ съ мѣста. Испорченные ими женщины кличутъ разными головами животныхъ, а особливо сабакою и кошкою, и выкликиваютъ имена ихъ испортившихъ, при чемъ плачутъ и себя бьютъ и терзаютъ. Для отвращенія такихъ опасностей, кои по большей части случаются въ деревняхъ, призываютъ другихъ ворожей, и платятъ за шо деньги, и сѣи отговорники порчей слывутъ у нихъ Доками.

У Киргизцовъ чародѣевъ щитаются шесть чиновъ, первые называются фалча, которые предсказываютъ изъ книгъ и по звѣздамъ, и сѣе искусство почитается за науку: потомъ слѣдуютъ предсказатели, Юрунчи называемые, которые по бараньей лопаткѣ предсказываютъ о будущихъ дѣлахъ, и на всякой вопросъ отвѣтъ дать умѣютъ. Сказываютъ, что такую лопатку должно оскоблишь ножомъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо въ противномъ случаѣ она негодится къ чародѣйству. Если прорицателю предложатъ вопросъ, или онъ самъ что задумаетъ, то кладетъ оную лопатку на огонь и ждетъ, пока на

пло-

плоской сторонѣ появляться сѣдины и щетины, по коимъ онъ и предвѣщаетъ. Сіи люди, по ихъ объявленію, такъ искусны, что могутъ угадывать, какъ далеко находится опривившійся въ путь человекъ.

Третій родъ чародѣевъ называется Бакша, и Киргизцы симъ больше всѣхъ другихъ вѣрятъ. Если просятъ у нихъ совѣта, то они велютъ сперва привести хорошую лошадь, барана или козла, для употребленія въ жертву: потомъ Бакша начинаетъ пѣть чародѣйныя стихи, бьетъ въ обвѣщенной кольцами чародѣйной барабанъ, Кобицъ называемой, и напоследокъ скакать и ломаться. Все сіе дѣлавъ съ полчаса, убиваетъ приведенной скотъ на жертву, и кровь изпускаетъ въ особой посудѣ, кожу беретъ себѣ, а мясо ѣдятъ приномъ находящіяся, и собравъ кости перипишъ красною и синею краскою, и бросаетъ отъ себя къ западу, куда выливаетъ и испущенную кровь изъ скота. Напоследокъ еще нѣсколько времени чародѣйствуетъ заклинаніями, и отвѣтствуетъ на вопросы.

Еще есть чародѣи, Рамча называемые, которые лютъ коровье масло, или сало въ огонь, и по цвѣту пламени предсказываютъ: при чемъ также приносятъ жертву и употребляютъ заклинанія; но сихъ чародѣевъ мало почитаютъ. Сверхъ того есть еще колдуны, а по большей части колдуньи,
Джа

Джа Адугаръ называемыя , копорыя околдовывающъ невольниковъ и другихъ плѣнниковъ , такъ что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются , и опять попадаютъ въ руки своему господину , или хотя они и уйдутъ , однако опять скоро попадутъ Киргизцамъ въ неволю . На такой конецъ вырываютъ они у плѣнника нѣсколько волосъ изъ головы , спрашиваютъ его имя , и славящъ посреди кибитки на разчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ , на копоромъ они обыкновенно раскладываютъ огонь ; потомъ колдунья чинитъ заговоры , и въ то время приказываетъ плѣннику трижды опуститься назадъ , на свои сступени плевать , и каждой разъ выскакивать изъ кибитки . На послѣдокъ сыплетъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы , на копорой онъ стоялъ , и шѣмъ колдовство кончится . Яицкіе козаки вѣряющъ , что если плѣнникъ объявитъ настоящее свое имя , то сѣ колдовство бываетъ дѣйствительно .

Воронъ , когда прилетитъ воронъ , и сядетъ на кровль покоевъ , и будетъ кричать , то знаменуетъ , что непременно въ томъ домѣ умереть кому нибудь скоро должно .

Воръ , когда что нибудь въ домѣ покрадено будетъ , а воръ неизвѣстенъ , то для отысканія вора употребляютъ слѣдующіе средства : берутъ псалтырь учебную , у-

ущемляютъ между листьями оной ключъ, и держаиъ поднявши обѣими указательными перстами, а другой читаетъ изъ оной псалтыри псаломъ. Богъ боговъ, Господь глагола, и призва землю отъ востокъ солнца до запада. И увѣряютъ, что есѣли прямо на вера загадано будетъ, то всякая псалтырь будто бы сама начнетъ вершиться; къ тому же употребляютъ и решето, вѣщая его также. Еще берутъ ружье и зарядивъ его пулею или дробью, и взведя курокъ кладутъ на столъ, и велитъ всѣмъ своимъ людямъ цѣловать его въ дуло, вѣря точно, что когда станетъ цѣловать воръ, то курокъ самъ спустится, и ружье выстрѣливъ убьетъ его, яко виновнаго.

Воскъ, изъ дому своего воску выносить не должно, увѣряютъ, что пчеловодство отъ того бываетъ не прибыльно. А какъ утверждаютъ, что многіе разбойники заговариваютъ ружья, такъ что пуля его никогда разбойника вредить не можетъ: то когда оныя пули будешь обѣпливать воскомъ и ими стрѣлять, то никакой разбойникъ или чародѣй заговоришь оной не можетъ, и будетъ конечно убитъ.

Восла, или Оsla, Сибиряки почитаютъ оную за нѣкоторый злой духъ, который у нихъ по улусамъ для мученія или умерщвленія людей ходитъ. Сіе разумѣютъ они
въ

въ такой силѣ, будто сей злой духъ мерзвыми шѣлами пипается, и изъ того заключающъ, что онаго можно умилоставишь принесеніемъ въ жертву какойнибудь скопины, дабы онъ у больного живото оставилъ. Осиаки, Тунгузы и Якушы уповающъ обмануть демона воспы зажиганіемъ у себя наложеннаго на щоки и на носъ прута, чтобъ здѣлались отъ того на лицѣ ямы, какъ рябины; а духъ бы воспы думалъ, что на томъ человѣкѣ уже до того была воспа: ибо они уже знающъ, что буде кто однажды былъ въ сей болѣзни, на того въ другой разъ рѣдко приходитъ. Они удаляются въ самые густые лѣса, чтобъ ихъ немогъ найти демонъ воспы: и въ то время, когда воспа ходитъ, обыкновенные ихъ жилища бывающъ пусты. Никто изъ нихъ тогда на большую дорогу не выезжаетъ. Сверхъ сего укрѣпляютъ они также свои убѣжища въ лѣтнѣе время засѣкою, а зимою для лучшаго ошвращенія отъ себя воспы снѣжными валами. Воспу или демона воспы надѣются напряженными самострѣльными луками устрашить, или и вредъ ему учинить, равномерно какъ они напаянныя луки на досей и на другихъ большихъ звѣрей выпавливаютъ, съ копорыхъ, когда звѣрь привязанную къ нимъ нить тронетъ, стрѣлы прыгиваютъ, и звѣря въ бокъ уязвляютъ. То

па-

такіежъ самоспрѣльные луки ставятъ они и при входахъ у своихъ укрѣпленій на во-
спу.

Враги, Камчадалскіе враги живутъ въ
воздухѣ, и бывають въ возрастѣ съ трехъ
лѣшняго младенца. Камчадалы вѣрятъ, что
они къ бабамъ ихъ въ ротъ входятъ, и
вселяюща въ нихъ числомъ до пятидесяти,
и больше; онижъ напускаютъ на Камчадаловъ
болѣзни, за то, что рубятъ кусты берез-
ника и ракишника, въ которыхъ ихъ враги
тогда обитають.

Встрѣча, когда покойникъ, попъ или
монахъ, монахиня, женщина, дѣвица, свинья,
или лысая лошадь на встрѣчу попадутся
первые, то въ тотъ день успѣха въ дѣлахъ
ожидать не должно; а когда кто встрѣ-
пится съ полнымъ, то есть полныя ведры
воды, или другое что, то значитъ успѣхъ
въ намѣреніи.

Вѣдьмы, увѣряють протаски и обман-
щики, будто есть такія люди, а особливо
старухи, кои посредствомъ нѣкоторыхъ
мазей и кувырканий чрезъ двенадцать но-
жей, оборачиваются во всякихъ звѣрей и
птицъ, а особливо въ волковъ, свиней, со-
рокъ, и конны сѣна; также и другихъ лю-
дей оборачивають, и дѣлають худое и
доброе, по ихъ произволу, своимъ ближнимъ;
и сіи обороченныя люди называются обо-
ротни. Бывають же наиболѣе, какъ врутъ
суе-

суевѣры, упомянутые оборонни въ малой-Россіи и въ Кіевѣ. Въ Москвѣ сорокъ пошой причинѣ нѣпѣ, что свяшый Алексій, Митрополищъ Московскій, примѣшивъ одну вѣдѣму подѣ образомъ сороки, заклалъ оныхъ, чѣпобъ въ Москву никогда не влѣшали. Также когда нѣкоторыхъ убитыхъ медвѣдѣицъ обдирали, то вмѣсто медвѣжьего мяса подѣ кожею находили иногда бабу въ сарафанѣ.

Вѣра, богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего Купху, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдающъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были; о сотвореніи которой, объявляютъ двояко: иные говорятъ, что Купху сотворилъ землю изъ своего сына, называемаго Сымскалинъ, котораго родила жена его Илькхумъ гуляя съ нимъ по морю, а другіе что Купху съ сестрою Купыжищъ землю снесли съ неба, и ушвердили на морѣ, а море сотворилъ Уплейгынъ, которой и по нынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ обще согласны, что Купху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣрѣемъ, которые владѣніе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ, сверхъ того признаютъ и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ

ныхъ брашневъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Купху по сотвореніи земли оставилъ небо и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родивъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Купху, да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастѣ, сочетались бракомъ. Между тѣмъ, какъ самъ Купху, такъ жена его и дѣти носили плащье изъ лисья шитое, и пишались березовою и паловою коркою; ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Купху оставя сына своего и дочь, съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдающъ, токмо то объявляющъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и доли сдѣлались отъ его путешествія, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ; и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

Упыжилъ-Купхи, послѣ отца родился сынъ Амлея, да дочь Сидукамшичъ, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ: то утверждающъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праошцевъ.

Тыжилъ-Купху при умноженіи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ кропивы сѣти и ловить рыбу; а какъ лодки дѣлашь, оное

ему еще отъ отца показано. Сотворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля па-
спухомъ надъ оными нѣкоего Пилячучя;
подъ кошораго вѣденіемъ состоятъ они и
до нынѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ ку-
клянки и парки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ
ростомъ весьма малъ, носитъ плащъ раз-
самачье, которое у Камчадаловъ весьма вы-
соко почитается; ѣздитъ на пшцахъ, осо-
бливо же на куропаткахъ, и будто нѣкто-
рымъ по нынѣ случается видашь и слѣды его.

Въ прочемъ никого глупее не пред-
ставляютъ, какъ своего Купху, чего ради
и не воздаютъ ему никакого почтенія, ни-
чего у него не просятъ, и ни чѣмъ такъ,
какъ имѣніемъ его не забавляются; раска-
зывая про него шакія непристойности, о
которыхъ и пишутъ гнусно. Между прочимъ,
и то въ порокъ ему ставятъ, что онъ
столько горъ и стремнинъ сдѣлалъ, и столько
мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько
дождей и бурь производитъ и беспокоитъ
ихъ. И для шого всходя зимою на высо-
кія горы или спускаясь, ругаютъ его вся-
кою бранью; шожъ дѣлаютъ и при дру-
гихъ трудныхъ обстоятеляхъ.

Бога вообще называютъ они Дустех-
тичь, которое имя нѣкоторымъ образомъ
и почитаютъ, такъ какъ Аѳиняне невѣ-
домаго бога. Ставятъ столбъ на простран-
ныхъ

мыхъ равныхъ и шундристыхъ поляхъ, обвязываютъ его шоншичемъ, и не проходятъ мимо не брося куска рыбы или чего другаго. Не собираютъ ягодъ, которыя растутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря, ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбы, что и безъ того надлежало бросать; въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами.

Сверхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію опасныя, какъ на примѣръ: огнедыщущія и другія высокія и крупныя горы, кипячія воды, лѣса и прочее, населены отъ нихъ нѣкошорыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ? называютъ они Камули, или малыя души, ибо душа по Камчатски Камулечъ. Сіи боги или по тамошнему враги живутъ на высокихъ, особливо же дымящихся и огнедыщущихъ горахъ: чего ради Камчадалы не шокмо всходить на нихъ, но и близко приступить не смѣютъ. Пишутся они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время приносятъ на каждомъ паль-

цѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ; вмѣсто дровъ упопреляя киповое сало и коспи. Такія мѣша проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь свѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и сказываютъ, якобы они походятъ на человѣка. Жены ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приросшихъ, которые непреспанно плачутъ. Они по Камчатскому суевѣрью людей съ пупи сводятъ и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они Мишгъ, и приписываютъ ему рыбей видъ; онъ по ихъ мнѣнью владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ него пропитаніе, но будио за лѣсомъ на багны себѣ: ибо они опиюдъ не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Плячучѣ или Билюкаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будио живетъ онъ на облакахъ со многими Камулами, и будио громъ, молнію и дождь низ пускаетъ, а радугу почишаютъ за подзоръ на его плащѣ. Сей Билюкай, по ихъ суевѣрью, опускается иногда съ облаками на горы, ѣздитъ въ саняхъ на куропахкахъ, и бываетъ причиною великаго щасія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ

слѣдѣ Билюкаевѣ ни что иное есть, какѣ спруйки на поверхности снѣга, которыя дѣлаются отѣ вихрей. Напрошивѣ того имѣющѣ отѣ него и опасеніе: ибо сказываютѣ, будто онѣ въ вихри дѣтей ихѣ чрезѣ слугѣ своихѣ уноситѣ, и употребляетѣ вмѣсто подставокѣ, на которыхѣ плоски сѣ жиромѣ вмѣсто свѣчь посипаются. Жена у него Тиранусѣ,

Они признаваютѣ и бѣса, котораго представляющѣ весьма хитрымѣ и обманчивымѣ, и для того называютѣ Канною. Около нижняго Камчатскаго острога показываютѣ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее спрѣляютѣ, отѣ чего она вся спрѣлами изнашкана.

Гаечѣ, по ихѣ есть начальникѣ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилѣ на здѣшнемѣ свѣтѣ.

Нѣкоторому изѣ первыхѣ дѣтей Купцовыхѣ приписываютѣ власть надѣ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ твореніе вечерней зари и утренней.

Туила прясенію земли причиною ставящѣ, будто оно происходитѣ отѣ того, когда Туилова сабака козей, на которой онѣ ѣздитѣ подѣ землею, отрясаетѣ снѣгѣ сѣ себя.

О Богъ разсуждаютъ они , что онъ ни щасшю , ни нещасшю ихъ не бываетъ причиною , но все зависитъ отъ чело-вѣка ; свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ , души безсмертными , которыя съ тѣломъ соеди-нившись возстанутъ и вѣчно жить будутъ , въ такихъ же трудахъ , какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ , токмо съ тою выгодою , что будетъ тамъ во всемъ вящее изобиліе , и никогда не имѣютъ терпѣть го-лоду.

Всѣ швари , до малѣйшей мухи , послѣ смерти возстанутъ , и подъ землею жить будутъ . Свѣтъ поставляютъ плосковид-нымъ , подъ землею полагаютъ подобное нашему небо , а подъ небомъ другую землю . Нашу землю почитаютъ за изнанку под-земнаго неба ; когда у насъ бываетъ лѣто , тогда у нихъ зима ; а когда у нихъ лѣто , то у насъ зимнее время .

О воздаяніи будущемъ сіе токмо го-ворятъ , что бѣдные здѣшняго свѣта бу-дутъ тамъ богатыми , а богатые убогими , а чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ , того по ихъ мнѣнію не надобно ; ибо говорятъ они , кто худо дѣлаетъ , тотъ терпитъ и опмщеніе .

Въ подземномъ свѣтѣ , куда люди по смерти преселяющся , есть великой и силь-ной Камчадалъ Гаечъ именемъ , которой ро-дился отъ Кутхи , и прежде всѣхъ на Кам-чадкѣ

чашкѣ умерѣ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли и къ нему преселились, и будто онъ желая научить свое потомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, рассказывалъ. Но понеже многіе отъ того страху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали потомъ юрты свои оставлять, въ которыхъ человекъ умреть, и новыя строить, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечь, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ Камчадаловъ умершихъ, и кто прибудетъ въ новой и богатой сабачьей куклянкѣ и на хорошихъ сабакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ сабакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ сабакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ сабакъ и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣриной, пшичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселится по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ шаккого, какъ здѣсь безпокойства не чувствуютъ; для того, что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ шаккое изобиліе,

каково было на Камчаткѣ во времена Купцовы; ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже и все прошивъ прежняго умалается, потому что живошныя купно съ промышленниками своими поспѣшаютъ переселяться на шотъ свѣтъ.

Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чѣмъ они могутъ удовлетворить желанію и спростямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются, или истинной, или мнимой гибели, по своему суевѣрію; такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубийства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ, однимъ словомъ ни чего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ упоающаго избавить отъ гибели, для того что, по ихъ суевѣрію, тѣмъ, кои избавятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ сѣгоръ, которыми случается выбиться, принимаютъ въ жилище страшное беззаконіе, по тѣхъ поръ, пока они свѣдятъ все свои припасы дорожные, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войши въ свою юрту. Пить горячія воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышущія горы за несумнѣнную почитаютъ гибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющій

щій на небо, и прочія такія безчисленныя забабоны, о которыхъ и пишеть гнушно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислую рыбу драхъся, или ссорихъся, грѣхъ съ женою совокупляхъся, когда съ сабакъ сдираютъ кожи: грѣхъ соскабливахъ снѣгъ ножемъ съ обуви, грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ, грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ; и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь противнаго приключенія, какъ отъ драки и ссоры надъ кислую рыбу совершенной гибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ, несчастія въ ловлѣ и чирьевѣ, отъ точенія ножей и топоровъ, въ дорогѣ погодъ и бури, что однакожъ не споль удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суетвѣрій у простыхъ людей, но то болѣе удивительнѣе, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяши.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ и другую шварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки, соболѣи и лисы. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лодки

ихъ : также медвѣдя и волка , и ни копорого изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени , только говорятъ , Сипангъ , бѣда .

У Калмыковъ духовенство на разныя раздѣляется сташы . Главу у нихъ представляетъ Лама или первосвященникъ ; подъ нимъ черные священники , называемые Гемонъ ; за Гемонями слѣдуетъ Гегиль или дьяконъ ; за Гегилемъ Манжи или дьячекъ ; а послѣднее мѣсто занимаетъ Гебку или понамарь .

Лама или глава ихъ духовенства , значную представляетъ особу во всей Калмыцкой ордѣ . Санъ его происходитъ отъ такъ называемаго Далай Ламы , главнаго первосвященника во всемъ Зюнгорскомъ владѣннѣ , который жишельствуетъ въ Тибетѣ . Власть его почти неограниченна : ибо по крайней мѣрѣ безъ его совѣта и согласія и самъ Ханъ ничего предпріять не можетъ . Онъ имѣетъ великіе доходы со всѣхъ улузовъ , не выключая и самихъ владѣльцовъ . Другіе священники ставятся отъ Ламы , которые также въ народѣ сильны и почипительны , и можно сказать , не худо простаковъ обираютъ . Лама имѣетъ особливья священническія одѣжды и высокую каменьями убранную шапку , называемую Гунзытъ , которую присылаетъ ему Далай Лама . Священническое или Гемоново одѣяніе состоитъ въ одномъ обширномъ одѣялѣ ,

ялъ, которое уложено другаго цвѣта матеріею на подобіе клетокъ, такъ что каждая клешка имѣетъ внутренній кошелекъ на подобіе часоваго кармана; на головѣ у нихъ бываетъ шляпа бѣлая съ большею по срединѣ цвѣтною кистью. Другіе чины священства никакого особеннаго одѣянія не имѣютъ, но разнятся отъ другихъ Калмыковъ въ томъ, что головы имѣютъ бритыя на голо: напротивъ того другіе Калмыки оспаваютъ на шемъ волосы, и заплетаютъ ихъ въ косу. У Калмыковъ можно узнать и малыхъ ребятъ, которые въ священнической назначены санъ: ибо они также обрѣты, какъ и настоящіе священники. Священники у нихъ бываютъ безженны, и болѣе должны поститься предъ прочими Калмыками. Все ихъ воздержаніе состоитъ только въ неяденіи извѣстныхъ животныхъ, какъ то, верблюдовъ и лошадей, но только довольствуются баранами и говядиною. Всякое хмѣльное питье по ихъ закону священникамъ запрещается; хотя не рѣдко и у нихъ можно примѣнить пьяныхъ поповъ.

Особливой родъ священниковъ составляютъ такъ называемые Сузюкти, которыхъ съ монахами сверстать можно: ибо они кромѣ молока и пшена ничего не ѣдятъ, и имѣютъ особливую набожности машинку, называемую Курдю. Машинка сія состоитъ изъ

изъ продолговатаго цилиндра, обтянутаго кожею или сукномъ. Сквозь цилиндръ вдоль пропускають шпиль, насаженной на палочку, длиною четверти въ три; къ одному боку цилиндра на ремешкъ прикрѣпляется свинцовая гирька, называемая *Агирь*. Цилиндръ наполненъ списаніями ихъ всего закона. И шакъ когда они молишся начинаютъ, берутъ сей Курдю, и съ благоговѣніемъ приложивъ его ко лбу, славятъ предъ собою, и дѣлая небольшое движеніе палочкою, приводятъ цилиндръ въ движеніе, который до тѣхъ поръ вершется долженъ, пока онъ читаетъ молитвы. Они думаютъ, что такой цилиндръ весьма ихъ Бурхану угоденъ, и что онъ во время вершенія читаетъ написанныя въ немъ молитвы. Таковую Курдю получаютъ они отъ Ламы за немалую плату. Сіи же священники отъ другихъ разнятся и въ томъ, что носятъ черезъ плечо длинную бѣлую повязку, подобную той, какую употребляютъ нѣкоторые Кашлицкіе Канонники.

Прочіе церковно-служители подчинены священникамъ, и въ совершенномъ у нихъ находятся послушаніи. Должность ихъ помогать священникамъ при служеніи, и обучаться ихъ закону, дабы со временемъ достойными показаться священническаго сана.

Калмыки много шакихъ мировъ утверждаютъ, какъ сей видимый, и описываютъ
ниж-

нижнюю пропасть, воображая, что она ни кѣмъ не создана, но отъ вѣка сама собою произошла. Мысли ихъ столь глубоко въ сѣю бездну проникаютъ, что они поспали ей и измѣреніе, и полагаютъ шесть миліоновъ сто шестидцать тысячъ *Берей* (*) въ ширину и глубину. Изъ сей бездны нѣкогда по ихъ мнѣнію, поднялися злапыя облака, копорыя совокупясь во едино произвели сильной дождь, отъ котораго начало свое получило море или Океанъ. Отъ онаго Океяна произошло всякое дыханіе и прозябаемое; да и всякіе ихъ Бурханы (боги). Но какъ отъ паденія водъ сдѣлалась пѣна, копорой они и предѣловъ положить не могутъ, то изъ нее явилася вышшая твердь. Около сей же пѣны полагаютъ они семь небесъ и восемь Океяновъ, копорыя такъ же самобытны. Воздвигнутые нѣкогда изъ бездны вѣтры поколебали вышшую твердь; отъ чего произошелъ четвероугольный столбъ, называемый *Сумеръ Аула*, которому основаніе полагаютъ ниже морскаго дна, а верхъ надъ водою. Каждый столба бокъ составляетъ нѣсколько тысячъ бере. Первой бокъ столба представляють себѣ серебрянымъ, другой лазоревымъ подобнымъ яхонту, третій золотымъ, а четвертый темновишневымъ. Отъ сего столба производятъ всѣ перемѣны дня, та-

кимъ

(*) Бере составляетъ около осми верстъ.

кимъ образомъ : когда появляется заря, то солнечные лучи ударяютъ въ серебряной бокъ, и отъ того начинаешь разсвѣтъ ; предъ полуднемъ солнечные лучи преломляющся въ яхонтовомъ бокѣ; въ самой полдень солнце стоитъ передъ зеленымъ бокомъ ; а къ ночи темновишневый бокъ општоргаетъ лучи солнца. Солнце, воображающъ они себѣ, сдѣланное изъ стекла и огня, что доказываютъ примѣромъ зажигающаго стекла, о которомъ они столь же мало имѣютъ понятія, какъ и о солнцѣ. Въ округѣ солнца щипаютъ до осми сотъ берея. Луну представляютъ себѣ, что она состоитъ изъ воды и стекла. Кругъ ея опредѣляютъ гораздо меньше солнца. Звѣзды щипаютъ десять тысячъ миліоновъ и нѣсколько сотъ тысячъ.

Посреди тверди и около столба, по ихъ мнѣнію, находящся четыре большіе мира, и между оными еще восемь малыхъ.

По правую сторону ставятъ нашу землю, и называютъ Замбушпъ.

Другій миръ называется Улюмжи, Юси, Тутупъ ; третій Укиръ Тутупъ, а четвертый Муудоу Тутупъ.

Нашъ миръ названъ Замбушпъ для того, что на немъ много родится дерева Язумбу, Барирха называемаго.

Второй миръ прозванъ по тому , что по ихъ мнѣнію обитаютъ въ немъ великаны или великоросялыя люди.

Третій миръ получилъ свое наименованіе отъ того , что въ немъ никакой другой скотины , кромѣ коровъ не видится : ибо по Мунгальски Укиръ значить корову.

Четвертый миръ Муудоу Тупупъ прозывается , что въ немъ обитаютъ особливаго свойства люди , которыя живутъ по тысячѣ лѣтъ , и изъ нихъ за семь дней до кончины всякому слышится голосъ , называющій человека по имени , и предвѣщающій ему кончину : по чему тѣ люди , созывая своихъ сродниковъ и ближайшихъ , прощающся и учреждаютъ свои дѣла заблаговременно. Но какъ они воображаютъ себѣ сихъ людей столь долговѣчныхъ , и при томъ безъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ , то мечтѣ своей помогаятъ , будто бы сіи люди бездушны : изъ чего слѣдуетъ , что всѣ болѣзни по ихъ воображенію отъ души происходятъ должны.

За всѣми мирами и превышшими облаками поставляютъ жилище Тенгровъ ; а за оными огромное желѣзное кольцо , по видимому для укрѣпленія тверди.

Хотя всѣ сіи миры сосѣдственны , однако никто изъ смертныхъ изъ одного въ другой переходить не можетъ : но сія вся выгода сохрѣнена только для однихъ Бурхановъ.

Тенграми называютъ они нѣкоторой родъ безплошныхъ силъ или духовъ, коихъ ни ангелами, ни людьми назвать не можно, и должно имъ опредѣлить среднее существо между людьми и ангелами. Тенгровъ раздѣляютъ они на двенадцать статей, изъ коихъ первую составляютъ четыре Махара. Жилище ихъ находится близъ нашего мира. Ростъ ихъ долженъ быть сто двадцать пять сажень. Надъ Махарами обитающъ вторая статья, составленная изъ тридцати трехъ тенгровъ. Сии ростомъ бывающъ во сто пятьдесятъ сажень.

Четвертый родъ Тенгровъ надъ оными, называется Байскуланту Тенгри, которые ростомъ прежнихъ превосходятъ.

Пятая статья заключающъ въ себѣ Тенгровъ вышиною близъ четырехъ верстъ, коихъ называютъ Хубилгаскани.

Шестую, седьмую и осмую статью составляютъ Тенгры такого же роста, и называются первые Тюрсюте Тенгры, другіе Юсюринъ, Зюринъ, Тенгры. Последнія три статьи содержатъ въ себѣ самыхъ великорослыхъ Тенгровъ, коихъ ростъ до ста шестнадцати тысячъ бере простирается. Оные суть Делгерегнуй Баень, (*), Еуле Уге Тенгры, Юцюсь А и сны Тенгры, Хубилгаскани Елгенъ Тенгры.

По

(*) Добродѣтельные Тенгры.

По разности ихъ роста приписываютъ имъ и разную долговѣчность. Напримѣръ: о первыхъ воображаютъ Тенгровъ, что они живутъ человѣческія пятьдесятъ лѣтъ, а Терсюши Тенграмъ одинъ день, который сосчитавшъ пять сотъ нашихъ лѣтъ. Другимъ Тенграмъ неисчетныя лѣта приписываются, но есть Хубилгаскани Еддедекъ Тенгры должны жить 200,206,000 лѣтъ. Но какъ и самое большее время миноваться можетъ, и съ онымъ Тенгры исчезнутъ; но приписали имъ совсѣмъ особливой родъ размноженія, представляя себѣ, что нижніе Тенгры распложаются отъ обниманія и цѣлованія; вышніе Тенгры отъ единого любовнаго взору зачинаютъ во чревѣ; а иныя отъ усмѣшки зачинаютъ дѣтей. Изъ сего заключать должно, что и Тенгры ихъ бываютъ обоего пола.

Въ нашемъ мирѣ описываютъ они четыре главныя рѣки, вышедшія изъ нѣкоторыхъ мысовъ. Первую изъ нихъ называютъ Ганга, другую Шидра, третью Байчу, а четвертую Антара. Между сими рѣками опредѣляютъ паству нѣкому ужасному слону, называемому Газаръ Сакичкинъ Ковенъ, то есть землехранительный слонъ. Знаки его слѣдующіе: вышина и длина его повыше нѣсколько одной бере. Наружность пѣла вся бѣлая какъ снѣгъ, выключая головъ, которыхъ онъ имѣетъ шридесятъ

Ж

три

три красныя : всякая голова у него снабжена шеспью хоботами ; на каждомъ хоботѣ по семи колодцовъ ; изъ cadaго колодца произрастаетъ по семи цвѣтовъ ; на каждомъ цвѣту сидитъ по двѣицѣ. Сіе опмѣнное животное пасется въ сихъ мѣстахъ по четыре мѣсяца въ годъ , и въ то время прогуливается на немъ Хурмукипу Тенгры , имѣя свое сѣдалище на средней головѣ.

По срединѣ нашего мира поставляютъ они престолъ высокаго Сакжи Муни , и кругомъ его шесть городовъ. Сакжи Муни , называютъ они Бурхана нынѣшняго вѣка : ибо каждый вѣкъ по ихъ мнѣнію долженъ бытъ управляемъ особливимъ Бурханомъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ былъ Бурханъ Майдари , а въ послѣдующемъ вѣкѣ преемникомъ будетъ Мавзушири , котораго царство они поставляютъ прошиву Сакжи Муни. Позади онаго владѣніе Логашиново ; а по лѣвую сторону Самбилангово.

Бурханы были преждеопмѣненные люди , которые въ свою жизнь много сдѣлали опмѣннаго предъ прочими : всѣ страсти попрали , три главныя добродѣтели совершили , шесть родовъ душевныхъ научили : и по проповѣди Сангарди шестдесятъ одному народу одинъ законъ проповѣдывали.

Въ началѣ Замбушина , то есть сего мира люди жили долговѣчны , и сѣяли свѣтлоспѣю , имѣли крылья и опмѣнены были си-

силою", питались единою какою то благо-
спію по ихъ Ради Діанаръ, и раждались
чрезъ преселеніе душъ по ихъ Хубилганъ,
и въ великомъ всѣ были прохлажденіи.

Но какъ приспѣло нещасливое время,
тогда земля произраспила одну пищу, или
праву, зовомую Шиме, которой вкусъ былъ
сладокъ, какъ медъ. Одинъ изъ людей про-
жорливой вкусивши сію пищу, разгласилъ
многимъ ея приятность, и въ самое то
время всего они лишились. Свѣтлость ихъ
померкла и летаніе миновалось; и такъ всѣ
пробывъ малое время въ темнотѣ, вдругъ
имъ опворился свѣтъ отъ солнца, и дру-
гихъ небесныхъ свѣтилъ.

Какъ Шиме перевелася, то всѣ люди
питались землянымъ масломъ, которое кра-
снѣе цвѣтомъ и вкусомъ, какъ медъ.
Но когда и оное изпожилось, то люди ѣли
нѣкоторой родъ простника, на ихъ языкъ
Балазимисъ называемаго. Но и симъ они
немного пользовались: ибо пекущійся объ
ушреннемъ запасся онымъ простникомъ на
будущей день. Примѣру его другіе послѣ-
довали, отъ чего и простникъ уменьшился,
и въ скоромъ времени къ ихъ нещасію со
всѣмъ исчезъ. Тогда сдѣлался великій гладъ,
и люди впади въ беззаконіе, убивая другъ
друга, и причиняя всякія насильства и обиды:
и отъ сего времени они производятъ всѣ
пороки. На конецъ согласились пахатъ па-

шню. На такой конецъ избрали себѣ одного премудрѣйшаго изъ нихъ, который раздѣляль имъ пашню порядочно, научилъ домостроишельству, и они его за такое благодѣяніе сдѣлали своимъ начальникомъ; отъ котораго всѣ Калмыцкіе Ханы начало свое получили.

По прошествіи многихъ вѣковъ, начали умаляться преимущества благоденствія лѣтъ. На послѣдокъ люди, по ихъ мнѣнію, и до того дошли, что болѣе десяти лѣтъ не жили. По числу ихъ лѣтъ уменьшался и ихъ возрастъ: люди были величиною въ локоть, а лошади съ зайца, и пашимъсячнѣй младенецъ вступалъ въ супружество; на конецъ сдѣлалися шѣжкія болѣзни и моръ, отъ чего люди и перевелися.

Послѣ того былъ предвѣщающій гласъ отъ Тенгровъ, что чрезъ семь дней упадетъ дождь, состоящій изъ всякаго орудія, котораго люди убояся запаслися на семь дней пищею, и побѣжали въ пещеры темныя. Въ то время вся земля отъ крови поблѣднѣла, и исполнилася множествомъ прутьевъ и костей, на которые упалъ дождь, и очисти́лъ всю непопрѣбную мертвенность и унесъ въ дальнѣйшій Океанъ. Попомъ низпалъ дождь прохладенія и благоволенія и прохладилъ землю. На послѣдокъ пустился ливень, который снесъ на землю пищу, а за оною плашье и прочія людямъ по-

потребы. Тогда люди сего Замбутина очу-
снвовалися, и стали прилѣжны и добродѣ-
тельны, и между собою согласны: и симъ
кончился одинъ Галапъ или вѣкъ (*).

По прошествіи онаго Галапа низпо-
сланъ былъ Мавзушириновъ Хубилганъ въ
сей Замбутинъ съ запономъ, котораго воз-
растъ и красота была несказанная, такъ
что людей привела въ удивленіе: и они
его вопрошали, отъ чего онъ такъ прекра-
сенъ и проч.? Тогда имъ отвѣчалъ сей Бур-
ханъ: для того, что я блудъ и прочія всѣ
снраси превозмогъ, ни какую душу не по-
прелялъ; по чему отъ всѣхъ и отмѣненъ:
послѣдуйте мнѣ во всемъ, то и вы будете
таковы, какъ я: что услыша люди, всѣ
злая дѣла отпринули и возлюбили добро-
дѣшель, за что и превзошли лѣтами своихъ
праотцовъ, и съ начала по осмидесяти ты-
сячъ лѣтъ жили; а потомъ паки оставя
истинной путь, подвержены были всѣмъ
перемѣнамъ, о которыхъ сказано выше. По-
слѣ оныхъ перемѣнъ на мѣсто Мавзушири-
Ж 3 на

(*) Сей вѣкъ начавшійся отъ сотворенія мира, изъ
Океяна называютъ Калмыки благополучнымъ, по-
тому что въ оной вѣкъ произрасли тысяча цвѣ-
товъ называемыхъ Падма (шапки), которые
предзнаменовали рожденіе тысячъ Бурхановъ; а
кто таковы сѣи Бурханы, не только я, но и вся
Калмыцкая орда сказать не можетъ.

на , вступилъ Сакжи Муни , который и нынѣ еще продолжается.

Главнѣйшіе Галапы у нихъ раздѣляются на четыре часпи: первый называется *Аху Галалъ* , второй *Ебдереку Галалъ* , третій *Хоосунъ Галалъ* , четвертый *Токмоху Галалъ*.

Первый Галапъ , т: е: Аху-Галапъ состоитъ въ томъ , что оный начинается отъ осмидесяти-тысячнаго долгоденствія , и продолжается до десятилѣтняго умаленія человѣческой жизни. Галапомъ (*) называютъ вѣкъ , но не такой , какъ на примѣрѣ у насъ Эпоха отъ Адама до потопа , отъ потопа до Авраама и проч. У нихъ каждый Галапъ или вѣкъ начинается отъ разрушенія , или преставленія свѣта двумя предѣлами , т: е: приращеніемъ и умаленіемъ , какъ то уже и выше объявлено. Такой Галапъ называется верхнимъ или долготѣпнимъ. Въ семъдолготѣпнемъ Галапѣ заключаются еще малые Галапы междумѣшныя.

Второй Галапъ начнется отъ того , что во адѣ всякое животное вновь родиться не будетъ , отъ чего и наружность Замбушина повредится; по чему сей Галапъ и названъ будетъ *Ебдереку Галапъ* , т: е: разорительный.

Тре-

(*) Галапъ собственно происходитъ отъ Галъ огонь: ибо наибольшая часть Галаповъ , по ихъ мнѣнію отъ огня начало свое имѣютъ.

Третій Хоосунъ Галапъ назовется отъ того, что вся бездна опустился до предѣла, гдѣ должно паки утвердиться; отъ чего и наименованіе ему пуспой или Хоосунъ Галапъ.

Четвертый Токтоху Галапъ начнется отъ того, когда нѣкая буря по ихъ камандралъ, по утвержденіи вышепомянутой бездны, отъ перворожденія въ оной всякаго животнаго возпослѣдуетъ, и потому назовутся онъ Токтоху Галапъ, ш: е: утвердительный.

Между каждымъ изъ вышеобъявленныхъ Галаповъ, поставляють они восемь междуумочныхъ Галаповъ, изъ которыхъ семь огнемъ, а осьмый водою кончится. Между семью огненными Галапами должно по ихъ мнѣнію случится еще по семи меньшихъ огненныхъ галаповъ, и между каждымъ изъ оныхъ по одному водному галапу или потопу, которые заключить уже вышепомянутый бурный галапъ.

Огненные галапы разрушеніе свое имѣть будутъ отъ царства Айха Діани сънизу.

Водные галапы разрушаются отъ другихъ діановъ съ низу же.

Отъ вихря или бури галапъ уже не разрушится, но приметъ паки свое начало. Такимъ образомъ предсавляють они вѣчность всего мира, а далѣе умъ ихъ проникать не можетъ.

За самаважнѣйшій грѣхъ почитаются недовѣріе къ закону и хула на Бурхановъ , удержанная Бурханамъ податьъ и непочитаніе священническаго чина. За ними слѣдуетъ убійство , не только людей , да и всякаго животнаго , даже до послѣдняго несккомаго и прочая. У нихъ вымышленъ нѣкій судія , котораго *Ирликъ Ханъ* называютъ. Прешолъ ему поставляютъ между небомъ и землею на срединѣ , окруженный тѣмами черныхъ тенгровъ , предъ нимъ всякая душа должна предстать на судъ со своими присавами , выключая великихъ угодниковъ , которые прямо возходятъ на небо , аки столбъ огненный; присавы ихъ сунъ черные и бѣлые тенгры , ш : е : злые духи и хранители , которыхъ каждое дышущее имѣетъ. Присавы должны быть при семъ судѣ спряпчими. У *Ирликъ Хана* есть и древнія записки , называемыя *Алганъ Голи* , въ которыя вносящся вся содѣянная людьми. Въ оныя онъ не рѣдко заглядываетъ , что бы отъ спряпчихъ , или отъ самаго судящагося не быть обмануту. Спорныя дѣла вѣситъ онъ на вѣскахъ. Въ одну чашку кладетъ грѣхи , а въ другую добрыя дѣла ; и которая чашка перешагнетъ , пошому бываетъ и расправа. По ихъ мнѣнію надобно твердо имѣть въ памяти , что кто добраго на семъ свѣтѣ сдѣлалъ , и оное смѣло предлагать *Ирликъ Хану* ; иначе боязливые

иногда вмѣсто рая попадаются въ муку, за тѣмъ, что иногда приставамъ не придетъ на память то, что его оправдать или осудить можетъ; а Ирликъ Ханъ по множеству дѣлъ, иногда и полѣнится заглянуть въ свою шнурованную книгу. Заблужденіе сіе утверждаютъ многими выходцами съ того свѣта. Я одну только басню приведу въ примѣръ.

Нѣкоторый пьяница, будучи осужденъ на судъ Ирликъ Хана, вверженъ былъ въ одно мытарство, преисполненное оспраго оружія, куда препроводили его Яргачи (*) по шести дорогамъ, убитымъ острыми гвоздями. Во время его мученія и стenanія, моливною и власпію нѣкоего Бурхана Хонжо Боди Сано до осми тысячъ мучащихся душъ изъ глубины всѣхъ осмнадцати мытарствъ извлечены были, за то что они читали Доржу Зодбу. Мучащемуся пьяницѣ пришло на память, что и онъ нѣкогда сію Доржу Зодбу списалъ, и при поклоненіи и молившъ просилъ помощи отъ онаго. Приставы слыша сіе имя, тотчасъ доложили своимъ начальникамъ, и дѣло дошло до самаго Ирликъ Хана. Онъ приказалъ грѣшника себѣ представить, и допрашивалъ его, подлинно ли онъ сію добродѣтель въ жизни своей совершилъ, что Доржу зодбу одинъ разъ списалъ. Пьяница увѣрялъ Ирликъ Хана,

(*) Приставы или караульные при мытарствахъ.

сколько его силъ было , а Ирликъ Ханъ справ-
 ясь въ Алганъ Голи, нашелъ его слова спра-
 ведливыми , и просилъ у него прощенія за
 учиненное ему мученіе. Но что бы большее
 ему сдѣлать возмездіе , посадилъ его возлѣ
 себя на золотомъ престолѣ , показывалъ ему
 многая шайная , и обѣщалъ возвратить его
 паки въ жизнь , дабы онъ проповѣдывалъ
 Доржу Зодбу. Пьяница отговаривался отъ
 сего благодѣянія , представляя , что живу-
 щее въ мирѣ всякое животное будетъ стре-
 миться на его гибель : ибо я въ жизнь мою
 убивалъ овецъ , сайгаковъ , лошадей , рыбъ ,
 сусликовъ и всякихъ несѣкомыхъ , и всякую
 ползающую и пресмыкающуюся душу. Ир-
 ликъ Ханъ немедленно повелѣлъ предстать
 предъ себя всѣмъ животнымъ , которыхъ
 помянутой пьяница на томъ свѣтѣ умерщ-
 влялъ , и приказывалъ имъ , чтобъ они ни
 какого зла ему на семъ свѣтѣ не чинили.
 Вся помянутая тварь за сіе приказаніе воз-
 негодовала, и недовольна была судомъ Ирликъ
 Хана. Ирликъ Хану въ семъ случаѣ ни чего
 болѣе не оставалось , какъ прибѣгнуть къ
 гирямъ правосудія. Онъ взялъ свои вѣски ,
 и въ одну чашку вмѣстилъ всѣхъ живот-
 ныхъ , а въ другую Доржу Зодбу; но Доржа
 Зодба перевѣсила всѣхъ тѣхъ животныхъ :
 чего они убояся , сдѣлали всѣ поклоненіе и
 просили прощенія. За сіе ихъ Ирликъ Ханъ
 отослалъ на мѣсто упокоенія , а пьяницу

возвратилъ на сей свѣтъ для прославленія Доржи Зодбы (*).

Возвратившійся изъ царства мертвыхъ пьяница со многими другими, которыхъ и столисная книга едва вмѣститъ можетъ, проповѣдалъ Калмыкамъ будущее ихъ состояніе на томъ свѣтѣ. Они видѣли три дороги и бѣлой градъ. Дороги сіи начинающіяся отъ нѣкоей аспидной горы, которая земнымъ жителямъ видится на подобіе облака. Первая дорога серебряная, другая мѣдная, а прешья желѣзная. Желѣзная дорога ниже всѣхъ, и ведетъ къ бѣлому граду, который есть жилище Ирликъ Хана. Она дорога на конецъ, по мнѣнію ихъ, изтончается въ волосъ, и многихъ хлопотъ избавляетъ Ирликъ Хана: ибо не помнящіе за собою

(*) Кажется отъ сего заблужденія происходишь, что Калмыки охотяще бдяшь падалину, нежели убитую скотину, говоря: что первая зарѣзана Бурханами; и такъ бѣства ея безгрѣшна. Повѣсть сія также подтверждаетъ, что Калмыки въря преселенію душъ, разумную душу приписываютъ всякой дышущей тварѣ; и что всякая тварь должна явиться на судъ Ирликъ Хана, и получить воздаяніе, или наказаніе за свои дѣла. Калмыкамъ примѣромъ служитъ главѣйшій ихъ Бурханъ Санжи Муни, котораго душа нѣкогда обитала въ зайцѣ; и тогда онъ увидѣвъ голодомъ тающего человека, предалъ себя на добровольную ему снѣдь. Сіе также подтверждаетъ, что ихъ Бурханы не отъ небеснаго, но отъ Калмыцкаго отродія.

бою никакого благодѣянія, тонкой сей путь превозмочь не могутъ, но обрушась попадаютъ на мѣсто казни.

Мѣдная дорога лежитъ повыше, и провожаетъ къ жилищу шридцапи прехъ шенгровъ, что есть среднее мѣсто упокоенія: а серебряная дорога, копорая всѣхъ выше, и лежитъ на востокъ къ раю, обитаемому Абидомъ Бурханомъ.

За главнѣйшій рай почишаютъ, какое то Сукавидино мѣсто. За симъ мѣстомъ слѣдуетъ рай Амидабы Бурхана, обладающаго двутысячнымъ небомъ. Самое послѣднее мѣсто представляющъ себѣ у шридцапи прехъ Тенгровъ, гдѣ только одной вольности ожидаютъ. Въ прочемъ у нихъ такое ножество раевъ, что и перечесть шрушо, потому что они каждому Бурхану приписываютъ особое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ.

Иные по ихъ мнѣнію будутъ мучимы во адѣ, гдѣ изобилуетъ всякое оружіе, и копорымъ они будутъ посѣкаемы на мѣлкія части: а какъ онѣ того умертвятся, то паки онѣ нѣкоего небснаго гласа возстанутъ. Сіе мученіе грѣшныя претерпѣвать должны двѣсти миліоновъ тысячъ лѣтъ, по прошествіи копорыхъ выпущены будутъ, и вселятся въ тѣла; живущія на емъ свѣтѣ. И такъ можетъ быть избре-

древняго Калмыка родится капустный червь или сладкопоющій комарь.

Второе мытарство составляютъ адскія темныя пещеры, въ которыхъ всегда будутъ раздавливать людей двумя желѣзными досками; и сему мученію время предписано вдвое передъ прежнимъ.

Въ пятомъ мытарствѣ будутъ грѣшныхъ Калмыковъ жарить на сковородахъ и вертлугахъ, какъ рыбу или птицъ.

Шестая сшата грѣшныхъ Калмыковъ ввержена будетъ въ смрадъ, гдѣ всякое зловоніе. Иныхъ низринутъ въ рѣку, въ которой вода безпрестанно кипитъ бѣлымъ ключемъ. Другіе поселены будутъ на крѣпкой бѣлой землѣ, которая ничего не произрастаетъ. Въ оной безпрестанной гладъ и нагоша господствуютъ, гдѣ люди копая руками землю, отрутъ оныя по самыя плечи. Коварнымъ людямъ и смущителямъ приуголовлено кровавое море, въ которомъ они плавать должны. Роскошныя богачи, не шворящіе милоспныни, ошягчатся собственною своею тяжестью: глава у нихъ будетъ яко холмъ великій, шея и ноги изшончатся на подобіе волоса, а шло представлять будетъ огромную гору. Для непочинителей Бурханскихъ словъ и святошашцевъ, сдѣланъ огромный котелъ, наполненный смолою, въ которомъ сѣи грѣшныя вариться будутъ. Для убійцъ всякаго жи-

вошнаго подѣланы крючья, на которыхъ вѣшають ихъ за ребро. Крюки сѣи нѣкоторою силою опускаются съ людьми на низъ, гдѣ другія крюки ихъ задѣваютъ, и отпрысываютъ части человѣческаго тѣла, которое паки прираспаетъ. Пренебрегателямъ игнушающимся ихъ Бурханскаго преданія черныя шенгры вкладываютъ въ уши раскаленную сажу, и такое мученіе претерпѣвающіе, всегда другъ другу на уши шепчутъ, сообщая причину своего мученія: однако слова ихъ бываютъ непонятны. Тапи и прелюбодѣи мучатся въ спуденомъ озерѣ, которые по закатѣ солнца, даже до возхожденія онаго въ водѣ замерзають, а при солнечномъ сіянїи паки вытаскиваются изъ онаго, такъ что отъ примерзанія нѣкоторые члены въ водѣ остаются; къ вечеру паки въ оную же воду погружаются, что бы члены ихъ срослися, и проч.

Инымъ, не знаю, за какое преступленіе препирають кости; иныхъ колесуютъ; а иныхъ толкутъ на мельницахъ въ ступѣ.

Осмнадцатое или послѣднее мытарство назначено для всякаго другаго животного, гдѣ на лошадяхъ безпреспанно ѣздятъ: другую скотину морятъ голодомъ; иныхъ увѣчаютъ побоями и проч.

Средства, помощію которыхъ думаютъ они по смерти избавишься отъ ада.

Первый пунктъ составляетъ прошеніе за умершихъ ихъ Бурхановъ, а особливо, когда къ тому щедрымъ подаяніемъ священнической чинъ поощренъ будетъ; чищеніемъ по умершимъ разныхъ книгъ, устнами благоговѣйныхъ Гелюновъ, какъ по книги называемой Эркешю, содержащей славныя дѣла ихъ Бурхановъ; *Дойшинъ Бурхани*, Бурханское наставленіе и проч., а главное мѣсто между всѣми занимаетъ *Доржо Зодба*. Сія книга содержитъ въ себѣ непонятныя вещи для Калмыцкой головы, и значитъ сокровенную тайну, которую никто разумѣть не можетъ, кромѣ великаго Бурхана. Польза происходящая отъ сея книги, утверждена многими примѣрами благополучныхъ душъ, возвратившихся съ того свѣта; и она въ такомъ почтеніи у Калмыковъ, что почти всякій изуспно ее знаетъ, хотя содержанія ни кто не понимаетъ; да и толковать ее за грѣхъ вѣняется.

Какъ Калмыки народъ кочевой, то и идоложертвенныя капища, Бурхани Эрго, у нихъ состоятъ изъ кибинокъ. У нихъ есть особый столъ или налож, на которомъ они ставятъ своихъ Бурхановъ. Около сего стола вѣшаютъ столбы называемые *Киль*, сдѣланные изъ разныхъ парчей

чей. Къ идолослуженію ихъ принадлежатъ и музыкальныя орудія, какъ шо мѣдныя съ гремушками блюды, называемыя *Ценъ*, трубы *Кангырча* и бубны *Кенгерца*; сіе музыкальное согласіе употребляется у нихъ только въ годовые праздники. Годовыхъ праздниковъ щитаютъ они три: первый называется *Сага Сара*, второй *Зула*, а третій *Цаганъ Сара*. *Сага Сара* празднуется у нихъ съ начала Маія мѣсяца; и съ сего праздника почищается у нихъ новый годъ. *Зулу* торжествуютъ въ Ноябрь мѣсяцъ; а *Цаганъ Сару* передъ масленою, въ честь нѣкоей дѣвицы, которая, по ихъ мнѣнію, при начатіи свѣта побѣдила тьму непріязненныхъ силъ. Сіи три богомолія бывають у нихъ всеобщія, на которыя съѣзжаются почти изъ всѣхъ улусовъ къ Ламѣ. Тутъ дѣлають новыя капища, *Цаца* (*) называемыя, и выбираютъ къ сему угористое мѣсто. *Цацу* украшаютъ выше сказанными уборами. По срединѣ спавятъ столъ, а на столъ спавятъ своихъ Бурхановъ. Въ *Цацѣ* освѣщаютъ все площадками наполненными

(*) - Древнія ихъ капища назывались *Кидъ*: ибо лѣтописцы ихъ свидѣтельствуютъ, что они въ старину были некоей народъ; да и нынѣ симъ Калмыцкимъ именемъ называютъ одну пещеру, находящуюся при Соленомъ озерѣ, отстоящемъ отъ Чернаго Яру въ шестидесяти верст., на Яндкой степи.

ными коровьимъ масломъ; а свѣщильня неопмѣнно должна быть бумажная. Тутъ каждый Калмыкъ спарается со своей стороны споспѣшествовать сему празднеству. Зажигочные предѣ Бурханами ставятъ благовонныя свѣчи; а другіе возжигаютъ съ коровьимъ масломъ плошки, и спавятъ по горѣ около Цацы. Тутъ бьютъ всякую скотину, и шестъ чашъ называемыхъ Такилсѣинъ Цегуце съ сараѣнскимъ пшеномъ вмѣсто жертвоприношенія спавятъ передѣ Бурханами, вмѣщая въ оныя по малой части всякаго животнаго. Во время служенія въ Цацѣ бываетъ объявленная музыка. Лама со всемъ причетомъ отправляетъ службу состоящую въ молитвахъ. Черные Калмыки (**) ходятъ около Цацы, и по проекрашномъ обходѣ предѣ дверьми Цацы, кладутъ по три земные поклона, взирая на Бурхановъ, и возлагая руки свои на голову.

Когда читаютъ важнѣйшія молитвы, тогда молятся съ сокрушеннымъ сердцемъ, подгибая правую ногу, а лѣвую скорча, и сложивъ ладони. Но что бы никакой предметъ не могъ поколебать ихъ мыслей, зашуриваютъ глаза и потупляютъ голову. Принесенную жертву Бурханамъ, ни кому ѣсть не дозволяется, но пускаютъ оную въ текучую воду, на примѣръ: ручей, рѣку

(**) Черные называются всѣ тѣ Калмыки, которые не принадлежатъ къ священническому чину.

и проч.; а остальную скопину ѣдятъ бого-
мольцы. Первую участь получаетъ духо-
венство, и каждый изъ своего блюда по
при щепотки опкладываетъ, какъ нѣкую
жертву Бурханамъ, приговаривая за каждою
щепоткою *Урбанердини* (*).

Сии опкладныя щепотки просыпые Кал-
мыки съ особливимъ благоговѣнiемъ при-
нимаютъ и ѣдятъ, какъ нѣчто благословен-
ное. Такое обыкновенiе наблюдають ихъ
Гелюни во всякое время, когда ѣсть на-
чинаютъ; и естли не прилучится посто-
роннiй Калмыкъ, при окладныя щепотки
бросають въ огонь и сжигаютъ.

На мѣстахъ, гдѣ построены
Цацы, всякiй проѣзжающiй Калмыкъ оста-
навливаться долженъ, и заплатить Бурха-
намъ подать чѣмъ ни есть. Естли у кого
не прилучится съ собою денегъ, то въ
Цацѣ оставляють, или стрѣлу, или под-
кову, или другую какую вещь. Въ случаѣ
же недостатка Бурханъ долженъ доволь-
ствоваться конскими волосами, или обрѣ-
занными ногтями. Кромѣ сихъ мѣстъ все-
общаго идолослуженiя, каждый Гемонъ
имѣетъ собственное себѣ капище. Оно въ
той же находится кибиткѣ, въ которой
жи-

(*) Урбанердини значитъ трехъ святыхъ или
проицу, и подъ симъ именемъ они разумють
трехъ Бурхановъ, Санжимуни, Мавьушари,
Майдари.

жительствоеть и Гемонь; и Бурханы по большой часпи бывають въ заключеніи. Когда Гемонь вынимаетъ своихъ Бурхановъ, то спавишь на споль каждого при проскращномъ земнопоклоненіи, и сидя читаетъ молитвы: а другіе Калмыки ходятъ около кибишки, и кланяются Бурханамъ въ дверяхъ кибишки. По окончаніи молитвъ, каждый Калмыкъ входитъ въ кибишку, и кланяется Бурханамъ по три раза, и по разу Гелюню, который на него налагаетъ свою руку. Когда Бурхановъ Гемонь вынимаетъ изъ започенія, то каждого, естли они линые, омываетъ чистою водою; и та вода почищается у нихъ за свящую или цѣлительную.

Вѣра Черемисская происходитъ отъ неизвѣснаго имъ времени, и одно преданіе ихъ предковъ, служило имъ къ сохраненію древняго своего закона. Между множествомъ боговъ ими почитаемыхъ первенствующій есть Тинзябръ Юма (*), то есть Богъ живущій на небесехъ; и сей сотворилъ небо, землю и все то, что видятъ ихъ глаза. Жершва ему приносимая суть различныхъ родовъ

3 2

родовъ

(*) Слово Тинзябръ Юма, значитъ Бога всемогущаго. Черемисы почитаютъ его съ великимъ благоговѣніемъ; но нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что дѣла смертныхъ людей совсѣмъ ему не принадлежатъ; а дѣлалъ онъ надъ ними судіями и властителями прочихъ ихъ боговъ!

родовъ животные. По немъ почитаютъ они Киремешя, который есть духъ свирѣпый и могущественный; а вѣра ихъ заставляеъ думать, что большая часть благополучія ихъ въ волѣ сего страшнаго Бога: но былъ ли онъ человѣкъ, или какое другое чудовище, того они не знаютъ. Во время нужды, и во дни болѣзни своей убиваютъ они лошадей и коровъ, которыхъ приносятъ ему въ жертву, по среди отпущеннаго лѣсу. Смѣшное ихъ воображеніе достойно также удивленія: ибо они думаютъ, что убійенная ими лошадь не умираетъ, но только преселяется въ жилище для услугъ Киремешя, которому жертва сія паче всѣхъ угодна. По мнѣнію ихъ, надобности человѣческія и богамъ ихъ необходимы.

Читая исторію о древнихъ Скифахъ, находимъ мы сему подобное обыкновеніе. Они въ день погребенія царей и начальниковъ своихъ убивали, не только лошадей, но и нѣсколько изъ ихъ служителей, воображая, что погребенные и по смерти во всѣхъ человѣческихъ вещахъ имѣютъ нужду; а при томъ казалось имъ, что и самое сасполобіе можетъ еще услаждать умершихъ; и для сего убивали по одной изъ бывшихъ ихъ наложницъ: и такое ужасное обыкновеніе употребляли они и по смерти каждой годъ.

Черемисы обитавшіе между древними Скифами сохранили остатки сего древняго суевѣрія, и можно думать, что сей ими называемый Киреметь не былъ ли какой нибудь знашый человекъ, изъ ихъ поколѣнія происходившій. Обыкновеніе, царствующее тогда между ослѣпленными народами, принудило и ему сдѣлать такое же погребеніе; а не разумѣвшіе потомки принявъ сей обычай за законъ, и не имѣя никакого понятія о существѣ его, назвали его богомъ, сохранивъ при томъ и обычай до сего дня.

Сей свирѣпый богъ имѣетъ у себя друга называемаго Ширтъ, который также силенъ награждать ихъ моленія, и гораздо снисходительнѣе перваго. Жертва ему приносимая состоитъ изъ овецъ и изъ другихъ малыхъ животныхъ.

Капко-Ороло не признаваемъ отъ нихъ за Бога, но любимымъ ихъ слугою, и онъ будто бы стоитъ непрестанно при вратахъ жилища Киреметева, и должностъ его возвѣщать ихъ прозбы и быть свидѣтелемъ усерднаго ихъ моленія. Для сего чшутъ они его, принося ему иногда и жертву.

Извѣстно уже всѣмъ, что язычники обитающіе въ Россійскихъ предѣлахъ, никакихъ храмовъ для моленія своего, также изображенія боговъ ими почитаемыхъ

совсѣмъ не имѣютъ, кромѣ однихъ Калмыкъ: но дубъ, береза, растущіе въ лѣсахъ, суть изображеніе ихъ божества, и приносятъ жершву по среди имъ посвященнаго лѣсу (*). Въ праздничные дни и во время нуждъ своихъ сходясь они на сіе избранное мѣсто, молятъ боговъ своихъ сохранителей.

При жертвоприношеніи наблюдаютъ они слѣдующіе обряды: скопина приведенная на заколеніе, должна быть тучна и здорова: ее убиваютъ посреди избраннаго лѣсу близъ раскладеннаго изъ дровъ огня. Какъ скоро снимутъ съ нее кожу, то отрываютъ уши, ноги, сердце, легкое и печенку; а сіе уже раздѣляютъ на три части, изъ коихъ одну бросаютъ въ огонь, признавая и въ немъ нѣчто спасительное; другую посвящаютъ Киремешю, которую также предають огню; а остальные части варятъ въ котлахъ и ѣдятъ сами. Жрецовъ или особливыхъ священниковъ они не имѣютъ: но какъ скоро имъ понадобится сдѣлать какое либо жертвоприношеніе, то выбираютъ человека престарѣлаго, который и управляетъ вышеописанными обрядами.

Въ

(*) Сіи молитвенныя мѣста, какъ Черемисы, такъ и Чуваши называютъ Киремешъ, по имени Бога ими почипаемаго.

Въ прочемъ сей народъ изъ самой древности, не имѣя ни какихъ установленныхъ законовъ, и пребывая всегда во глубинѣ невѣжества и незнанія, имѣетъ много еще другихъ священныхъ обрядовъ, и почти каждое жителство Черемисами населенное, имѣетъ свои особливые обыкновения. Между ими есть четыре извѣстные божества, которыхъ они называютъ, Оदेशкерь, Пувашъ, Куклешъ и Изкиженъ; но власть ихъ несравненно менѣе противу первыхъ: и для того не всѣмъ изъ нихъ знакомы, а бывающъ только хранителями нѣкоторыхъ домовъ ихъ, покоя и благополучія.

Пугорша Юма есть изъ числа начальныхъ боговъ почтиаемыхъ въ Башкиріи живущими Черемисами. Его молятъ о скопѣ, о хлѣбѣ, о пчелахъ и о всемъ, что въ житіи человѣческомъ потребно; а жертва ему приносимая суть всѣхъ родовъ живошныя.

Другій называемый Пѣабаръ или Пѣамъ-аръ, имѣетъ власть равную съ Пугоршею; но жертвы имъ различны; ибо Пѣабару посвященъ черный быкъ, и всѣ другія чернаго вида живошныя, такъ какъ Шукшъ, третьему изъ числа ихъ первенствующимъ боговъ, посвященъ бѣлый гусь, прочіе ихъ боги суть сіи.

Кургубуршъ Юма , живётъ на землѣ , однакожъ ни кто его увидѣть не можетъ , кромѣ щастливыхъ и безгрѣшныхъ людей.

Юманашъ , по сказанію Черемисъ , обитаетъ иногда въ водѣ , а иногда въ лѣсу. Его молятъ , чѣмъ даровалъ имъ дѣтей мужескаго пола , и приносятъ въ жертву черного барана.

Иргибаши Юма , есть также изъ числа ихъ боговъ , и власть его равна съ другими.

Черемискія жены не жертвуютъ ни одному изъ сихъ боговъ , но для ихъ спасены всѣ тѣ божества , которыхъ онѣ въ женскомъ родѣ почитаютъ , и которыя суть нижеслѣдующія :

1) Кичеба , есть мать солнца , богиня согласія семейства , щастія и богатства. Она обитаетъ , по мнѣнію ихъ , внутри самаго солнца , и бываетъ ей публичное празднество отъ всѣхъ Черемискихъ женъ и дѣвицъ. Въ жертву убиваютъ молодого теленка или барана.

2) Каба , есть такое божество , которое живетъ отдѣленно отъ всѣхъ другихъ боговъ. Когда солнце среди лѣта взоидетъ на полдень , то въ то время свѣтитъ оно возлѣ самаго ея жилища. Словомъ сказать : она живетъ въ-неизмѣримой пучинѣ-воздуха , и власть ея простирается вообще до всѣхъ

всѣхъ человѣческихъ болѣзней, нуждъ и напастей.

3) Кудо-Шоче-Наба, живетъ вмѣстѣ съ богами обитающими на небесахъ; а нѣкоторые думаютъ, что она есть мать Памара. Черемискія женщины молятъ ее о дѣтородѣ; а по сему можно ее познать за богиню дѣтородѣя.

4) Мушанъ Ченъ: сѣя есть послѣдняя изъ богинь, и не всѣмъ Черемисамъ извѣстно ея имя.

Обряды при женскихъ жертвахъ употребляемые, ни чѣмъ не разнятся отъ мужскихъ. Обычай ихъ запрещаетъ, что бы во время жертвъ Погуршъ, и другимъ богамъ не было ни одной женщины: но напротивъ того и при торжественныхъ женскихъ жертвахъ не бываетъ ни одного мужчины, кромѣ того, что по окончаніи надлежащихъ молитвъ могутъ мужья прийти и совокупно съ ними веселиться. Женщины имѣютъ особливыхъ ворожей, такъ какъ мужчины ворожцовъ, способомъ которыхъ познаютъ онѣ, какая жертва богамъ будетъ пріятна.

Въ болѣзняхъ своихъ не призываютъ они на помощь ни Пугоршу, ниже одного изъ ихъ боговъ, которыхъ я описалъ: но для сего имѣютъ они особливаго Бога болѣзней, котораго называютъ Чукъ Киремешъ, ему приносятъ жертву по предска-

занію ворожецовъ , какого рода и какой шерсии скопина пошребна , дабы умилоставишь Бога ; а по сему прежде приношенія жертвы ворожець гадаеть , потомъ сказуетъ , что Чукъ Киреметю будетъ пріятно . Сказаніе ворожеца имѣеть точно такуюжъ силу , какъ бы самъ богъ ихъ говорилъ устами его , и требуемое имъ должно немедленно исполниться .

Ворожецы бывають изъ числа тѣхъ людей , которые лукаве и умне своихъ одноземцовъ ; а по сему не трудно имъ ложными предсказаніями плѣнять простой и несмысленной народъ : ибо когда одинъ разъ удастся ему проречи истинну , (что онъ легко можетъ исполнить , смотря по случаю нужды , хотящихъ принести жертвы) , то симъ уже и заслуживаетъ вѣчное почтеніе у своихъ земляковъ .

Во время скопскихъ болѣзней , хотя сегожъ бога умилоспивляють , но больше еще другихъ , которыхъ называютъ они Киреметь-Капка и Киреметь-Піимъ . Жертва имъ приносимая суть утки , тепперевы и рыбы ловимыя въ ихъ мѣстахъ .

Когда надлежитъ дѣлать всеобщее жертвоприношеніе , то старики собравшись вмѣстѣ дѣлають совѣтъ , какую скотину принести въ жертву мнимому ихъ богу . Но толпа людей разномысленныхъ не скоро можетъ согласиться , и каждый раз-
ли-

личаясь намѣреніемъ своимъ отъ другаго ,
 желаетъ , чтобъ жерпва была приносима
 изъ тѣхъ животныхъ , которыя ему нра-
 вятся. Когда число разномысленныхъ бу-
 детъ умножаться , то потчасъ призыва-
 ютъ ворожецовъ , дабы они сказали , какая
 жерпва богу будетъ пріятна. Ворожецы
 гадаютъ разными образами : иные мечутъ
 бобы ; другіе смотрятъ въ воду , наливъ
 оную въ какой нибудь сосудъ , гдѣ по сказа-
 нію ихъ и изображается видъ того бога ,
 коему народъ принести жерпву назначилъ.
 Совершивъ гаданіе , предсказываютъ они ,
 что богу будетъ пріятна , или бѣлая ло-
 шадь , или бѣлая корова. По сему предска-
 занію каждый деревенскій житель обязанъ
 дать нѣкоторое число денегъ , на которыя
 покупаютъ богу угодную скотину. Съ ве-
 чера возвѣщаетъ староста одноземцамъ
 своимъ , дабы поутру сходились на мѣсто
 избранное для моленія ; куда сходятся всѣ
 на разсвѣтъ дня въ самомъ лучшемъ сво-
 емъ убранствѣ , и однѣ женщины не могутъ
 быть участниками сего празднованія. Въ
 присутствіи собравшагося народа , выводятъ
 назначенную въ жерпву скотину , и пот-
 часъ ее зарѣзываютъ : потомъ варятъ въ
 нарочно приготовленныхъ котлахъ. Сваре-
 ное мясо раздѣляютъ всѣмъ поравну , а
 тутъ уже каждый Черемисянинъ разрѣзы-
 ваетъ свой удѣлъ пополамъ , и одну часть
 оста-

оставляютъ для себя, а другую складываютъ все въ одинъ кошелъ: и какъ отъ множества кусковъ наполнится сей сосудъ, то сіе бросаютъ въ огонь и говорятъ слѣдующія слова: *огонь, опнеси нашу жертву къ богу*. Прочія ихъ моленія заключающіяся въ трехъ вещахъ: первое, что бы богъ далъ имъ хлѣба, скота и пчелъ. По окончаніи сихъ обрядовъ обѣдаютъ все на жертвенномъ мѣстѣ, а послѣ уходятъ по своимъ домамъ, оставя кожу съ убитой скопины на томъ самомъ мѣстѣ, развѣсивъ ее на дерево.

Различіе между жертвами, приносимыми богу болѣзней, есть сіе, что въ числѣ другихъ на жертву убиваемыхъ животныхъ есть и заяцъ, и то, что голову и ноги убитой скопины бросаютъ въ огонь, что они уносятъ домой во время жертвъ Пугоршъ и Піабару. Бросая сіи части въ огонь, говорятъ они сіе: *огонь, опнеси къ Киреметю нашу жертву и скажи, чтобъ онъ болѣе не просилъ*. Гаданія при жертвахъ приносимыхъ Чукъ Киреметю бываютъ также опмѣнны; ибо тогда они разсмащиваютъ внутренность животнаго; и ежели печенька, вынушая изъ него, не тонка и не пестра, то сіе предзнаменованіе служитъ въ ихъ пользу: когдажъ случится тому прошивное; то сей знакъ есть неблагополучія семьи, жертву приносящей.

Первѣйшій праздникъ бываетъ у нихъ въ Іюнь мѣсяцѣ, которой только по прошествіи трехъ лѣтъ торжествуютъ. Въ сіе время приносятъ они жертву богу живущему на небесахъ, коего называютъ они Тинзябрь Юма, и убиваютъ для его по одной изъ всѣхъ родовъ домашнихъ скотинъ.

Другой день празднуютъ они предѣтъмъ, какъ наступитъ время пашни. Въ сей день нѣтъ никакой жертвы кромѣ того, что всѣ собираются на избранное поле, и спавши на воспокъ съ великимъ благоговѣніемъ падаютъ на колѣна свои и вопіюшъ: Боже, роди намъ хлѣбъ! потомъ цѣлой день препровождаютъ въ пьянствѣ, въ борьбѣ, въ скаканіи на лошадяхъ и въ другихъ веселыхъ упражненіяхъ. Сей праздникъ есть одинъ, въ которой имѣютъ право и женщины и дѣвицы быть участницами сего моленія, и вообще со всѣми веселиться.

Черемисы оставшіеся при древнемъ своемъ идолопоклонствѣ, слѣпо повинующія собственнымъ своимъ духовнымъ, которыхъ называютъ Мушанами и Машанами, а первосвященникъ нарицается у нихъ Югпишъ: и сіи полководатели сновъ, предсказатели, волшебники и развращители, въ великой у нихъ чести. Число такого духовенства спало уже теперъ очень не велико: но вмѣсто того избираютъ себѣ всякаго

каго мѣста миряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенія чловѣка, котораго переименовавъ *Карпомъ*, даюшъ ему и помощника подъ именемъ *Удше*.

Богъ называется вообще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшій богъ), а чтобъ присвоить ему умственно всякія благости, то подъ именемъ *Юмонъ Аза* (мать божковъ) воздаюшъ супругъ его первое и самое большое по богъ почтеніе. Прочіе добраго качества божки сунъ, по ихъ разсужденію, дѣтки или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божественныхъ лицъ: и между ими то раздѣлено правленіе мира и расположеніе судебъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женашыми, а иныхъ холостыми, и называютъ ихъ вообще *Божьею семьею* (*Юмонъ Шукча*), что же касается до именъ ихъ боговъ, и до умоначертанія о исправляемыхъ ими дѣлахъ; то они въ томъ между собою несогласны, потому что одинъ мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другой меньше: при томъ же и въ случаѣ испрошенія милости по однимъ и тѣмъ же самымъ дѣламъ обращающа къ разнымъ божкамъ. Наибольше же прилпаяюща они къ слѣдующимъ богамъ, а именно: къ *Пурикшъ* и *Пугуршъ Юмъ*, къ *Кудорчъ Юмъ*, подъ коимъ разумѣюшъ они грозу, къ *Пуембаръ Юмъ*, который по видимому есть почитаемый *Тапарами* про-

пророкъ, потому что сѣи называютъ своего прорицателя Мугаметомъ Пуемберомъ, сирѣчь пророчествующимъ. Есть у нихъ не мало и богинь, въ числѣ копорыхъ почитаютъ также Кичебу, мать солнца, Кабу и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ богамъ, а грѣшницы къ богинямъ.

Прародителемъ боговъ злыхъ качествъ почитаютъ сатану, (Шайтанъ), коего не собственнымъ его называютъ именемъ, но словомъ Іо. Онъ живетъ, по мнѣнію ихъ, въ водѣ и бываетъ особливо въ самый полдень лихъ. Лѣшихъ называютъ Ведашами, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власъ; при чемъ думаютъ также, что они могутъ звѣринные промыслы дѣлать и удачными и несчастливыми. У нихъ есть и злыя богини; но случается, что подъ онимъ, и тѣмъ же самымъ именемъ причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтеніи. Но поелику они громоваго бога (Кудорча) больше спрашиваютъ, и при томъ вѣрятъ, что плодородіе земли отъ него зависитъ; то многіе ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужское платье куклы, копорую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ никакого

кого особливаго почтенія, кладутъ только ему черезъ нѣкоторое время по нѣскольکو кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣщенные къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревьямъ четвероугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ береспы вырѣзанныя, безъ всякаго въ разсужденіи лицъ или знаковъ изображенія, которыя называются у нихъ *Куда Вадашъ*. Въ прочемъ иные называютъ ихъ идолами, а другіе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтеніи, и какъ будто представляютъ жертвенники фауновъ.

Службу отправляютъ они богамъ своимъ не въ храмахъ, но на чистыхъ священныхъ мѣстахъ (*Кереметь*), которыя бываютъ или мирскія (*Кога Кереметь*), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащія (*Шкъ Кереметь*). Они имѣютъ положеніе свое въ священныхъ рощахъ или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести по крайней мѣрѣ одно либо и нѣскольکو деревьевъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знашное дерево посвящается Юмѣ, другое похуже онаго Юмонъ Авѣ, а прочія кое какимъ божествамъ. Кереметь есть окруженное деревьями или другимъ какимъ заборомъ обнесенное мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оно отъ десяти до двадцати сажень, и три имѣетъ входа: одинъ къ

къ западу для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводящъ назначенную въ жертву скотину, а прешій къ югу для ношенія воды. Подъ знаиѣйшимъ деревомъ сноишъ в мѣсто жертвенника столъ; а не подалеку отъ Керемеша сдѣлана крышка, подъ коею варящъ принесенную въ жертву скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Керемешю, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чисенько приодѣться, и припомъ, когда только можно, не съ пустыми приходишъ руками. Многіе почитающъ и самого Керемеша сильнымъ и благодѣйствующимъ божествомъ; и по тому присвояютъ ему участь въ приносимыхъ жертвахъ и моленіяхъ. Пятница почитается наилучшимъ къ молишвъ днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдохновеніи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатой скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ, какъ вареной, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ другимъ предпочитаются; пѣгіе совсѣмъ не годятся, а черные въ нѣкоторыхъ только случаяхъ могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары и котораго рода. Жертвенные напишки и пироги надобно приуготовлять дѣвкамъ. Дома въ остатки жершвъ не запрещено и жен-

щинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда духовные, которые при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на сполъ нѣсколькихъ бобовъ, размѣриваніе пояса и проч., вопрошаютъ своихъ боговъ, какъ о семъ, такъ и другихъ обстоятельствахъ.

Самый большій праздникъ касающійся до всего боговъ семейства, называется у нихъ Юмонъ Байранъ. Названіе Байранъ (праздникъ), такъ какъ и омываніе тѣла передъ праздниками переняли они у Таттаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ смотря по обстоятельствамъ и доставкамъ покупающихъ жертвенную скотину мирянъ черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ чепыре года, время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день раскладываютъ Мушаны или Карты въ Кереметъ семь огней, которые въ одинъ рядъ проспираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западъ огонь посвященъ Юмъ, ближайшій къ оному Юмонъ Авъ, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особый Мушанъ или Картъ, Пудше; и передъ всякимъ огнемъ, распилаютъ по сукну, на которое спавяшъ жертвенные напшки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше становится съ жертвенною своею живопиною передъ своимъ огнемъ: служащій Юмъ держишъ жеребца, а состоящій передъ огнемъ Юмонъ

Юмонъ Авы корову, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скопѣ или птицѣ. Миряне снопятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы поднявъ къ верьху пирогъ и сосудъ съ напишкомъ, творишъ въ слухъ молитву корошенькую, во время коей предстоящій народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ аминь! послѣ сего молился жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, обливаютъ всякій удше скопину свою холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ, а естли нѣтъ такой примѣны, то поливаютъ ее еще нѣсколько кратъ: и буде она послѣ седьмага поливанья не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скопину такъ, чѣмъ кровь брызгнула въ огонь; и потомъ очистятъ внѣ Кереметя мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою или наѣтомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ жрецъ на блюдѣ въ верьхъ боже-спиву своему сердце, легкое, печенки и голову, молился; а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который какъ надлежитъ бытъ первосвященнику, всѣ блюда дѣлитъ на части и подаетъ всякому къ вѣрѣ своей усердствующему по особой долѣ, которую шутъ же всякъ и сѣдаетъ съ почте-
И 2 нѣемъ

нѣмъ. Послѣ сего творитъ опять жрецъ молишву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣркѣ: въ огонь же ничего не бросаютъ. Кости сжигаются; шкуру съ жеребца вѣшаютъ у Керемеша на дерево: а прочія кожи делятъ жрецы по себѣ. Остатки жертвъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домохозяевами, и при безпудныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ распаханію земли; то деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою по желанію своему что нѣсть изъ пищи и пивья въ жертву. Карпъ при твореніи молишвы и вышеописанномъ поклоненіи мирянъ приноситъ богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію потому, что жены и дѣти ихъ принимаютъ также въ пированіи семъ участіе. Напоследокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой жатвенный праздникъ (*Ушкинде Байранъ*). Послѣ омовенія ставитъ онъ всякаго рода снятой въ томъ году съ полей хлѣбъ съ небольшимъ количествомъ солоду, напитковъ

и испеченныхъ изъ самой свѣжей муки пироговъ, на блюдахъ въ избѣ своей на столѣ. Потомъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держа въ жертву прошивъ солнца, и съ покорностію благодаритъ богамъ за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаютъ своихъ приятелей.

Первенствующій Вошятскій богъ есть такъ называемый Илмеръ, коего жилище кладутъ они на небесахъ, и вѣруютъ, что все видимое ихъ глазами есть его твореніе. День празднества установленъ ему во время весны, и моленіе бываетъ по среди поля, куда сходятся женщины и мужчины, прося его, дабы онъ умножилъ плодородіе въ ихъ земляхъ. Какъ сей Илмеръ есть могущественнѣйшій изъ всѣхъ другихъ боговъ, то жертва ему посвященная согласна съ его величествомъ, потому что всѣ закалаемые животныя должны быть бѣлой шерсти, какъ овцы, коза, лошадь, корова, овца и шеленокъ.

По Илмеръ заступаетъ первое мѣсто богиня называемая Калдыни Мумасъ, о которой Вошяки сказуютъ, что она есть маиерь Илмера. Вошятскія женщины молятъ ее о рожденіи дѣтей, а дѣвицы о благополучномъ замужствѣ и въ жертву приносятъ бѣлую овцу. Сей богинѣ установлены два празднества: одно публичное, гдѣ совокупно все женское общество при-

носитъ ей обыкновенную жертву ; а другое частное или домашнее , въ которомъ каждаго дому хозяйка можетъ ей жертвовать во время нужды своей.

Вторая богиня называемая Шунду Мумы, и естъ маперъ солнца. Ее молятъ во время оспы и другихъ болѣзней на дѣтяхъ ихъ случающихся. Всеобщее празднество уставлено для нее въ день святыя пасхи : а жертва ей приносимая естъ пшеничный хлѣбъ и свареная изъ ячменныхъ крупъ каша. Вопяки въ деревняхъ живущіе, отправляютъ сіе празднество такимъ образомъ : избравъ въ полѣ или въ лѣсу какое нибудь чистое мѣсто, сходящіяся на разсвѣтѣ дня всѣ, какъ мужескій, такъ и женскій полъ , а старшій изъ ихъ общества пріемлетъ хлѣбъ, и чашу кашею наполненную въ руки свои : потомъ всѣ падающіе на колѣна, и смотря на солнце, вопіютъ : маши солнца , спаси отъ болѣзни дѣтей нашихъ ; выговоривъ сіи молитвы , преклоняются лицами къ землѣ ; а послѣ возставъ , ѣдятъ всѣ вмѣстѣ жертвенную пищу. Конецъ празднества язычниковъ естъ пьянство и другія веселыя упражненія являющія знаки шоржества.

Вопятское суевѣріе , такъ далеко простирается, что самыя неодушевленные вещи приемлютъ отъ нихъ почтеніе боговъ. Изъ числа ими обожаемыхъ вещей знаменѣйшій естъ , такъ называемый Модоръ , который

ни что иное, какъ вѣшви пихповаго дерева. Сколь благоговѣно чшупѣ они сѣи священныя вѣшви, тому послужитъ доказательствомъ то, что они говорятъ о немъ ; „ Сѣ „ есть одно изъ первенствующихъ вещей „ нами обожаемыхъ , и то самое , которое „ называемъ мы Модоромъ или богомъ хра- „ ницелемъ домовъ нашихъ : и естли ко- „ снешся имъ рука, не только инозаконныхъ , „ но и шѣхъ самыхъ , которые ихъ обожа- „ ютъ , то непременно покой семейства мо- „ его, и самое благополучіе наше разрушит- „ ся какимънибудь несчастливымъ случаемъ , „ Должность снимать его съ мѣста, имѣетъ „ одинъ преспарѣлый Вошякъ, живущій въ ихъ „ деревнѣ ; когдажъ онъ умретъ , то мѣсто „ его заступаютъ сынъ его, а буде нѣтъ кро- „ внаго наследника, то ближайшій изъ род- „ ственниковъ его можетъ брать священныя „ вѣшви. По прошествіи каждаго года предъ „ вѣшвями , служащими имъ за образъ дома- „ шняго ихъ бога, убиваютъ на жертву моло- „ даго шеленка , коего уши кладутъ на ту „ доску, гдѣ лежатъ пихповыя вѣшви , а ша „ храмина, гдѣ оныя вѣшви пребываютъ, слу- „ житъ вмѣсто храма Модору посвященнаго : „ ибо жертвеннаго шельца убиваютъ посреди „ сего мѣста.

Естли какому нибудь Вошяшскому „ дому понадобится другія вѣшви , то онъ „ не прежде можетъ ихъ получить , какъ по

смерти того старика, который предъ вѣшьями 'оправлялъ' должность священника. Молодой его наслѣдникъ имѣетъ право удовольствоваться желаніе просящаго: но все сіе долженъ онъ сдѣлать безъ корысти.

Черемиса, живущіе близъ береговъ рѣки Таныпа, чтутъ также оныя вѣшви, которыя называютъ они Лудоводшъ, то есть домашній богъ. Жертвоприношеніе различествуетъ только тѣмъ, что Черемиса посвятили ему чернаго барана. Сей богъ не есть общественный богъ для всего Черемискаго и Восятскаго народа: ибо между ими есть такіе, которые не дѣлаютъ ему ни жершвы, ни почтенія.

Какъ ни почипаютъ Восяки лихшювыя вѣшви, однакожъ дерева ихъ не изымаютъ употребленія на домовыя строенія. Они хранятъ только одно дерево, стоящее въ дремучемъ лѣсу, которое избравъ ихъ прародители называли Модоромъ, и потомки ихъ довольствуются вѣшьями на нихъ выращиваемыми.

Восяки будучи издревле охотники до бортевыхъ плечъ, вздумали, что надлежитъ обожать и дятла, какъ такое животное, которое живучи въ лѣсахъ причиняетъ вредъ бортевымъ деревьямъ. Они поймавъ плетеницами дикую утку, рѣжутъ въ своихъ лѣсахъ, и сія есть жершва дятлу посвященная; внутренность ея оставляютъ въ лѣсу

лѣсу на пищу дѣлаю , а прочее варя ѣдятъ сами.

Киреметь имѣетъ также почтеніе отъ Вотяковъ , и день праздниства установленъ ему во время начатія пашни. Тогда убиваютъ они въ жертву чернаго барана, котораго покупаютъ на общія деньги ; во время случающихся съ ними болѣзней ищутъ они спасенія у Киреметя ; а гаданіе лукавыхъ ворожецовъ объявляетъ имъ , какая жертва будетъ ему пріятна. Все дѣйствіе сихъ отгадчиковъ , которыхъ Вотяки Тунами называютъ , состоитъ въ томъ. Они взявъ деревянную ложку , наполняютъ ее водою ; потомъ кладутъ въ нее серебряную копѣйку : но по чему узнаваютъ они желаніе боговъ , то , какъ таинство имъ однимъ извѣстное , не объявляютъ простому народу. Довольно того : люди непросвѣщенные и непонимающіе ихъ коварнаго дѣйствія , исполняютъ повелѣніе ихъ такъ священно , что естълибъ прореченная жертва стоила ему лишиться большей части своего богатства ; однакожъ болѣзнію страдающій человекъ непрекословно все исполнитъ.

Остяки изъ давнихъ временъ почитали нѣкоторую богиню , которая съ сыномъ своимъ нагая сидитъ на спулѣ : ей приносятъ многую жертву и дары , и просятъ , чтобъ даровала она имъ щастіе въ охотѣ , въ рыбной ловлѣ и въ прочихъ ихъ промыслахъ.

слахъ. Кто обѣщался принести ей нѣчто въ жертву , и не исполнилъ своего обѣща, такой мучимъ и терзаемъ былъ до пѣхъ поръ, пока не освободился отъ своего обѣщанія ; и ежели кто приносилъ жертву не отъ добраго сердца , такъ что онъ о томъ нѣсколько сожалѣлъ , тошъ умиралъ скоропоспѣжною смертію.

Чуваша и Мордва , хотя просвѣщены святымъ крещеніемъ , однако между ими попадающіяся семьи , которыя живутъ по старой вѣрѣ , и рѣдкую можно найти деревню , при которой бы не были видны остатки прежняго ихъ богомолія. Они избираютъ на такой конецъ мѣсто нѣсколько отдаленное отъ своего жилища въ лѣсу , куда для тишины , и можетъ быть и для возбужденія попомковъ своихъ къ любленію лѣсовъ , дабы тѣмъ удовлетворишь ихъ сохраненію , удаляются : а не для сокрытія себя отъ иновѣрцовъ , какъ нѣкоторые пишутъ ; ибо кому не извѣстно , что уже въ самую глубокую древность , язычники чрезъ такой набожности предметъ сохраняли свои лѣса , посвящая ихъ въ покровишельство разнымъ ими обожаемымъ идоламъ. Мѣсто богомолія Чуваша называютъ Ирзамъ , а Мордва Керемешъ , и которое не иное что есть , какъ четвероугольная площадь пыномъ , или пряслами огороженная ,

ная, и имѣетъ три ворота, съ востока, запада и сѣвера. Съ восточной стороны вводятъ они жертвенной свой скотъ, въ западные ворота входятъ люди, а чрезъ сѣверныя приносятъ воду. Неподалеку отъ восточныхъ воротъ вкапываютъ три столба, изъ которыхъ къ одному привязываютъ жертвенную лошадь, къ другому быка или корову, а къ третьему овецъ, и называютъ сии столбы Тиржигать. При западныхъ воротахъ врываютъ еще три столба, Оба на ихъ языкѣ. По введеніи жертвеннаго скота, привязываютъ они прежде къ восточнымъ столбамъ, при томъ закаляютъ при западныхъ. По закланіи жертвы, кожи животныхъ развѣшиваютъ на восточныхъ столбахъ, на которыхъ кожи мелкихъ животныхъ исчезаютъ, а крупныхъ, какъ-то, лошадей и рогатаго скота продаютъ, и покупаютъ на оныя деньги соль для будущаго богомолья. Въ сторону отъ западныхъ воротъ поставляютъ калду или повѣть, посрединѣ которой врываютъ два столбика съ поперешникомъ, дабы удобно можно было навѣшивать котлы, для варенія закладныхъ животныхъ; и сие мѣсто называется у нихъ Харай Жигать, т. е. кухня. У сѣверныхъ воротъ сдѣланъ полкъ или широкая лавка, на которой они разрѣзываютъ сваренное мясо на сколько кусковъ, сколько богомольцовъ, и лавку сию называютъ Хума.

Когда

Когда они предпринимають свое бого-
 моліе, тогда всѣ вообще омываются водою,
 или въ банѣ, и издѣваютъ чистое плащье:
 малоолѣпныя оспаються въ домахъ, а на
 богомолья ходятъ одни пожилыя обоого
 пола. Обыкновенное ихъ богомоліе отпра-
 вляется по пятницамъ. Сей день они уже
 никакой работы не отправляютъ; но въ тор-
 жествованіи препровождаютъ время. Бого-
 мольные ихъ обряды состоятъ въ слѣдую-
 щемъ; со всей деревни собираютъ солодъ,
 сырой медъ и прочія надобности къ варе-
 нію пива и меда; и наваривъ довольное ко-
 личество, выносятъ на мѣсто богомолія,
 всякъ со своей стороны смотря по достатку;
 на оное же мѣсто приводятъ лошадь, ко-
 рову, или овцу, или гуся живыхъ; но сви-
 ней никогда на мольбу не употребляютъ.
 Сбравшись всѣ вмѣстѣ, Іомзя или старшія
 изъ нихъ, убиваютъ приведенной скотины на
 мѣстѣ, и обрядивъ разкладываютъ огонь,
 и варятъ все въ кашицѣ. Сваривъ все, раз-
 ливаютъ по чашамъ кашу, и разклады-
 ваютъ говядину; распорядивши, начинаютъ
 молиться на воспокъ всемъ миромъ, и про-
 сятъ того, что кому потребно: вышній
 боже, дай богъ хлѣба, дай богъ скопину,
 дай богъ рабятъ за скопиною ходишь, былъ
 бы я здоровъ; помилуй богъ: чего прошу,
 того дай: скопины больше дай, дай богъ
 дѣшей; богъ великій государь! чего прошу,
 того

пого дай : дай богъ больше денегъ. Проговоря сѣ , спояшъ долго воевской тишинѣ , пошомъ спановятся на колѣна , и постоявъ на колѣнахъ , падають при раза ничкомъ на землю. Уповапельно , что сѣ поклоненіе взято у Татаръ , которые шакое же въ обикновеніи имѣють. Мольба ихъ продолжается около чепырехъ часовъ , а по окончаніи оной сядяся за столъ , и по лавкамъ , ѣдяшъ и пьютъ , что у нихъ было угошовано. Послѣ обѣда вторично начинають молишся , такимъ же образомъ чрезъ два часа ; оставшееся послѣ ихъ сшолла все раздѣливъ по равну между собою , берутъ домой и одѣляють своихъ домашнихъ.

Сѣ ихъ общее богомолье бываетъ во время недороду хлѣба , прошеніемъ также въ изобильныя годы въ знакъ своей благодарности , когда уберутся хлѣбомъ въ Ноябрь мѣсяцъ , которой они Цюгуй называютъ , во время засухи , мокрошы и повѣтрія.

Солнце и луну не шолько за божество почишали , но и приносили жертву солнцу въ началѣ весны , когда хлѣбъ сѣють , а лунѣ въ новомѣсячіе , сѣ тою шолько разноснїю , что симъ своимъ божествомъ не самаважную свою жертву упишаннаго жеребца , приносили , но другихъ животныхъ , какъ-то , овецъ , гусей и прочая , сѣ сею молишвою Мордва солнцу : Вышнее солнце

це свѣтитъ все царство , свѣти и намъ и на нашъ миръ. Новомѣсячїю , мѣсяцъ свѣтитъ во все царство, освѣщая насъ и хлѣбъ нашъ.

Кромѣ всеобщаго богомолїя. бываетъ у нихъ участное , которое отправляется у каждого въ домъ. Время богомолїя избирающъ они передъ обѣдомъ , приготова ову, или гуся , которые должны быть деморощенные , ибо на молитву покупать живошныхъ за грѣхъ вмѣняеиъся ; а бѣдные въ случаѣ недоспапка на мольбу употребляютъ густую кашу; нарядивъ на сполъ, ставятъ и зовущъ за оной всѣхъ своихъ домашнихъ; не выключая и женатыхъ дѣтей ; а сипенные или спарикъ со спарухою, ставъ у дверей , и отворивъ оныя, моляся такимъ же образомъ, какъ выше упомянуто. Если того дому спарикъ не въ состоянїи отпра- влять сего богослуженїя ; то просятъ по- сторонняго челоука спарику солѣшняго , или спарше; а моложе братъ не дозволяется. Такїя участныя богомолїя ввелися у нихъ въ то время , когда они болѣе стали быть знакомы съ Россїянами, и переняли у нихъ, такъ называемые годовые праздники.

У Чувашъ Алашорскаго уѣзда бываетъ въ срединѣ Керемеша деревянная хижина съ дверью на востокъ , въ которой ѣдятъ жертву стоя; и для того поставлены тамъ длинныя и скатертями покрытыя сполы. Въ сре-

среди́нѣ оной хижины воткну́тъ въ землю длинной сквозь кровлю проходящій шестъ, на копоромъ въверху утверждено, съ низу плоское, а къверху острое желѣзное кольцо; сему значку не опда́ется никакого почше́нiя, и въ простыхъ опверстныхъ Керемешахъ никогда онаго не бываетъ.

Лопари будучи язычниками вѣровали, да и теперь вѣруютъ въ Юбмела, общаго бога; и думаютъ при томъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые мужескаго и женскаго пола божки и богини меньшаго достоинства, живутъ и правительствуютъ они, по мнѣнiю ихъ, либо въ небѣ, какъ Юмбелъ и Редiанъ, прiемлющiй къ себѣ тѣхъ, кои жили благочестиво, либо на воздухъ, какъ Беиве (солнце), Горангелисъ, называемый также Ая Ипоръ, и значущiй грозу, Буагъ, Олмаи располагающiй бурями и порывистыми вѣтрами, либо на землѣ на святыхъ горахъ, какъ Леибъ Олмаи, богъ звѣроловства Мадеракко съ тремя своими дочерьми богинями, женскiя дѣла устрояющими и судящими, Саивс Олгакъ, нагорные волшебниковъ боги и проч. Подъ землею же поверхностью обитаютъ, по ихъ разсужденiю, и владычествуютъ, Ямбе Акко, мать смерти, у которой разлучившiяся съ тѣломъ души пребываютъ до самаго рѣшенiя ихъ судьбины, а въ средоточii земли или ада, гдѣ Пескаль, глава злыхъ духовъ, господствуетъ надъ

надѣ беззаконниками Рота и другіе боги. Они вѣрующіе также, что и въ водѣ есть злые боги и богини; въ прочемъ боящаея они кобода, вѣдьмѣ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣющіе не рѣдко совсѣмъ опмѣнную о всѣхъ вообще, или о нѣкоторыхъ только богахъ вѣру, и при томъ не токмо между собою не согласны въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдующіе еще и чуждыхъ боговъ и духовъ.

Святыя горы служатъ имъ вмѣсто капищъ, и заимствующіе всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ Спиренъ Алда, олень горы Спиря: не меньше почитаютъ они святыя озера (Аилекасъ Лувра), и рѣки (Пассе Юкъ), во всѣхъ паковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя деревья, на коихъ видны разные Лопарями начертанные виды, а по близости сѣмъ находящаея сдѣланныя ими отъ шрехъ до пяши фушовъ въ вышину жертвенники. Мѣста сѣи кажутся и принявшимъ уже Христіанской законъ Лопарямъ такъ спрашны, что не смѣющіе безъ жертвы къ нимъ приближиться, и поному они въ околѣцѣ оныхъ, ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ, наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные безобразные изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные идолы. Первыхъ называютъ они па-

жами,

жами , а послѣднихъ , кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ , и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ странно сгромощенныхъ камней , нарицають Сеапами. Когда ловятъ они въ шаковыхъ озерахъ рыбу , то должно имъ наблюдать безмолвіе , не водить за собою собакъ , не брать себѣ въ подмогу женъ и проч.

Жершвы приносятъ они по случаю болѣзней , падежа оленей , бесплодныхъ женидьбъ и другихъ временныхъ угнѣтеній. Волшебникъ долженъ имъ сказывать , къ какому божеству надобно имъ обратиться , также какую и гдѣ надлежитъ принести жертву и проч. на такой конецъ употребляетъ онъ иногда волшебной свой барабанъ , который есть не иное что , какъ продолговатый круглый съ одной стороны кожею обтянутый ящикъ , около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ , также звѣрей , птицъ , заручительныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положи на оную кольцо , и ударя колушкою , которую составляетъ мохнатый оленій рогъ , можетъ по мнѣнію Лопарей узнать попому изображенію , на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо , какой давать ему отвѣтъ на всѣ до прошедшаго и будущаго касающіеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ

и духовъ. При чемъ тѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Держащіеся таковыхъ мнѣній люди, которыя при томъ и по сложенію своему пугливы, должны изобиловать сновидѣніями, страшилищами, суевѣріями и сказками: да у нихъ и подлинно всего того довольно: мѣдвѣдя н. п. называютъ они не симъ именемъ, но подшубнымъ старикомъ. Они вѣрятъ, что ихъ чародеи могутъ производить и прерывать вѣпры и дождь, также призывать и прогонять несѣкомыхъ, разговаривать съ духами и проч., но при томъ говорятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что если бы не было грому, то волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкоторымъ реченіямъ и образованіямъ присвояютъ они особливныя силы, и держатся другихъ симъ подобнымъ нелѣпостей.

Народы обитающіе на Курильскихъ островахъ за Камчаткою, въ юртахъ имѣютъ вмѣстѣ идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сіи стружки называютъ Ингуль или Иннаху, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдаютъ; а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оспаиваютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ,

жекѣ, въ прочемъ носятъ съ собою оныя спружки во всякіе опасные пупи на море, и бросають въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ Сувои, чпо между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, который пѣмъ умилоствивить надѣются.

Гаданіи, оныя суть множественныя и различныя: ученые люди выдавали сочиненія свои гадательныя на нѣсколько вѣковъ, столѣтніе календари и временныя гадательныя книжки, по печенію планетъ, или кому какъ вздумалось, гадаютъ картами, костями, бобами, шыковыми сѣменами и прочимъ. Древніе Славяне употребляли гадательства: 1. мешаніе въ верхъ деревянныхъ кружковъ, съ одной стороны бѣлыхъ, а съ другой черныхъ. Когда брошенные кружки упавъ ложились бѣлою стороною въ верхъ, то знаменовало се доброе предвѣщаніе; а когда упадали бѣлымъ въ низъ, то худое; когдажъ ложились одинъ бѣлымъ, а другой чернымъ въ верхъ, то значило посредственное; 2. производилось конемъ святовидовымъ см. *Святовидъ*; 3. выводилось изъ оборотовъ и крику лежащихъ птицъ; 4. изъ крика животныхъ и изъ встрѣчи оныхъ; 5. изъ движенія пламени и дыма; 6. по печенію воды по пѣнѣ и спруямъ; 7. по разлагаемымъ прутикамъ и прочая, а по деревьямъ нашимъ слѣдующія происходятъ:

1. Поютъ дѣвушки, такъ называемыя подблюдныя пѣсни; собравшись ставяиъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываюиъ его большимъ плашкомъ, и кладутъ на плашокъ кусокъ хлѣба и холоднаго угля, попомъ всякая загадываетъ на перстнѣ, на кольцѣ, на наперсткѣ, на запанкѣ, или на другой какойнибудь малой вещи, и перекрестя блюдо той вещью, кладетъ подъ плашокъ всякая. Во первыхъ поютъ пѣсню хлѣбу, и по окончаніи ломаютъ его и уголь на кусочки, и раздѣляя по себѣ, завертываютъ въ рукавъ рубашки, съ которыми и спятъ для долженствующей быть сонной грезы. На конецъ припѣвая къ каждой пѣснѣ, кому вынитися, тому сбудется, вынимаютъ свои вещи, и по содержанію пропѣтой для нее пѣсни предбугадываютъ свою учаспъ, щитая то за неложное.

2. Сидя въ пустой горницѣ, смотрятъ въ зеркало: дѣвица приходиъ въ пустую комнату одна, принеся съ собою два прибора, зеркало и свѣчу, ставитъ все оное въ порядкѣ на столъ, и сѣвъ противъ зеркала гадаетъ, суженой ряженой, *приди ко мнѣ ужинапъ*. Минутъ за пять передъ его приходомъ начинаетъ зеркало тускнеть, а дѣвушка протираетъ его нарочно для того изготовленнымъ полотенцомъ; наконецъ придетъ нѣкто, и смопритъ черезъ его плечо въ зеркало; и когда невѣста раз-
смо-

смотря въ всѣ черты на его лицѣ, тогда закричитъ, чуръ сего мѣста: шо дьяволъ потъ, который принималъ на себя образъ ея жениха, исчезнетъ, и дѣвица съ того времени жениха своего знаетъ уже будетъ точно. Но сіе учинитъ робкая, а иная не такъ боязливая не будетъ еще чурать, и женихъ, или принявшій его на себя образъ дьяволъ переставъ глядѣться, сядетъ съ нею за столъ, и вынувъ изъ кармана ножичекъ или перстень, или что другое, положитъ на столъ, тогда уже дѣвушка зачураетъ, и сія положенная вещь остается ей въ добычу, и дѣйствительно бываетъ она похищена тогда у ея жениха, что многія увѣряютъ.

3. Носятъ кожу коровью или коневью къ проруби, и тамо садятся на нее, очертясь кругомъ отъ проруби огаркомъ, нарочно для того изготовленнымъ. По времени выходятъ изъ проруби водяные черти, взявъ кожу и съ тою особою, которая сидитъ на ней загадавши, носятъ мгновенно въ дальнія разстоянія, напримѣръ: въ домъ будущаго жениха и прочая. По окончаніи же сей работы, желаютъ присвоить себѣ сѣдящую на кожѣ, и съ великимъ стремленіемъ летятъ къ проруби, дабы погрузиться съ нею въ воду, гдѣ успѣвать должно выговорить при самой проруби чуръ сего мѣ-

ста, чѣмъ спасти себя можно, а инако слѣдуетъ неминуемая гибель.

4. Лютѣ олово или свинецъ, воскъ и золою въ воду, загадывая прежде, и какое изображеніе выльется, то и вѣрятъ крѣпко, что то въ жизни съ ними случится.

5. Слушаютъ подъ окнами, загадавъ прежде, и какое слово отъ бывшихъ въ избѣ услышатъ, то потому и располагаютъ свою судьбину.

6. Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ въ ропу, и спрашиваютъ у мимоидущаго объ имени, вѣря, что тѣмъ именемъ мужъ ее будущій называться будетъ.

7. Полютъ снѣгъ, и въ которую сторону броситъ оной, то и слушаютъ тамо, какая прежде собака залаетъ, ежели толстымъ голосомъ, то быть ей за старымъ мужемъ, а когда тонкимъ, то быть за молодымъ.

8. Берутъ въ темнотѣ изъ полѣнницы полѣно, и когда оное гладко, то мужъ будетъ хорошей, а ежели суковато и съ трещинами, то дурной и сердитой. Другіяжъ вѣрятъ, когда полѣно суковато, то быть за богатымъ, а когда попадаетъ ей гладкое, то быть за бѣднымъ.

9. Снимаютъ ночью куръ съ насѣспи, и принеся въ горницу, даютъ клевать щопомъ пшеницу, или другой какой зерни-

нистый хлѣбъ; а потому и опгадывають будущую свою учась.

10. Слушаютъ сидя у окна въ горницѣ въ то время, когда уже всѣ лягутъ спать, то дѣвица загасивъ огонь, сядетъ къ зашворенному окошку, загадавъ, суженой, ряженой поѣзжай мимо окна. Чрезъ нѣсколь-ко времени находящаяся въ страхъ дѣвица слышавъ мимо окна ея ѣдущихъ кричащихъ и свистящихъ людей, что толкуетъ она добрымъ знакомъ веселой ея жизни, а когда проѣзжаютъ или проходятъ тихо, то значитъ бѣдное состояніе жениха.

11. Вывѣшиваютъ бѣлое полощенцо изъ окошка ночью, гадая, суженой, ряженой приди и уприся. Ежели по вывешеніи скоро полощенцо оное будетъ намочено, то значить, что тогожъ года бытъ дѣвицѣ за мужемъ; а ежели къ утру, то еще не бытъ долго; а когда по утру свиснетъ сухо, то не быти никогда.

12. Слушаютъ у церкви, ходявъ ночью къ церковнымъ дверямъ или окнамъ, и загадавъ слушаютъ, и когда поютъ, слышавъ имъ надгробныя пѣсни, поразумѣется дѣвушкѣ въ томъ годѣ умереть; а когда брачныя, то бытъ за мужемъ.

13. Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, и кладутъ его подъ подушку во время сна, загадывая, кто мой суженой, кто мой ряженой, томъ переведетъ меня чрезъ

мостѣ. Сѣе разумѣется , что должно ей во снѣ по присниѣся.

14. Бдящѣ пересолѣ въ то время , какѣ ложатся спать. Дѣлаютѣ какую нибудь пищу , соля ея весьма крупю , для того , что бы ночью имѣть жажду ; и ложатся загадавши , кто мой суженой , кто мой ряженой , потѣ лить мнѣ лодастѣ.

15. Слушаютѣ въ банѣ , ходятѣ ночью къ банѣ , и пришедѣ отворятѣ у оной двери , и оборотившись задомѣ въ двери , и открывѣ задницу , наклоняются и гадаютѣ , шени меня , мани меня куньимѣ хвостомѣ по голой задницѣ , и когда почувствуетѣ , что прикоснулось къ ней нѣчто мохнатое , то значитѣ жить богато ; а когда что холодное , то бѣдно.

16. Ходятѣ въ сарай , гдѣ споятѣ свинныя туши , отѣ которыхъ слышится имѣ голосѣ , а по оному и опредѣляютѣ будущую свою судьбину.

17. Бросаютѣ башмаки черезѣ ворота на улицу , и въ которую сторону ляжетѣ оной накомѣ , въ той сторонѣ и бытъ ей за мужемѣ ; а когда къ воротамѣ , то въ тотѣ годѣ еще не выдадутѣ.

18. Ходятѣ на перекрестокѣ съ зеркаломѣ , и имѣя за плечьми мѣсяцѣ , смотрятѣ въ зеркало , загадавѣ , суженой , ряженой покажися мнѣ въ зеркалѣ , которой также приходитѣ , какѣ и въ пустой избѣ.

19. Садятся на лошадь, и завязываютъ ей глаза, и пошомъ дають волю лошади, въ которую сторону сама она пойти похочетъ, то и вѣрятъ, что въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ.

20. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ решето, связавши ихъ хвостами, и кошорая изъ нихъ повлечетъ за собой другую, то по тому и исполняются загадавшей брачные обряды.

21. Слушаютъ у жигицы: здѣсь слышится имъ пересыпка хлѣба, шумъ отъ жерновъ, или работа на гумнѣ, многочисленность работниковъ и прочая, а пошому и узнаютъ, жить ли богато или убого.

22. Вывѣшиваютъ ключи за окошко, и когда придетъ нѣкто пошевелитъ оныя, тогда дѣвушка спрашиваетъ его объ имени, и оной нѣкто, то есть лѣшій, или другой дьяволъ оповѣстивуетъ по имя, кошорымъ называется ее будущій женихъ.

23. Кладутъ подъ головы гребень, загадывая, суженой ряженой причеши мнѣ голову, и увѣряютъ, что во снѣ приходитъ дьяволъ, во образѣ будущего ее жениха, и причесываетъ ей волосы.

24. Аукаютъ выбѣгая изъ двора, и въ которой сторонѣ будетъ отзываться ехо, въ ту сторону выдадутъ ее за мужъ, а при томъ примѣчаютъ скоро, или продолжительно, тонко или толстоголосо.

25. Ложатся навзничъ въ снѣгъ , и по утру ходятъ осматривать , ежели оное вылеглое мѣсто гладко , то мужъ будетъ смирный и спокойный , а ежели изсѣчено , то вздорный и драчливый.

26. Кладутъ на столъ три шапки , и гадаютъ также , какъ и о прочемъ сбытіи будущей ихъ судьбины.

27. Сучатъ нипки , и пускаютъ въ воду , по извиванію коихъ въ водѣ располагаютъ свое гаданіе , къ добру , или худу.

28. Слушаютъ подъ вереею , въ томъ упованіи , что онъ того познаютъ , какова ремесла будетъ ее мужъ , и увѣряютъ , что слышатъ иногда скрипитъ перо , то быть за полячимъ , иногда хлопаетъ , то быть за кучеромъ и прочая.

Черемиса и Чуваши приводя скопину на мѣсто убіенія , обливаютъ ее холодною водою , и примѣчаютъ , естли она почувствовавъ возливаемую на себя воду , вздрогнетъ и вспрехнется , то гаданіе въ пользу приносящаго жертву совершится , естли же будетъ споятъ неподвижно , то сіе предвѣщаетъ ихъ печаль или бѣду , и тогда уже въ жертву назначенная скопина бываетъ избавлена отъ приготовленной ей смерти , и брошена такъ какъ пропивная богамъ. Съ великимъ сокрушеніемъ отходятъ они отъ мѣста своего моленія , ибо по мнѣнію ихъ , нѣтъ никакой надежды уми-

умилостивить разгнѣванное божество, и отвраштитъ спремящуюся на нихъ печаль. Такимъ образомъ гадающъ они во время болѣзни и во время случившихся съ ними бѣдъ. см. Вѣра и Святovidъ.

У Черемисъ, Чувашей и Вопяковъ ворожея взявъ бобовъ числомъ сорокъ одинъ разводитъ оные по столу при всѣхъ людяхъ, и передвигаетъ съ мѣста на мѣсто долгое время, не спуская глазъ съ оныхъ. Напоследокъ приказываетъ, на какомъ мѣстѣ, и въ который день и часъ моливу отправитъ, и какую скопину для умилостивленія прогнѣваннаго ихъ бога въ жертву принести должно. Черемиской Мушанъ и Чувашской Іоамасъ берутъ иногда свой поясъ, и мѣряющъ онымъ локошъ до персповъ своихъ рукъ. Чувашскіе берутъ два маленькіе куска хлѣба, да два угля спавятъ оные на столъ одинъ прошивъ другаго, а между ими въ срединѣ кладутъ еще кусокъ хлѣба и втыкаютъ въ оной иглу, потомъ поднявъ вверхъ руку смотрятъ, на которую сторону та игла съ кускомъ хлѣба наклонилась, къ кускамъ ли хлѣба, или къ углямъ. Однако при семъ не даетъ онъ никакова извѣщенія и прорѣканія, но токмо приказываетъ, что дѣлать должно. Вопяцкой Тона беретъ на руку нѣсколько носоваго табаку, или наливаетъ въ чашку вина, и мѣшая оное лопаткою, или ножи-

комъ

комъ, смотришь весьма пристально въ чарку не малое время, закалаешь у ворожбы курицу на дорогѣ, и бросаешь оную на землю, ежели курица не препенется, то почипаешь предпрятый путь щастливымъ, а буде препенется, то опасаются нещастія; и для того весьма берегущся.

Гачь, Адскій Камчадальскій богъ. *смотри: Вѣра.*

Галаль, такъ называютъ Калмыки вѣки, или эпохи отъ сотворенія мѣра, и числятъ оныхъ чешыре. *смотри: Вѣра.*

Гебку, такъ называютъ Калмыки своего пономаря. *смотри: Вѣра.*

Гегиль, такъ называется у Калмыковъ ихъ дьяконъ. *смотри: Вѣра.*

Гелюнь, Калмыцкій попъ. *смотри: Бракъ и Вѣра.*

Гемонь, такъ называютъ Калмыки чернаго своего священника. *смотри: Вѣра.*

Георгіевъ день, то есть 23 Марта, неопимѣнно должно выгонять скотину въ поле, а кто въ сей день заводитъ шумъ, то вѣрятъ, что того неопимѣнно убьетъ громомъ.

Глаза свербятъ, у кого засвербишь подъ глазами, тому въ шопъ день о чемъ нибудь плакать.

Гнилой хлѣбъ. *смотри: Громъ.*

Голенище, естли кто изъ малолѣтнихъ крѣпко спящій выпускаетъ урину на по-

постелю , по того сѣкутъ голенищемъ , вѣря , что оное къ прекращенію того великую имѣетъ силу.

Голуби , ежели влѣпятъ въ горницу въ распворенное окно голубь , то вѣрятъ , что предвѣщаетъ то , или кому нибудь въ домѣ умереть скоро , или быть пожару.

Горангелисъ Ая Иторъ , Лопари признають сего богомъ грозы. См. Вѣра.

Горохъ , всѣ просполюдины увѣряють , что естли въ ночи на Рождество Христова и Богоявленіе не будутъ видимы звѣзды , въ томъ годъ гороху сѣять не должно , а чѣмъ больше звѣздъ видимо бываетъ , тѣмъ и урожай онаго бываетъ сильнѣе.

Гостелрѣимство , когда Камчадалъ подружиться желаетъ съ другимъ , то зоветъ будущаго своего друга въ гости , и топить для него юрту весьма жарко , и готовитъ всякаго кушанья , какое у нихъ за лучшее почищается , такъ много , что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юрту , и гость и хозяинъ раздѣваются до нага : хозяинъ скушавъ юрту , подчиваетъ его приготовленнымъ кушаньемъ , наливаетъ щербу въ превеликую чашу ; а между тѣмъ , какъ гость щербу пьетъ или хлебаетъ , хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое камень , чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все , что у хозяина пристра-

стряпано, съѣсть, и жаръ его вытерпѣть; а хозяинъ спарается принудить, чѣмъ гость взмолился, и просилъ свободы отъ пищи и жару; въ прошивномъ же случаѣ, сколько гостю то за удовольствіе, столько хозяину за скупость и безчестіе причинается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юрты выходитъ воленъ; но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя признаетъ. Во время ѣды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три, не шокмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенія не можетъ.

Какъ гость изъ силы выйдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается отъ того собаками, плащемъ, или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напрошивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего плаща обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почини ходить не могутъ, однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же томъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гостѣ, то обранной приѣзжаетъ впорично въ гостѣ, однакожъ не съ тѣмъ, чѣмъ ѣсть, но чѣмъ за свое по-

лу-

лучишь отдарки. Хопя гость, какъ у нихъ
обычай, ни чего о причинѣ приѣзда своего
не объявляешь, однакожъ хозяинъ о томъ
уже вѣдаешь, и отдариваешь ему по воз-
можности, а буде ни чемъ не подарить,
то гость переночевавъ у него, запрягаетъ
собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидишь
на санкахъ, попыкая ошпаломъ въ землю,
пока что нибудь получить отъ своего
друга; ежели же другу его, или отдарить
случится не чемъ, или отъ скупости не
захочется, то гость уѣзжаетъ домой съ
великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его
крайнимъ непріятелемъ. Но сіе весьма рѣдко
случается: ибо обидѣть друга своего за
такое почитается безчестіе, что никто
съ обидѣвшимъ въкъ не похочетъ дружить:
ибо естли кто кого позвавъ въ гости, не
столько какъ надлежало, употчиваешь, то
сіе вмѣнялось за такую обиду, которую
не иначе, какъ погубленіемъ мстити
надлежало, въ коемъ случилось толь-
ко непріятельское дѣйствіе. Таковожъ
безчестно и другому за подарки свои тре-
бовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ го-
стей, когда случается у нихъ какая пи-
рушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и по-
дарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ
нѣрпичьимъ или киповымъ жиромъ, то хо-
зяинъ накроя жиру ремнями, становится
пе-

передъ сидячимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суешъ въ горло крича, будто съ сердцовъ-ша, а ножемъ опрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимей самому, укого она есть, почти ни чѣмъ, кромѣ объявленнаго способа достать не можно; ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя не потребовалъ, отказавъ ему стыдно, чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острога, нѣкоторой казакъ изъ новокрещенныхъ Якутовъ. Онъ имѣлъ у себя по тамошнему обычаю друга изъ Камчадаловъ: и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими образы достать оную, однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Казакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ гости, выпотилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верхней полокъ, началъ подчивать, не подавая на каменку; но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ не довольно жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ подавать, и столько наподавалъ, что и самому быть въ банѣ нестерпимо было; чего ради

ради вышелъ онѣ, какѣ хозяинѣ, которому сіе дозволяется, изѣ бани вонѣ, и стоялѣ въ передбанникѣ, а между шѣмѣ отворяя двери, безпрестанно поддавалѣ на каменку, и такимѣ образомѣ вскорѣ принудилѣ Камчадала взмолишься; но казакѣ мучилѣ по шѣхѣ порѣ, пока Камчадалѣ общалѣ ему отплатѣ, о чемѣ онѣ старался.

Не можно сказать, сколь оное подчиваніе Камчадалу пріятно было: онѣ клятвою утверждалѣ, что съ роду не видалѣ такого жару, и никогда не могѣ надѣяться, чѣпобѣ казаки гостей, такѣ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища, не токмо не почелѣ себѣ за убытокѣ, но казака онаго дружество, яко доброе прославлялѣ у своихѣ товарищей, объявляяимѣ, что Камчадалы въ разсужденіи Рускихѣ ни мало не умѣюшѣ гостей подчивать.

Громѣ, простые люди говорятѣ, что когда громѣ гремишѣ, то Илія пророкѣ ѣздитѣ по небу на огненной колесницѣ, и убиваетѣ стрѣлою прогнѣвавшего Бога дьявола, которой тогда весьма укрывается, и обращаясь въ разные виды, а особливо во младенцовѣ, проситѣ у людей укрытія; но ежели бы оной и за ликѣ Божій спрятался, то и тотѣ образѣ не пощаженѣ будетѣ. Громовая стрѣла убивѣ дьявола, уходитѣ въ землю, и тамо три года пребываетѣ; по прошествіи того времени обнаруживается

и ее находятъ, копорая состоитъ изъ кремня. Въ случаѣ колотья окачивающъ ее водою, и оною водою обливаютъ больного. Увѣряютъ пожилые простолюдины, что ежели кто часто, или всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, то будто топъ грому бояться не будетъ; услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, умываются сѣ серебра, чая получить бѣлизну и красоту плѣа, также и здоровье.

Громовая стрѣла, смотр. Громъ.

Грѣховъ очищеніе, Камчадалы между прочею церемоніею, очищеніе грѣховъ получаютъ симъ образомъ: взявъ березовой пруть, и согнувъ его кольцомъ, пропускаетъ сквозь оное жену свою и дѣтей по два раза, копорые прошедъ въ кольцо, обертываются по одному разу, и тѣмъ отъ грѣховъ очищаются.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ копорой они грѣхи очищаютъ, а отправляется оной неопмѣнно въ Ноябрь мѣсяцъ; чего ради и очистителемъ грѣховъ называется.

Церемонія начинается метеніемъ юрты. Потомъ два старика, имѣвшіе въ рукахъ по повесѣмъ пюшичу, нѣчто пошептавъ надъ соромъ, приказываютъ его вонъ выносить.

Съ полчаса спустя, вынимаютъ изъ мѣста вонъ старую лѣстницу, мѣсто вычистивъ, и сшарикъ невѣдомо что пошептавъ,

павѣ , положиѣ шуда щепочку обвѣшную
понищемѣ , послѣ того новую привязыва-
ютѣ съ равнымѣ шеппаніемѣ , а старую
поставятѣ къ стѣнѣ : ибо вонѣ ея выно-
ситѣ , не окончавѣ праздника , не дозволено.

Между тѣмѣ приборѣ къ ѣздѣ на со-
бакахѣ принадлежащей , санки , алаки , узды ,
побѣжники , ошталы и прочее изѣ юршы
вонѣ вынесутѣ , для того , что оной ожи-
даемымѣ на праздникѣ врагамѣ по ихѣ мнѣ-
нію пропивенѣ.

Немного помешкавѣ , принесутѣ въ
юрту сухой травы , и постелютѣ подѣ лѣ-
стницею . Старикѣ , копорой обыкновенно на
все нашептываетѣ , пришедѣ къ лѣстницѣ
съ тремя бабами , сядетѣ на правую сто-
рону , а бабы по лѣвую ; у каждаго изѣ нихѣ
бываетѣ рогожка , а въ нихѣ юкала , слад-
кая права , сухая икра , шюленей жирѣ , въ
кишкахѣ и кусками , изѣ юколы дѣлаютѣ
они шопоры , и сладкою правою увиваютѣ ;
а изгошова все по обычаю , старикѣ и каж-
дая баба отправляютѣ отѣ себя по чело-
вѣку въ лѣсѣ за березою , навязавѣ на по-
ясы , на шопоры и на голову поншичѣ , и
опдавѣ рогожки съ обвѣяленнымѣ запасомѣ
на дорогу , немного себѣ изѣ того оставя .

Послѣ того старикѣ и бабы вставѣ съ
мѣстѣ своихѣ , обойдутѣ вокругѣ лѣстницы
одинѣ разѣ , махая поншичемѣ , копорой въ
своихѣ рукахѣ имѣютѣ , и приговаривая ,

Алхалалалай, а за ними обходящѣ и шѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши, и отправляются въ путь свой, а спарикъ и бабы поншичь свой на очагъ полагающѣ, а оставшей запасъ бросящѣ малолѣпнымъ, какъ бы на драку, которой они разхвашавши сѣдаютъ.

Между шѣмъ бабы дѣлаютъ изъ сладкой травы и изъ юколы кита, а сдѣлавъ вынесутъ вонъ изъ юрты до времени, и положатъ на балаганъ, потомъ затопляющѣ юрту; а спарикъ выкопавъ передъ лѣспницею яму, приноситъ камбалу обернутую поншичемъ, и пошептавъ положишъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернется прожды, а послѣ и всѣ мужчины и женщины до малолѣпныхъ.

По окончаніи сего дѣйствія, другой старикъ начинаетъ сарану варить въ корытахъ каленымъ камнемъ, которою сараню имѣющѣ быть подчиваны враги ихъ; а между шѣмъ, у кого были болванчики называемые урилыдачь, обвязываютъ ихъ сладкою правою, а другіе дѣлаютъ новыхъ болванчиковъ Ипунгъ именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкаютъ.

Въ тожѣ время старикъ принесетъ въ юрту березовой кряжъ, и начинаетъ изъ него Хантая дѣлать, а сдѣланному первой Тоюнъ того острожка, навязываетъ сладкой травы на шею, а по немъ и прочіе

слад-

сладкуюжъ траву, или поншичь приносятъ ему на жершву, по совершеніи которой поставятъ его на очагъ вмѣстѣ съ старымъ Ханшаемъ.

Старикъ взявъ два небольшіе камня, и обернувъ въ поншичь, невѣдомо что наговариваетъ, потомъ закопавъ ихъ на очагъ по разнымъ угламъ раскладываетъ небольшой огонь, а вокругъ лѣспницы посадитъ малолѣпныхъ, чѣмъ имъ хватаютъ болванчиковъ, которые съ верьху имѣютъ бытъ въ юрту брошены, дѣти схвативъ ихъ обвязываютъ сладкою правою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Ханшя, пощащивъ вокругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдуютъ, и Алхалалай кричатъ, а потомъ на старомъ его мѣстѣ поставляютъ.

Послѣ того обсядутъ вокругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни будетъ: потъ, которой на все нашепываетъ, возметъ въ руку обвившую поншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говоритъ начинаетъ: отъ Купхи намъ приказано, воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару; сію рѣчь перерываетъ, онъ нѣсколько разъ, между тѣмъ всѣ прочіе старики встаютъ, и топая ногами, и плеская руками кричатъ Алхалалай, а по оконча-

нѣи оной всѣ спарики встають съ мѣспѣ своихъ , и взявъ другъ друга за руки , запляшутъ и закричатъ Алхалалалай , а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричатъ.

Во время крика начинаютъ выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки , искося глаза , и кривя ротъ , и представляя себя , какъ возможно страшными , копорыя дошедъ до лѣспницы , поднимають руки къ верху , и дѣлая страшныя шѣлодвиженія , пляшутъ и кричатъ во всю голову , а потомъ одна за другою падаютъ на землю , будто мертвыя , и разносимы бывають мущинами по мѣстамъ своимъ , гдѣ лежатъ аки бы безчувственны по шѣхъ поръ , пока нѣкоторой старикъ не опшечетъ каждая порознь. Опшечтанныя бабы и дѣвки весьма много кричатъ и плачутъ , будто отъ великой болѣзни и шягоспи ; а между шѣмъ старикъ поворожа надъ пепломъ , бросаетъ его дважды къверху лопатой , а по немъ и прочіе тожъ учинятъ ; послѣ того старикъ насыпавъ пеплу въ два ковша , посылаетъ съ нимъ двухъ человекъ дважды изъ юрты : которые выходятъ не обыкновеннымъ окномъ , но шапхадомъ , и усыпають пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя , обшянутъ вокругъ всей юрты веревку изъ шравы плетеную , въ копорой мѣстами привязанъ шоншичь , и такимъ образомъ день они пре-
про-

проводящъ , а въ вечеру возвращаются по-
 сланные за березою , которые совокупясь
 съ нѣкопрымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ
 юрты Камчадаловъ , внесушъ на юрту сру-
 бленную подъ корень превеликую березу , и
 начнушъ бить ея въ окно или въ двери
 юрты , при чемъ топя ногами , кричащъ ,
 сколько у кого будетъ голосу ; напротивъ
 того и бывшіе въ юртѣ отвѣщаютъ ,
 равнымъ образомъ отъ мала и до велика , и
 сей вопль продолжается около получаса.
 Послѣ того выскочишъ изъ угла дѣвка , какъ
 бѣшеная , и взбѣжавъ по лѣстницѣ , за бе-
 резу схватится , а къ ней на помощь при-
 бѣжишъ еще бабъ съ десятъ , но Тоюнъ
 того оспрожка стоя на лѣстницѣ , не до-
 пустишъ ихъ . Между тѣмъ береза спу-
 скается ниже , и какъ съ полу достать оную
 возможно будетъ , тогда всѣ бабы ухватясь
 за березу , начнушъ тянуть ея въ юрту съ
 ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ ; но спо-
 ящіе на юртѣ держатъ крѣпко , напоследъ-
 докъ весь женской полъ , аки пораженный
 нечистымъ духомъ , попадаетъ на землю ,
 выключая ту дѣвку , коя прежде всѣхъ за
 березу схватилась : ибо она до тѣхъ поръ
 виситъ на ней , и кричитъ , пока береза кон-
 цомъ на полу спанетъ , тогда и она по при-
 мѣру прочихъ на землю повергается , такъ
 какъ мертвая .

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старики по прежнему опговариваетъ, и всѣхъ опшештываетъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которую онъ прудился долгое время; она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно: при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ея, совѣщивалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа, брошено въ юршу восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая права и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и чепыре рогожи, которыя даваны были съ кормомъ посыланымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую праву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи послали передъ лѣсницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать востро-головыхъ балванчиковъ, Камуда называемыхъ, во образъ шѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полѣ вселяющіяся во время плясания. Помянутыя кожи тюленьи отсулены были шѣмъ бѣсамъ еще въ осени, когда Камчадалы сряжались на тюлений промыслъ, чего ради и не употребляютъ ихъ

ни на что , кромѣ того , что подѣ себя стелюшѣ.

Сдѣлавъ пятьдесятъ пять болванчиковъ , посадили ихъ рядомъ , и сперва вымазали брусницею лице имъ , послѣ того поспавили передъ нихъ въ трехъ посудахъ толченой сараны , и передъ каждого положили маленькую ложку. Такимъ образомъ спояло кушанье нѣсколько времени; а какъ болванчики , по мнѣнію Камчадаловъ , уже довольны были , то сарану сѣли они сами , а болванчикамъ надѣвъ на головы правяные колпаки , и навязавъ сладкой травы и тоншицу на шеи , связали ихъ въ три пучка , и каждой пучекъ по два человека съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали , а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы , которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шапхадомъ или выводомъ баба , у которой на спинѣ привязанъ былъ кипъ изъ сладкой травы и рыбы , сдѣланной въ началѣ еще праздника , и ползла вокругъ очага ; за нею слѣдовали два Камчадала съ тюленьими кишками , сладкою правою перевишыми , и крича по вороньи , кишками по кипу били. Какъ баба очагъ миновала , то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтныя , и кипа у ней растерзали , а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выходомъ ; но стоявшей внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ поималъ ее , и

взведши на юрту, началъ спускать по лѣспницѣ въ низъ головою; для принима- нія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ, съ такимъ же какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали: кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и отшешпываніе по прежнему жъ, а между тѣмъ Камчадалы расперзаннаго малолѣп- ными киша по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того зашопили юрту, и бабы снряпать начали: каждая принесла свою посуду и толкушу, и спали толочъ шеламаинное коренье, икру и кипрей съ нер- пичьимъ жиромъ; а какъ все оное испол- кли какъ тѣсно, то старикъ взявъ хомягу (посуда), ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши; а собравъ отдалъ хомягу другому спарику, которой на все нашептывалъ, и бабъ падающихъ отговаривалъ. Оный старикъ сѣлъ къ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговари- вая, по обычаю бросилъ изъ толкуши нѣ- сколько въ огонь, а остальное отдалъ об- рашно тому, кѣмъ толкуша была сбирана; а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каж- дой давалъ по ложкѣ вмѣстѣ жертвеннаго; между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, около девянаго часа по утру, посланы передъ лѣспницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на-
ко-

которыхъ сѣли при спарухи , каждая изъ нихъ имѣла пучекъ поненкихъ ремённыхъ гайтановъ , раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и поншичемъ ; въ прислужникахъ у нихъ былъ спарикъ , которой обравъ гайтаны , и обжегши на огнѣ , обратно имъ опдалъ . Спарухи вставъ съ мѣстъ своихъ , ходили одна за другой по юртѣ , и окуривали вездѣ обожженными оными гайтанами ; а Камчадалы , жены ихъ и дѣти во время прохожденія спарухъ хватались за гайтаны , какъ за нѣкоторую вещь освященную и трясли ихъ . Окуря всѣхъ , сѣли спарухи по своимъ мѣстамъ , и одна взявъ у прочихъ гайтаны , вторично пошла по юртѣ , прикладывая ихъ ко всѣмъ сполбамъ и подпорамъ въ юртѣ ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали , а всѣ спарухи , у которыхъ пучки съ гайтанами были , плясали и бѣсались по прежнему ; пожъ учинила , обшелъ юрту и прешія , а наконецъ всѣ попадали замертво .

Прислужникъ взявъ гайтаны у лежащей спарухи , приложилъ ихъ къ лѣстницѣ , и по тѣхъ поръ держалъ , пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись ; напоследокъ роздалъ ихъ по угламъ , гдѣ бабы разобрали гайтаны , каждая по числу семьи своей , и надѣвали ихъ на каждого человека , окуривъ прежде мужа , себя и дѣтей своихъ .

Спустя съ полчаса, Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣстницы, привязали по мальчику: послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда приѣзжаетъ отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣщено имъ: зимою. Старики положи передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, который сладкою правою обвиты были, онѣ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла шапхадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ сдѣланной изъ сладкой травы волкъ, и набишой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими свѣспными ихъ припасами. За бабою шелъ Тоѳонъ того острожка съ напянутымъ лукомъ, у которыхъ голова и руки обвязаны были поншичемъ, сверхъ того у Тоѳона на поясу, на сайдакѣ и на спрѣлѣ навѣшенъ былъ поншичь же повѣсьмами. Какъ баба обошла подлѣ спѣны въ кругъ юрты, съ послѣдовавшими ея всѣми жителями того острожка мужеска пола и женска, скачущими и кричащими, и дошла до лѣстницы, то нѣсколько человекъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ пазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣстницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы

бабы обступя лѣспницу, всякими образы домогались взойти на оную и достать волка; но спсѣяшіе на лѣспницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣспницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвестъ въ дѣйство; но упрудясь и обезсилевъ всѣ попадали, и замертво разнесены по мѣстамъ и опговариваны по прежнему. Послѣ того Тоюнъ, которой сбнятянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ одалъ, приступилъ къ лѣспницѣ, и стрѣлялъ въ волка, а прочіе мужики спѣшили его на полъ, и разстерзавъ сѣли, удѣля нѣкоторое число медвѣжьѣ жира для подчиванія Ханшаевъ.

О семъ дѣйствіи такъ какъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ, однакожъ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чтобъ имъ прямыхъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ съ травяными поступали; а баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей: отходя на промыселъ, принужденъ онъ былъ дѣшей однихъ оставлять въ юртѣ,

и для безопасности, чѣмъ не ушиблись, привязывать къ сполбамъ. Въ необычность его приходили къ дѣтямъ его волки, и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ? которыми они ошвѣтсѣивали, зимою; дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промыслу возвратился, и увидавъ, что во время его ошлучки происходило, пошелъ промышлять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до киповаго дѣйствія, то травяной кипъ дѣлается во образъ носимаго волнами мериваго кипа, вороны изъ кишекъ во образъ воронѣвъ клюющихъ трупъ его, а малые ребята терзаютъ его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, старикъ обжигалъ тоншичь, котораго съ каждой семьи по повѣсьму огню на жершву собралъ, и окуривалъ онымъ юршу два раза. Обожженной тоншичь положилъ онъ весь на очагъ, выключая одно повѣсьмо, которое на пополокъ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскеръ послѣ того нанесли въ юршу березоваго прущья по числу семей, изъ котораго каждой Камчадалъ взялъ на свою семью по одному прущу, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которыя выступя изъ кольца вонъ, обертывались кругомъ. Сіе по-
чи-

чинается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрпы жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники изъ мужеска и женска пола. Въ юрты проходили сквозъ кольцо вторично, а потомъ оное въ снѣгъ вшыкали, приклоня на востокъ вершинами; Камчадалы сброся на томъ мѣстѣ весь шоншичъ, и отряси платье свое, возвратились въ юрту настоящимъ входомъ, а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія, случилась одна больная дѣвка, которую спарикъ посадя на снѣгъ, съ полчаса отговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напоследокъ отряси платье ея прупомъ, опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую шиичку, да гѣльца нарочно для того изготовленныхъ, и пожара на огонь, по часнямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню, бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабѣ вселяются. Они, сказывають Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только остроголовы, возрастомъ съ трехъ-лѣшняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и рассомачемъ платьѣ. Сказываютъ, что враги къ ба-

бабамъ въ ротъ входятъ до пятидесяти и больше.

Потомъ затопили юрту, и накаля каменья, начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербою Хантаевъ, обрѣшающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напоследокъ должно имъ было березу изъ юрты вынести, чего ради два человека взлезли по ней на юрту, (а по лѣстницѣ выходилъ грѣхъ), подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесши въ кругъ всей юрты, опнесли оную на балаганъ, гдѣ лежалъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не оказывается; такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ не малая опіѣна въ разсужденіи южныхъ. Юрта у нихъ была вымешена, надъ полками сдѣланы рядки, а на нихъ наложены поперешные колья съ обтесанными головками, которыя по ихъ называются Урилыдачь. Сверхъ Урилыдачей, около очага наложены были сухія дрова для праздничнаго употребленія; за дровами или и за кольемъ на Урилыдачахъ ѣздили Камчадалы съ церемоніями, такъ какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Немного спустя, всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли и разошлись по балаганамъ, и
нѣ.

нѣсколько помѣшкавъ, возвратились. Въ юр-
ту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣ-
вочки и бабы, а напередъ себя опускали
они сладкую шраву, въ которой у нѣко-
торыхъ привязанъ былъ Кипрей и Юкола;
оныя припасы принимали у нихъ нарочно
опредѣленные къ услуженію при праздни-
ваніи два Камчадала, которыхъ и называть
буду ниже сего служителями, и вѣшали на
Урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба
вшедъ въ юрту клала на очагъ по немно-
гу поншичу, а попомъ отходила на свое
мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту
одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками,
у бабы была въ рукахъ сладкая шрава, а у
дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ пон-
шичь, баба снявъ у дѣвочекъ съ головы
положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки
поншичь изъ рукъ на огнище бросили; по-
мянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ
была, но нянька, а мать ихъ одна входила
въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую
старуху, у которой и въ рукахъ и на го-
ловѣ, такъ какъ и у другихъ былъ пон-
шичь, которой она сброся на огнище, отпра-
салась, приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ попомъ вышли два мужика изъ
угловъ, сѣли по сторонамъ лѣспницы съ
топорами и съ деревянными чурками; слу-

жишели приносили къ нимъ со всякаго угла по пластинъ юколы, копорую они положи на чурки попорами надрубливали приговаривая, чтобъ юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала, надрубленную юколу разносили служители по тѣмъ же угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, ошломъ сперва по малому кусочку, и на огнище броса, послѣ того спали они ѣсть, подчивая другъ друга съ угла на уголъ, и первой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни, шѣмъ окончился.

На другой день по утру рано, отъ каждой семьи мужикъ или баба, поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для собиранія корму на праздникъ, ибо хоща у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей собирающъ, подобно какъ у нашихъ подв насѣдку яйца.

Въ острожекѣ возвратились они уже вечеромъ, и зашопя юршу, бабы начали стряпать, шолочь ягоды и коренья, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь; между шѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемѣнно курился; ибо по ихъ обычаю должно быть не угасимому огню по шѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почитается.

Изготовля кушанье, что учинилось часа за два до свѣшу, юршу скушали, и бабы начали вишь изъ правы веревки, головы рыбы обвертывать въ тоншичь, накладывая на шеи правяныя плешетки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая, пробавились до самаго свѣшу.

По окончаніи помянушаго дѣйствія, служители начали со всѣхъ собирать рыбы головы, обверченныя въ тоншичь, огню на жершву, и класть на очагъ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣстницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола, отъ мала и до велика приходили къ очагу и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи изогнувъ кольцомъ объявленныя травеныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали, сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почищается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ правою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки витъ, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе пожъ дѣлали, сіе значить у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишнихъ дочерей своихъ, положи на оной хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ

мышечковъ , копорые надъ постелей своей повѣсилъ.

Немного времени спустя служители со вѣхъ четырехъ угловъ юрты , крестъ на крестъ брали юколу , и подчивали Урилыдачей , а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы , и мазали ихъ иной толкушей , иной сараной , иной суниломъ , или что у кого приспособлено было , а послѣ спали другъ друга подчивать , переходя съ одной стороны юрты на другую , подчиваются они , кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался , то Камчадалы раздѣвшись до нага , взяли по хомягъ (посуда , съ чемъ по воду ходятъ) въ руки , а вмѣсто платья получа отъ служителей по шоншичьей перевязкѣ на шеи , которыя сняты съ Урилыдачей , вышли изъ юрты вонъ , и пошли на рѣку по воду , слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ ; у передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша , а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ , изъ которыхъ одному напередѣ , другому назади ипши надлежало , сажались на малое время подлѣ лѣстницы , а пришедъ па прорубь , передовщикъ околопая оную толкушкою черпалъ воду , сперва оборачивая хомягу противъ воды , потомъ по водѣ , а по немъ и всѣ пожъ дѣлали , и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнуть могъ ,

по

то и несѣ съ собою. Съ проруби шли онѣ тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту, спускались въ оную по веревкамъ съ великою оспорожностію; чѣмъ не расплеснуть, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ, нарочно для того оставленныхъ, потому чѣмъ служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была; между тѣмъ чѣтыре раза кричали они изо всей силы плеча руками и топая ногами, а вшедъ въ юрту, шопъ, которей ходилъ съ лучиною обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою, напрошивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ сгонъ бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пить вмѣстѣ освященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія кушаньемъ, пошли по своимъ балаганамъ, и тамъ остались, на послѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ выслали, а происходило тамъ слѣдующее: сперва старики приказали служителямъ затопить юрту; а когда она истопилась, то служители принесли по горсти сухой травы и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки успали чирелами, (правяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а на послѣдокъ всѣ старики начали вязать поншичъ, и

помѣнявшись другъ съ другомъ , повѣсили оной на спицы , служилеямъ отдали приказъ , чѣмъ въ юрты и изъ юрты никого не пускали , и юршеную дверь наглухо закрыли , а сами легли , и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ .

Нѣсколько времени спустя , приказали они одному служилею за дверь пощупать , а послѣ открыть и принести съ балагану рыбью щеку , да цѣлую рыбью голову , а самому ему на балаганъ ходить не велѣли .

Принесенную щеку и голову рыбью принявъ старикъ , и обернувшись въ тоншичъ , ничѣмъ пошепталъ на нихъ , и сѣлъ у очага , а къ нему приходили прочіе старики , и пощупавъ объявленную щеку и голову , перешедъ черезъ огнище , возвращались на свои мѣста , потомъ служилеи вышли изъ юрты вонъ , и шѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе .

По прошествіи двухъ часовъ , собрались въ юрту всѣ мужики , бабы и малыя ребята , которые того года или хворали или поноули . Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы тоншичемъ , и давъ имъ въ одну руку тоншичу , въ другую сладкой травы , выслали вонъ изъ юрты ; при выходѣ обносили они сладкую траву вокругъ лѣстницы , и взошедъ на юрту , обошли

шли оную вокругъ три раза по солнцу, а послѣ того стоя на верьху юрты, рвали намѣлко сладкую праву и тоншичь, и бросали въ юршу, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевязки на огнище клали, и попопавъ ногами тѣ, кошорые хворали, олходили по своимъ мѣспамъ, а кошорые понули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ понули, дѣлали и кликали поимянно, отъ кого тогда пребывали помощи, когорые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, аки бы изъ воды таскали.

Напоследокъ принесена рыба щека, и брошена на огнище съ приговоромъ шу, шу, шу, и изломаны на обѣихъ спуронахъ юрты по двѣ рыбки рогатки, и разбросаны по полу; между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, когорыми юрта усилана была, собрали и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши все перевязки, бывшія на головахъ у больныхъ и у унопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной камнемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ни чего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юршу, и положили передъ огнемъ два пуча сухой правы или соломы, и прутья вмѣстѣ связанные, и праздничные

служители спали одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками, начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мужчинамъ, изъ кошпрыхъ иные ихъ намѣлко ломали, а иные въ кольца вили съ нѣкѣимъ наговоромъ, соломѣ всю перенесли на одну сторону очага, и стали дѣлать Пома.

Сдѣлали его на подобіе человѣка, вышиною около полуаршина, а тайной удѣ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удѣ къ пополоку привязали. Между тѣмъ, какъ Пома дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вснѣ изъ юрты, и обперши столбы у своихъ балагановъ, возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ Помѣ нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удѣ кольцомъ сбжегъ на огнѣ, и махалъ имъ, по юртѣ приговаривая уфай, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ то же кричали, напоследокъ сожгли реченнаго Пома.

По сгорѣнтіи Пома, спали мѣсть юрту, пригребая весь соръ къ лѣспницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ по маленьку, и относилъ въ лѣсъ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятъ; въ то же время

и бабы всѣ на юрпу вышли, и стали въ кучу.

Камчадалы возвратясь изъ лѣсу, кричали, сипоя на юрпѣ, чешыре раза, плеща руками и шопая ногами, а послѣ вошли въ юрпу, а на нихъ мѣсна сѣли бабы, и многократно кричали Алулулу.

Между тѣмъ юрта истопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали вымешивать, но сидѣвшія на верху бабы, ухватя оныя, обратно въ юрпу метали, и чинящъ мущинамъ ни одной головни вонъ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами; мушины взбѣжавъ по лѣстницѣ, силою двери раскрыли, и вышедъ на юрпу бабъ долей сгоняли, между тѣмъ другіе головни мешать успѣвали; но понеже бабы мужчинъ числомъ превосходили, то иныя ихъ таскали, иныя головни обратно въ юрпу бросали, чего ради въ юрпѣ отъ дыму и искръ сидѣть почти не возможно: ибо головни какъ ракеты, то вверху, то въ низъ безпрестанно летали; и продолжалось сѣ веселіе ихъ съ полчаса. На послѣдокъ бабы попустили головни выбросать, а тѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ отбивать, по тѣхъ поръ таскали и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помощь не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи, бабы по-
пѣвъ нѣсколько на верьху, спали спускась
въ юрпу, а мужики спояли по обѣ спо-
роны лѣстницы фрунтомъ, и каждая спо-
рона домогалась сходящихъ бабъ перета-
щить на свою спорону, отъ чего происхо-
дило между ими сраженіе, и которая спо-
рона перемогала, та бабу, какъ въ полонѣ
отводила.

Когда случается, что бабы взяты бы-
вають на пропивныя спороны, то каждая
спорона выкупаеиъ своихъ пленниковъ, ра-
внымъ числомъ завоеванныхъ, а ежели одна
спорона овладѣеиъ большимъ числомъ, такъ
что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то
она ходиъ, какъ бы войною для ихъ
освобожденія, при чемъ не малой бой про-
исходиъ.

По окончаніи объявленной потѣхи рас-
клали они не большей огонь, и сожгли съ
Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣв-
шей шоншичь, а служители принесли по
два маленькихъ голичка и испекши мѣлко
на лошкѣ искрошили и поставили у лѣст-
ницы по правую спорону, послѣ того при-
шелъ старикъ и перебросалъ въ огонь боль-
шую половину рыбы приговаривая та, то
есть возьми; а остатки раздѣлили служи-
тели по Камчадаламъ имѣющимъ у себя
маленькихъ болванчиковъ Урилыдачь назы-
вае-

ваемыхъ ; головни послѣ сего огня вонѣ не мечутся , но перегараютъ въ юршѣ .

Наконецъ дѣлили они по себѣ омеги , которой осипался въ мешечкахъ , послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ ; самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходишь въ лѣсѣ , и поймать маленькую пипицу , которая жарится и дѣлится по куску всеѣмъ Камчадаламъ , и которую каждой надкушавъ , въ огонь бросаетъ .

Сей праздникъ праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу , начиная съ новолунія .

Грѣхъ. Камчадалы почитаютъ за грѣхъ драхъ или ссориться надъ кислую рыбою , опасаясь совершенной гибели . Грѣхъ совокупляться съ женою , когда съ собакъ сдираютъ кожи , опасаясь чесотки . Грѣхъ скабливать снѣгъ нежемъ съ обуви , въря что отъ того приключится буря ; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ , опасаясь несчастія въ ловлѣ и чирьевъ ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ опасаясь погодъ и бури . Главный грѣхъ у нихъ скука и безпокойство , котораго убѣгаютъ всеѣми мѣрами не щадя иногда и своей жизни . Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть нежели не жить , какъ имъ угодно , отъ чего частыя самоубійства происходятъ .

Гунзытъ , такъ называется шапка Калмыцкаго Лама , оная бываетъ высока и убрана камнями, кою онъ во время служенія употребляетъ. *смотри. Вѣра.*

Гусь красный, Калмыки думаютъ, что въ сей птицѣ живетъ злый духъ , и когда по случаю увидятъ краснаго гуся, то кланутъ его чрезмѣрно , и лице свое отвращаютъ , такъ какъ отъ нечистой птицы.

Дажбогъ , Дашуба или Дажба , Славенскій Кіевскій богъ, почитали его богомъ подателемъ благъ, и также еще богомъ богатства , имѣлъ храмъ въ Кіевѣ.

Далай - Лама , Первосвященникъ Калмыцкой , и многихъ другихъ народовъ. они вѣрятъ и утверждаютъ , что душа его по разрушеніи тѣла преселяется въ тѣло другаго человека , который около того времени рождается. И такъ въ сей новой твари прежній Далай-Лама опять является.

Двойни. Въ Россіи у простолюдиновъ рождающіеся двойни предзнаменуютъ дому щастіе ; а у Камчадаловъ почиталось то за превеликое нещастіе, и одному изъ рожденных неопмѣнно должно было по явленіи на свѣтъ вкусить смерть , такъ какъ и рожденному въ худую погоду, однако сего иногда примиряютъ съ бѣсами. *См: Шаманы.*

Деньги мѣдныя , видѣнныя во снѣ мѣдныя деньги значатъ слезы.

Про-

Простолюдины щербатые деньги, то есть съ поперченными краями кладушѣ въ кошелки нарочно и ни вочто ихъ не прятѣ въря, что отъ оныхъ умножаются ихъ доходы.

Чуваша при жертвахъ клádывали въ керемешяхъ въ выдолбленные нарочно для того столбы деньги, которые хозяева семей, или старшины волоспей вынимали изъ тѣхъ столбовъ во опредѣленное время и упошребляли ихъ либо на пиры, либо на общіе какіе потребности.

Джа-Адугаръ. смотр. Адугаръ-Джа.

Дидилія, подѣ симъ именемъ почиталась у нѣкоторыхъ Славянъ богиня родовъ или родинъ, которую и молили о плодородіи дѣтей.

Дидъ или *Дидо*, богъ Кіевскій, почитаемъ былъ богомъ отвращенія любовной страсти, такъ какъ братъ его Лелью возбужденіемъ оной.

Догода, Славянскій зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

Дождь, ежели кто выѣхалъ въ дорогу, а въ то время пойдетъ дождь, то значитъ сіе благополучную дорогу, да и во всякомъ предпріятіи шестивѣ дождя почитаютъ за щастіе.

Доки, такъ называются въ деревняхъ тѣ люди, которые всякое чародѣйство или порчу

порчу отговоришь, то есть отврапитъ
могущъ, а сами чародѣйства производишь
не въ силахъ.

Домовой, или дѣдушко домовой, вѣ-
рятъ, что во всякомъ домѣ живетъ чортъ,
подъ именемъ домового, онъ ходитъ въ
домъ по ночамъ во образъ человека и когда
полюбитъ копорую скотину, то оную
всячески откармливаетъ, а буде не полю-
битъ, то скотина совсѣмъ похудѣетъ и
переведется, что называется *не ко двору*.
Говорятъ, что онъ тѣмъ лошадямъ, копо-
рыхъ любитъ, заплетаетъ на гривѣ косы
и подкладываетъ сѣно, завиваетъ также
и мужикамъ въ бородахъ косы, коихъ лю-
битъ; но коихъ не любитъ лошадей, у
тѣхъ расплетаетъ, и почти всю гриву вы-
дергиваетъ, также будто подбиваетъ лоша-
дей подъ ясли, отъ чего лошадь поднима-
етъ въ конюшнѣ великой сѣпукъ, иногда же
находятъ ея въ великомъ поту, или мылѣ.
Когда домовой покажется ночью безъ огня
спящимъ людямъ, что дѣлаетъ особливо
во образъ монаха, то смѣлчаки спрашива-
ютъ къ добру или худу, и онъ опивѣп-
ствуетъ, что будто и сбывается. Ежели
кого въ домѣ не полюбитъ, то дѣлаетъ
ему всякіе страхи и бизпокойства, броса-
етъ въ него всячиною однако не попада-
етъ, хлопаетъ дверьми, наваливается на
спящихъ, такъ что ни коимъ членомъ дви-
гнуться

гнущся не возможно, хотя память и есть, наконецъ щиплетъ до синя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ; когдажъ хозяину умереть, то домовой по всякую ночь воеетъ. Вотъяки называютъ домового Албаешъ и Коболшъ, живетъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ ихъ шалишъ, въ разсужденіи чего и сжигаютъ они ветхія свои избы и другія строенія.

Доржа-Зодьба, Еркетию и Дойшинъ-Бурхани, духовныя Калмыцкія книги высоко ими почитаемыя, между копорыми однакожъ Доржа-Зодьба великое преимущество имѣетъ. см. Вѣра.

Дорога, въ пснѣдѣльникъ выѣзжать въ дорогу не должно, увѣряющъ, что оная благополучна быть не можетъ, также добра не предвѣщаетъ, когда перебѣжишъ черезъ дорогу заяцъ, или другое животное. Когда кого провожаешь, и хочешь, чтобъ оляшъ скорѣе имѣть съ нимъ свиданіе, то при послѣднемъ прощаніи, и возвратившись домой, должно скорѣе назадъ оглянуться.

Дустехтичь, симъ именемъ Камчадалы называютъ вообще бога, которое имя оптѣнно и почитаютъ, такъ какъ Аѳинянъ невѣдомаго бога. смотр: Вѣра.

Діаволъ смотр. Чортъ.

Дьявольское навожденіе, подъ симъ именемъ разумѣютъ просполодины, шѣхъ дія-

дѣяволѣвъ, которые будто бы въ младенствѣ украдены были у людей и воспитаны нечистыми духами, коихъ колдуны сажаютъ въ домъ вмѣсто кикимрѣ.

Дѣдушка водяной. Сѣи опмѣнные черти живушъ въ водѣ, а особливо мутной, то естъ лиманахъ или ильменяхъ, рукавахъ, заливахъ, озерахъ, болохахъ и генерально подлѣ мельницъ. *См. водяной дѣдушко.*

Дѣти, Камчадалы вѣряшъ, что Билюкаи ихъ громовый богъ черезъ слугъ своихъ въ бываемые вихри уноситъ ихъ дѣшей и употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плоски съ жиромъ вмѣсто свѣчъ горятъ. *смотри: Вѣра.*

Дѣтинецъ, такъ назывался Новгородъ по раззореніи первой разъ Славенска. Имя сѣе получилъ онъ, какъ повѣстствуетъ о томъ нѣкоторый Новгородскій лѣтописецъ, описаннаго приключенія: когда сей полъ славный въ древности городъ намѣрялись Славянѣ по раззореніи первоначальнаго Славенска заложить, тогда ихъ народоначальники собравшись думали на чемъ оный основать, и какое дать ему названіе. Въ то время нѣкто изъ старѣйшихъ предложилъ собранію, чѣтобъ на упрѣтъ при восходѣ солнечномъ выславъ на путь нарочно избранныхъ, и кто имъ перьвой встрѣчу попадется, тотъ будетъ служить и основаніемъ и именемъ городу. Совѣтъ сей собраніе

браніе подтвердило и опредѣлило по оному исполнить. И такъ принести жертву и обѣты богамъ, отправили совершителей сего намѣренія. Оныя возвратясь на другой день къ собранному градоначальству, представили предъ него мальчика, котораго они первѣе всего вспрѣтили. Народноначальники по древнему своему языческому обыкновенію, приказали его положить на чаломъ основанія городского, а городъ наменовали отъ него Дѣшинцемъ; ибо въ старину дѣшина назывался дѣшинцемъ, которое имя и нынѣ по нѣкошорымъ мѣстамъ употребляютъ.

Дятель, птица. Вотъяки обожаютъ сію птицу въ такомъ разумѣ, чтобъ онъ не вредилъ ихъ лѣсовъ, и для сего поймавъ онаго, дѣлаютъ въ лѣсу клешку, гдѣ нѣсколько времени его питаютъ, а потомъ сдѣлавъ ему публичное моленіе, отпускаютъ на волю; а чтобъ не вредилъ онъ боршевыхъ ихъ деревьевъ, то приносятъ ему въ жертву дикую утку. Ежелижъ черный дятель, перелетивъ черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, также естли увидитъ и то, что ѣжъ бѣгаетъ, то все сіе предзнаменуетъ смерть или тяжкую болѣзнь.

Еретикъ, такъ называютъ отпадшаго отъ вѣры человѣка, который не шокмо

что не исправляется, но и хулу на вѣру всегда произноситъ.

Ерихъ, Чувашане почитаютъ сего Ериха, или Ириха святымъ, и оный есть не что иное, какъ только пукъ отборныхъ лозъ ракишоваго куста, которыхъ берутъ пятнадцать равной величины около четырехъ футовъ длиною, по срединѣ связываютъ мачаломъ и на сей перевязкѣ вѣшаютъ кусочикъ олова. Каждый домъ имѣетъ у себя такого Ериха, и обыкновенно ставятъ оный въ переднемъ углу въ чистомъ боковомъ покоѣ, какихъ при всякомъ жилищѣ довольно настроено. Никто не смѣетъ ко оному прикоснуться; а какъ уже осенью весь листъ опадаетъ, то срываютъ тоlikое же число свѣжихъ лозъ на мѣсто онаго пука, и стараго Ериха съ благочиніемъ бросаютъ въ текущую воду.

Ехо, когда кто кричитъ въ лѣсу или на берегу рѣки, то ехо обыкновенно слова его повторяетъ, о семъ утверждаютъ, что это отъзывается лѣшій, имѣя намереніе заманивъ къ себѣ въ жилище кричащаго человека, также и того, которой будетъ играть на какомънибудь инструмѣнтѣ.

Желѣзница, или бѣшеная рыба, водится въ великомъ множествѣ въ Волгѣ;
ры-

рыболовы и прочіе простолюдины увѣря-
ють, что ежели кпо оную рыбу употре-
бишь въ пищу то неопмѣнно сойдешь съ
ума, для чего попадающуюся ее въ невода
многимъ количествѣмъ бросаютъ опять въ
воду, или отдають за ничю Мордвѣ и
Чувашамъ, которые употребляя ее въ пи-
щу съ ума не сходятъ.

Жертвы, есть еще въ Россійской Им-
періи такія области, гдѣ идолопоклон-
ство не совсѣмъ истреблено: на примѣръ,
Россійскій Лопарь приготовляясь къ тако-
му обряду очищается, и привязываетъ крѣп-
ко всѣхъ собакъ, чтобъ копорая нибудь не
перебѣжала черезъ его дорогу, и потомъ
взявъ съ собою кости, или рога требуе-
маго богами въ жертву звѣря, пускается
въ путь къ святому мѣсту, не говоря о
томъ ни кому, а увидѣвъ оное, кидается
опрометью на земь и ползетъ къ своей
святыни. Потомъ возлагаетъ приношеніе
свое на жертвенникъ, молился приложе-
ние свое къ землѣ, и вставъ возвращает-
ся въ свое жилище. Большая половина
жертвъ остается просто на мѣстѣ, а
отъ того превеликія скопляются груды
костей и роговъ, но нѣкоторые и зарыва-
ють оныя, потому можетъ быть, что
дарятъ подземнымъ божествамъ. Мяса
не приносятъ они ни когда въ жертву,

М 2 бу-

будучи крѣпко увѣрены, что боги не преминутъ покрыть онымъ кости. Ежели собака примется глотать жертвенную кость, то должно ее убить, и сырѣзавъ изъ нее ту же самую кость, которую она изгрызла, положишь вмѣсто оной на жертвенное мѣсто. Иногда выпускають они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку, или проливають молоко, либо вино на земь въ жертву для умилоствленія къ себѣ земныхъ и водяныхъ б. говъ, см: *вѣра*.

Жуки, проспаки ловятъ вѣсною жуковъ и примѣчаютъ, ежели у него на переднихъ ногахъ болѣе зародышей, то должно въ то лѣто сѣять ранѣе. и тогдѣ сѣвъ будетъ лучше, ежели на среднихъ, то должно сѣять въ среднюю пору, ежели же на заднихъ, то позній сѣвъ всѣхъ будетъ прибыточнѣе.

Заговѣнье, суевѣрныя женщины въ заговѣнье не шьютъ, и вѣрятъ, что отъ того непременно сдѣлается заусеница или нохтоѣда неизлѣчимая.

Замки, суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогомъ замки, въ то время, какъ жениха съ невѣстой ведутъ изъ церкви, и когда они перешагнутъ чрезъ незапертой замокъ, то тогдѣ часъ его поднимають и замыкають, и ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чпобѣ жили мужъ съ женою согласно.

Заслать младенца, безпечныя, а отъ того крѣпко спящія, или пьяныя женщины часто сонныя придавляють младенцовъ, клавъ съ собою на постелю, что и называется заспала. Кромѣ непростительнаго сего согрѣшенія вѣрятъ, что душа онаго младенца не наслѣдитъ уже царствія небснаго; а сіе смѣшное произвело еще невѣроятнѣйшее суевѣріе. Разсуждають простаки, что такой женщины должно сподать въ церквѣ одной три ночи, очершившись кругомъ мѣломъ, которое очерченіе долженъ учинить священникъ. Въ первую ночь будутъ ходить мимо ее бѣсы, и нося ее младенца ей показывать. Во вторую ночь нося мимо ее будутъ его давить, бить и щипать, и говорить ей, что бы она вышла только изъ круга, то и опадутъ они ей младенца; а какъ скоро она изъ него выступитъ, то и будетъ добычею дьяволовъ. Въ третью ночь мучатъ его несказанно, увѣщая ее, чтобъ вышла она изъ круга, а когда не выйдетъ, то измучатъ его до смерти. По вспѣши же пѣтуховъ они исчезають и оставляють матери младенца мертвого, котораго она показываетъ послѣ всѣмъ и учиняетъ ему должное погребеніе.

Замѣніе, всякое замѣніе лунное и солнечное, по увѣренію грубыхъ невѣждъ значить неопмѣнно общественное несчастіе,

по естѣ или морѣ, или войну, наводненіи, пожары и прочая, и даже до нынѣ никто увѣрить не можетъ; сей сожалительный человѣческій родъ, что по неотмѣнныя дѣйствіи натуры, и порядочныхъ расположеній оной правила, ибо сіе предано имъ отъ древнихъ писателей, какъ на примѣръ: Тоя же зимы (1202 года) быша знаменія многа на небеси, въ пять часовъ нощи потече небо все, и бысть червлено коя кровь, и бѣ видѣти снѣгъ на земли и на хоромѣхъ, яко кровь проліянна, и мнози видѣша печеніе звѣздное на небеси, и оппоргахуся звѣзды отъ небеси на землю, и сія видѣша человѣцы ужасошася зѣло, мняше яко конецъ міру грядетъ, понеже убо знаменія на небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или инемъ чемъ бывають не на добро, но проявляютъ, или гладъ, или смерть, или ратныхъ нашествіе, или междуусобныя брани и рати. А Вотъяки ежели примѣтятъ солнечное или лунное зашмѣніе, то говорятъ, что оборотень прикоснулся къ солнцу или лунѣ.

Звѣзды и Планеты, многіе находящіеся въ Россіи идолопоклонническіе народы вѣрятъ что звѣзды, а особливо планеты восхожденіемъ своимъ и захожденіемъ, или различными между собою положеніями имѣютъ силу и дѣйствіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. А начало сего суевѣрія произошло отъ халдѣевъ.

Звѣро-

Звѣроловительства. Вогуличъ собираясь на звѣриной промыслѣ, беретъ съ собою какую нибудь вещь для щасія, напри-
мѣръ: изъ чурки выдѣланную колодицу съ
пришибеннымъ сободемъ, или въ кабканѣ
пойманнаго звѣря, и сему подобныя другія.
Оную вещь сиюль долго хранишь и почи-
таешь, пока бываетъ удача въ промыслѣ, въ
прошивномъ случаѣ бросаетъ съ презрѣнї-
емъ, ломаетъ и ругаешь ею такъ, какъ
вредной, придавая ей прозваніе шайпана, то
есть чорпа. Сіе значитъ, что суевѣры
почитають ту вещь за свято, отъ копо-
рой надѣются себѣ, какой нибудь при-
были.

Земля, всѣ простолюдины вѣрятъ, что
земная швердь основана начешырехъ преве-
ликихъ кипахъ, которые держатъ на себѣ
сію грамаду, и одинъ уже изъ сихъ кировъ
умеръ, отъ чего и послѣдовали великія на
землѣ перемѣны; а какъ всѣ оныя перем-
рутъ, то тогда послѣдуетъ преставленіе
свѣта.

Зеркало, начало сей вещи суевѣры
производятъ отъ слѣдующей причины;
нѣкоторый монахъ спасаясь въ пустынь,
и читавъ въ священномъ писаніи сіи слова:
просите и дадеся вамъ, усумнился, и же-
лая удостовѣриться, что все ли получить
можетъ, чего захочетъ, пошелъ просить
къ нѣкоторому царю дочери его себѣ въ

невѣсту. Царь почудясь сему требованію сказалъ о томъ своей дочери, которая столь же удивившись, отвѣтствовала отцу своему, какъ сіе дѣло чрезвычайное, то должно, чтобъ монахъ, ежели хочешь получишь меня въ невѣсту, сдѣлалъ также чрезвычайное, то есть, принесъ бы мнѣ въ подарокъ такую вещь, въ которую бы я всю себя видѣть могла, а сіе происходило еще тогда, когда зеркало выдуманно не было. Монахъ сіе услышавъ, пошелъ искать такой вещи. Ходя по лѣсамъ долгое время, вошелъ онъ въ нѣкоторую пустыньку, которая тогда ни къмѣ не была обитаема, посидя нѣсколько время, услышалъ онъ тяжкій стонъ, а на вопросъ его отвѣтствовано ему: почтенный монахъ, сжался на мое спраданіе; ибо уже нѣсколько лѣтъ заключенъ я въ сѣмъ рукомойникѣ обитающимъ здѣсь монахомъ, выпусти меня изъ сей шемницы, и я тебѣ могу услужить, всемъ тѣмъ чего ты пожелаешь. Монахъ имѣя къ тому случай, предложилъ ему о той вещи, которую дьяволъ доставить ему и обѣщалъ, онъ снялъ съ рукомойника крестъ и его выпустилъ. Дьяволъ въ скоромъ времени принесъ къ нему зеркало, которое монахъ взявъ въ руки, чрезвычайно удивился, и отнесъ оное къ царю, однако отъ брачнаго супружества отказавшись, пошелъ умолять о своемъ согрѣшеніи, въ томъ,

что

что онъ возвѣмѣлъ сомнѣнїе противу священнаго писанїя. И какъ сїя вещь доставлена монаху дьяволомъ, то для того раскольники въ зеркало никогда не глядяшя, и во всѣхъ ихъ домахъ ни единого не опишешъ, кромѣ какъ у свѣтскихъ раскольниковъ, ибо между сними есѣ и таковое раздѣленїе.

Зимцерла, богиня владычествующая надъ началомъ дня, то есѣ заря.

Змѣи, сїи пресмыкающїяся почитались унѣкопорохъ Славянъ домашними богами, имъ приносили въ жертву молоко, сыръ, яицы, и все то, что на столъ поставлялося. Запрещено было всѣмъ дѣлать симъ животнымъ вредъ а въ противномъ случаѣ жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступниковъ сего закона. Увѣряющъ, что сїи гады входятъ къ человѣку во внутренность. Ежели спящему на полѣ, когда грѣзилось, что онъ пилъ весьма студеною воду, есѣли ему тошнитъ по упрямъ, ежели мерещится, что у него въ животѣ ворочается или раздувается животъ, то никто уже не смѣетъ сумнѣваться, что у него въ желудкѣ обитаетъ змѣя. Такова поятъ парнымъ и наговореннымъ коровьимъ молокомъ, смѣшаннымъ съ коноплянымъ масломъ столько, сколько желудокъ его вмѣститъ можетъ, потомъ привязываютъ его за ноги въ жарко натопленной

банѣ къ потолку, и держатѣ до тѣхъ порѣ, пока не вырветѣ изъ него, какъ говорятъ черенки, съ которою рвотою, по увѣренію ихъ, и змѣя выходитѣ.

Змѣи огненные, къ нѣкоторымъ женамъ и дѣвцамъ лешаютѣ ночью огненные змѣи, то есѣ воздушные дѣволы, и имѣютѣ съ ними плѣшское совокупленіе, отъ чего тѣ женщины весьма худѣютѣ. Проѣзжающіе въ зимнее время ночью поля, видятѣ падающія съ неба звѣзды, кои также почитаютѣ за оныхъ же дѣволовъ, и крестятся произносятъ сѣи слова: аминь, аминь разсылся.

Знаменіе см. заплѣніе.

Зничъ, священный неугасаемый огонь: помногимъ Славенскимъ городамъ имѣлъ храмы, жертвовали ему частію изъ полученныхъ отъ непріятелей корыстей, и плѣнными Христіанами; въ тяжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прибѣжище Корыстолюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая отъ имени болящимъ, о которыхъ увѣряли, что будто получили ихъ чрезъ вдохновеніе сего божества.

Золотая баба, богиня нѣкоторыхъ Славянъ: храмъ ее стоялъ при рѣкѣ Обигѣ, въ рукахъ держала она младенца, коего называли ее внукою, подлѣ ее испукана лежало мно-

множество музыкальныхъ орудїевъ, отъ которыхъ повсеминутно происходилъ шумъ во храмъ. Она почиталась пророчицею и давала отвѣпы. Никшо не осмѣливался пройши мимо ее безъ принесенія какой нибудь жертвы; а ежели ничего не имѣлъ, то вырывалъ изъ платья своего волосъ, подносилъ ей оной, кланяся въ землю, и шѣмъ ее чпился умилоспивить.

Зубы, когда у дѣшей падающъ зубы, то велятъ ребенку спать къ запечкѣ задомъ, и бросить зубъ за печь, приговоря сѣе: *мышка, мышка, на тебѣ реляной зубъ, а ты дай мнѣ костяной, вѣря, что отъ того зубы скорѣе и безъ боли ростутъ.*

Зѣвана или Зѣзонія, богиня Славенская, оная почиталась богинею роцъ и лѣсовъ, и ей молились о щастливыхъ звѣроловительствахъ.

Игра бѣсова, когда какая Башкирка не за долго до разрѣшенія отъ бремени впадаетъ въ болѣзнь, а особливо когда будеть чувствовать опмѣнное въ животѣ давленіе, или судорожные порывы, то Башкирцы безъ всякого сомнѣнія приписуютъ сѣе прикосновенію нечистаго духа; въ такомъ случаѣ призывуютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ-Курязя (Чертовидца), который съ великими обрядами дѣлаеть съ чертомъ сраженіе и его прогоняеть, и сѣе то называютъ они игра бѣса.

Идолъ,

Идолъ, сдѣланный руками человѣческими болванъ, которыхъ древнѣе идолопоклонники, почитали за боговъ подъ разными именами и видами. Кромѣ видовъ человѣческихъ были идолами, и нынѣ язычниками почитаемые, деревья, звѣри, пшицы и прочая, на примѣръ: Вогуличи покланяющіяся подобной видомъ оленю скалѣ; Вотьяки почитаютъ своимъ идоломъ вѣтви пихтоваго дерева, а другихъ идоловъ носятъ въ своихъ сапогахъ ходя на звѣриной промыслъ; Камчадалы чшутъ жерди съ обвоспренными головками; Остяки признаютъ за боговъ куклы. Курильцы щепки или спружки. Въ семидесяти верстахъ отъ Обдорска, въ лѣсу стоятъ и нынѣ такіе идолы: одинъ представляетъ мужское, а другой женское лице, одѣтые сушномъ и мягкою рухлядью, обвѣшены жестяными изображеніями звѣрей, людей, пшицъ, лодокъ, рыбъ и прочаго; кругомъ ихъ лежатъ коплы, чашки и другая домашняя утварь, а на деревьяхъ около ихъ шалашей висятъ содранныя шкуры со звѣрей, принесенныхъ имъ въ жертву; да и по другимъ мѣстамъ населеннымъ язычниками, таковыя же естъ идолы. см: вѣра. Домашнихъ же свѣихъ нѣкоторыхъ идоловъ помазываютъ они жиромъ и кровью въ знакъ даваемой имъ пищи. Язычники идоловъ чшутъ много, но не получая отъ нихъ по-

помощи, поступають тому и противно. Напримѣръ Остѣи, когда примѣняють, чиню нѣтъ хворому отъ идола помощи, котораго они просили, то ругаютъ его бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колотятъ.

Измѣненъ, Черемискій Богъ, почишаютъ они его Хранишелемъ домовъ ихъ, покоя и благополучія, такъ какъ Куклеша, Одешера и Пуваша.

Изнанка, ежели кого въ лѣсу обойдетъ лѣшій, какъ то думаютъ о томъ невѣжи, и отъ того дорогу человѣкъ поперяетъ, то должно все имѣвшееся на себѣ плашье скинуть и надѣть на изнанку, то отъ того сила обойденія лѣшаго пропадаетъ, и человѣкъ паки дорогу отыскиваетъ.

Изурочить, кто вдругъ кому подивится, или скажетъ онъ слава Богу здоровенькъ, и тотъ похудѣетъ или занеможетъ, про такого говорятъ, что онъ изурочилъ, и у него слово худо; а ежели только поглядитъ и человѣкъ отъ того или скопина захвораетъ, то говорятъ, глазъ у него благовъ, дуренъ, или изурочливъ.

Изюмъ, раскольническая шайка называемые подрешетники, употребляютъ изюмъ вмѣсто причащенія святыхъ таинъ, напоая оной нѣкою оправою, и тако вкусившіе отъ ихъ ягодъ желаютъ себѣ смерти, и хостятъ, или сожещися, или удави-

удавишися, или въ водѣ утопиться, и мно-
гіе во испущеніи ума своего сами себя по-
губили.

Икасть, ежели кто икаетъ легко, то
вѣряшъ, что его въ то время кто нибудь
поминаетъ, а когда икаетъ тяжело, то
его бранятъ.

Ильинъ день, то есть день святаго
пророка Иліи: Пермьки собираются въ сей
день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну,
и приводятъ съ собою быка или теленка,
котораго закалываютъ и обществомъ упо-
требляютъ въ снѣдь. И такъ пророкъ
Илія умоляемъ бываетъ опъ нихъ прино-
шеніемъ быка; а Прокопій закланіемъ бара-
на. Въ сей день ни гдѣ не выгоняютъ
спада, вѣря и другихъ увѣряя, что въ сіе
время всѣ свирепыя звѣри и ядовитыя га-
дины оставая свои норы, ходятъ по лѣ-
самъ свободно.

Илькхумъ, начальнѣйшая Богиня Кам-
чадалская. Смотри: Вѣра.

Ильмеръ, первенствующій Вопяцкій
богъ. см: вѣра.

Имя, нѣкоторые суевѣры при кре-
щеніи дѣтей даютъ имъ другія имена, а
первое прилѣжно таятъ, вѣря яко бы не
вѣдая перваго, или подлиннаго имени, колдунъ
имъ не можетъ ничего учинить, то есть,
не можетъ сдѣлать ихъ оборотнями и
прочимъ. При рожденіи посылаютъ на
улицу,

улицу, и кто первой на встрѣчѣ попадется, то дають младенцу его имя, и призывають иногда и въ кумовья его, мя, что ошъ шого младенецъ будетъ долголѣтенъ. Корякамъ дають имя старыя бабы, спавшъ двѣ палолки, и перевязываютъ ниткою на срединѣ, вѣшаютъ на никтѣжъ камень обшитый въ кожу каменного барана; а при томъ невѣдомо что шепчуть; и спрашиваютъ у камня, какъ назвать младенца, напоминая имена его сродниковъ, и на ксторомъ имени покачаешся камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имянины, когда празднуютъ день чьего нибудь тезоименитства, то въ началѣ самомъ обѣда, берутъ съ стола большой нарочно для шого пирога сдѣланной съ кашею, и разламываютъ оной надъ головою имянинника, что знаменуетъ цѣлый будущій годъ жить ему въ благоденствіи, и чѣмъ болѣе разсыпается по немъ каша, тѣмъ жить ему доспачиѣе. Иненадобно также неопмѣнно, чтобъ во время праздника онаго былобъ что нибудь разбито, сѣе также знакъ благополучія; а когда того не случится, то бьютъ нарочно рюмку или стаканъ. Здесь и въ Москвѣ посылають къ имяниннику подарки; а въ другихъ городахъ имянинникъ заказываетъ маркишаншу, или булочнику печь стигни, и посылаетъ по одному ко всякому изъ своихъ родственниковъ.

Ин-

Ингуль или Иннаху, такъ называютъ Курильцы Щепки или Стружки. кои они за боговъ почитаютъ. *Смотр: Вѣра.*

Иргибашъ-Юма. Божество Черемисъ обитающихъ въ Башкиріи, см: *вѣра.*

Ирзямъ, Чуваша такъ называютъ мѣсто своего богомолія, такъ какъ Черемисы и Мордва Киреметь.

Ирлинъ ханъ, Калмыцкій Адскій судья престолъ его поставляютъ они между небомъ и землею на срединѣ, и оный всякаго умершаго судить долженъ. *Смотр: Вѣра.*

Исторія, нѣкоторыя исторіи, и лѣтописи наши наполнены многими суевѣрными повѣствованіями, которыя и до нынѣ служатъ великимъ развратомъ непросвѣщеннымъ Россіянамъ: я удовольюсь выписать нѣкоторыя изъ лѣтописца названнаго Никоновскимъ; гдѣ грубость невѣжества прошедшихъ вѣковъ довольно опроверженна, а оный напечатанъ безъ всякой вычистки, не смотря на то, что о случаяхъ наносящихъ соблазнъ, никтобъ сожалѣть не сталъ, ежели бы они въ печатаніи и пропущены были, понеже для просвѣщеннаго человѣка служатъ они вздоромъ, для простолюдина соблазномъ; а для исторіи излишествомъ, напримѣръ:

Того же лѣта 6632, воспаша волсви живіи въ Суздаль, избиваху старую чадъ бабы,

бабы, по дьяволу поученію и бѣсованію, яко сїи держашѣ гобино и жиѣю, и голодѣ пушчающе и бѣ мяшежѣ великѣ, и гладѣ по всей странѣ шой, яко же мужу своя жена даючи да ю, кормяшѣ себя челядиномѣ.

Въ сїяжѣ времена прїиде волхвѣ прельщенѣ бѣсомѣ, и пришедѣ къ Кіеву глаголаша сице: повѣдая людемѣ, яко на пятое лѣто Днепру щещи на вспяшѣ, а землямѣ прїиши на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Руской, а Руской на Греческой и прочимѣ землямѣ измѣнитися, его же не вѣгласи послушаху, вѣрнии же насмѣхашася глаголюще: бѣсѣ тобою играетѣ на пагубу тебѣ, се же и бысть ему во едину убо ночь бысть безвѣсти: бѣси бо подкнуша на зло водятѣ, по семѣ же насмѣхаются, ввергше въ пропасть смертнующую, и научивше глаголаши, яко се скажемѣ бѣсовское наученіе и дѣйство.

Бывши бо единою скудости въ Ростовскѣй области, восташа два волхва отѣ Ярославля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обиліе держитѣ и придоста по Волзѣ, гдѣ прїидоста въ погостѣ, ту лучшая жены наричуше, глаголюще: яко сїя жиѣю держитѣ, а сїя мѣдѣ, а сїя рыбу, а сїя скору, и привожаху къ нимѣ сестры своя и матери и жены своя; они же въ мѣчтаніи прорѣзоваше имѣ за плещима, и выимаша любо жиѣю, любо рыбу, любо бѣлку: и убиша

многои жены, имѣнїя ихъ опнимаху за ся, и прїидоста на Бѣло озеро, и бѣ у нихъ иныхъ людей прїста.

Того же лѣта случися прїипи опѣ Святослава, дань емлюще Яну сыну Вышатины: и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шексѣ погубили, и пришли еще сѣмо, Янъ же испыта, чьи есѣ смерди; и увидѣвъ же Янъ яко Князя его, и посла къ нимъ иже около его сущь, и рече: выдайте волхвовъ тѣхъ, семо яко смердѣвъ Князя моего и мои, они же сего не послушаша: Янъ же самъ поиде безъ оружїя, и рѣша ему опроцы его: не ходи безъ оружїя изсоромяишѣ тѣя, онъ же повелѣ взять оружїе опрокомъ; бѣста бо съ нимъ В. опрокъ, и поиде къ нимъ по лѣсу; они же сташа испочнившесѣ пропиву; Яневи же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ при мужа, и прїидоша къ Яневи, рече ему: видя идеши, на смерть не ходи; Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде, они же сунушасѣ на Яна, единъ же грѣшисѣ топоромъ; Янъ же оборотя топоръ и удари пыльемъ, и повелѣ опрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же побѣгшѣ въ лѣсѣ; убиша же шу Попина Янева; Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете волхвовъ тѣхъ, не идушѣ отъ васѣ за лѣто; Бѣлозерцы же шед-

шедше яша ихъ, и приведоша ихъ къ Яне-
ви, и рече имъ Янъ, что ради толико по-
губиста человекъ? онемъ же рѣкшимъ,
яко ти держашъ обиліе, да еще испребимъ
сихъ, да будетъ обиліе, еще хочещи предъ
тобою выемъ житю, или рыбу, или
иное что. Янъ же рече: по истиннѣ лжа
то есть: сотворилъ есть Богъ человека
отъ земли, составлена костями и жилами
отъ крови, и нѣсть въ немъ ни что же,
но токмо Богъ единъ вѣсть, она же глаго-
ласа вѣмы, како есть сотворенъ чело-
вѣкъ? Янъ же рече: како? они же реща,
Богъ мывся въ мовницѣ, и вспотѣвъ спре-
ся ветхомъ, и сверже съ небеси на землю,
и распрся сапана съ Богомъ, кому въ
немъ сотвориши человека, и сотвори дѣа-
волъ человека, а Богъ душу въ онъ вло-
жилъ, тѣмъ же еще умретъ человекъ, въ
землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ,
и рече имъ Янъ: по истиннѣ прельстилъ
есть васъ бѣсъ, коему Богу вѣруете? и
реша Антихристу, онъ же рече имъ: то
гдѣ есть? они же рекоша, сидитъ въ без-
днѣ, и рече имъ Янъ: по Кій то Богъ сѣдитъ
въ безднѣ, то есть бѣсъ, а Богъ есть на
небесѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ
Ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ,
немоуще нанъ зрѣти, а сихъ Ангелъ свер-
женъ бысть за гордосъ съ небеси, его
же вы глаголете Антихриста и есть въ

безднѣ, яко же вы того глаголете жаду-
ще, егда снидетъ Богъ съ небеси сего
Аншихриста емъ свяжетъ узами, и поса-
дитъ въ огнѣ вѣчнемъ съ слугами его,
иже къ нему вѣруютъ; вамъ же и здѣ
пріяти мука у меня, и по смерти тамо.
Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣ-
дають, не можеша намъ сотворити ни-
что же; онъ же рече имъ: лжють вамъ
бози ваши; они же реша, намъ спати предъ
Святославомъ въ Кіевѣ, а ны намъ не мо-
жеша сотворити ничто же? Янъ же пове-
лъ бити ихъ и шоргати брады ихъ, симъ
же бѣннымъ и пошорганнымъ, рече имъ
Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ, онемъ
же глаголющимъ, спати намъ предъ Свя-
тославомъ, и повелъ Янъ клячь влажити
во уста ихъ, и привязати ихъ ко упругу,
и пусти предъ собою въ лоды, а самъ за
ними поиде, и спаша на усть Шоксны,
и рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши по-
вѣдають, они же реша: тако молвятъ бо-
зи наши, не быти намъ живымъ отъ тебѣ,
и рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали;
они же рекоша: аще наю пустиши, много
ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши,
то многу печаль пріимеши и зло; Янъ же
рече: аще васъ пуцу, то зло ми будетъ
отъ Бога, и рече Янъ къ повозникамъ:
аще кпо у васъ убѣенъ бысть отъ сихъ,
они же реша: у меня маши, а другій ре-
че

че: у меня сестра, у меня жена; Янѣ же рече имѣ; мстише своихъ; они же поимше ихъ биша, и возвѣсиша ихъ на дубѣ, опшестіе прїимше отъ Бога и о правдѣ; Яневи же идущу во свояси, въ другуюжъ ночь медведь взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погибоша наущеніемъ бѣсовскимъ, инемъ вѣдуще и глаголюще, а своя погибели не свѣдуще, аще быша вѣдали: не бы пришли на мѣсто се, идеже ятыма быши има, аще и ята быша, почто глаголаста, не умрети нама, оному мыслящу убиши я; но се естъ бѣсовское наущеніе, бѣси бо не вѣдають мысли человѣческія и тайны не свѣдуще, Богъ же единъ вѣспъ помышленія человѣческая, бѣси бо не вѣдають ничто же, суть бо немощни и худы взоромъ, яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о немощи и обмраченіи ихъ.

Въ сія бо времена и въ лѣта, сія ключися нѣкому Новгородцу прїити въ Чудь, и прїиде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него, онъ же по обычаю своему, хотя начати, и призывать начатъ бѣсы въ хramину свою; Новгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ стоя хramны; кудесникъ же лежаше оцепенѣвъ и шибѣ имъ бѣсѣ; кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣють прїити, нѣчто имаши на себѣ, его же бояться, онъ же воспомяну на себѣ крестъ, и опшедъ по-

ставя крестѣ, кромѣ храмины стоя, онѣ же начашѣ призывати опять бѣсы; бѣсы же мешавше имѣ повѣдаша, что ради пришелъ есть? по семѣ же начашѣ вопрошати его, его же носямы на себѣ креста, онѣ же рече: то есть знаменіе небеснаго бога, его же наши бози боялися, онѣ же рече: то каковы сущы бози ваши, да гдѣ живутѣ? онѣ же рече: бози наши живутѣ въ безднахѣ, сущы же образомѣ черны и крылашы, и хвосты имущы, восходящы же и подѣ небо слушающе вашихѣ богѣ, вашихѣ боги на небесахѣ сущы, да еще кто умретѣ отъ вашихѣ людей, то возносимѣ есть на небо, еще ли кто отъ нашихѣ людей умретѣ, то носимѣ есть къ нашимѣ богамѣ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ сущы жадуще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхѣ жилищахѣ водворяются со Ангелы: сиче бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, шѣмѣ же прельщаютѣ человеки веляще имѣ глаголати видѣнія являющыся имѣ несвершеннымѣ вѣрою, являющыся во снѣ инемѣ въ мечтѣ, и тако волхвуютѣ наученіемѣ бѣсовскимѣ. Паче женами, бѣсовская волшвленія бывають изкони бо; бѣсы же прельсти, и жена мужа, такожде въ родехѣ мнозехѣ всѣ жены волхвуютѣ чародѣйствомѣ и оправою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщени бывають не-

невѣрнѣи отъ бѣсовъ яко же се въ первыя роды.

Предивно бысть въ Полотскѣ въ мечтѣ бываше въ нощи, стояше тупно по улицамъ аки человѣцы рищуще бѣси, аще кпо вылазяше изъ хоромины, хопя видѣти и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ, и по семъ начаша во днехъ являтися на конехъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и человѣцы глаголаху, яко на явѣ бѣють полочаны.

Итунгъ, болванчики, которыхъ дѣлають Камчадалы во время праздника Грѣховъ очищенія, и вшыкають ихъ въ пополокъ надъ очагомъ, починая домашними богами. *смотр:* грѣховъ очищенія.

Ю, симъ именемъ называютъ Черемисы сапану. *смотр:* Шаипанъ.

Юмалла или Ямалла, божество Чудскихъ Славянъ: идолъ сей сдѣланъ былъ изъ дерева, на шеѣ имѣлъ дорогое ожерелье, а въ рукахъ держалъ великую серебряную чашу, въ которую поклоняющіяся клали деньги, принося оныя въ жертву.

Юммаъ или Юммазе, такъ называются у Чувашъ колдуны, или ворожеи.

Каба, богиня Черемискихъ женщинъ. *см:* въра.

Казань, на мѣстѣ помѣ, гдѣ стоить нынѣ городъ Казань, увѣряюшѣ многіе до построения онаго было гнѣздо змѣино. Обишаль шупѣ змѣй великѣ и страшенѣ, и имѣль двѣ головы одну змѣиную, а другую воловую; одною пожираль человекѣвъ, звѣрей и скоповѣ, а другою всякое быліе; и при немѣ множество другихъ змѣй гнѣзилось; такѣ что и пущи мимо того мѣста имѣть никому было не можно. Когдажѣ для преизящества мѣста онаго Ханъ Сайнѣ вознамѣрился построить на ономѣ городѣ, то изыскавшійся волшебникѣ за великую плату оныхъ гадовѣ вредныхъ истребилѣ. Оный помощію дѣволяскаго навожденія, собралѣ всѣхъ змѣевѣ въ кучу, и очертилѣ оную волшебнымѣ своимѣ прутѣмѣ, чтобѣ ни одинѣ гадѣ изѣ оной не выползѣ, и оклавѣ ихъ хворостѣмѣ, сѣрою и смолою всѣхъ сожегѣ, и будио отѣ произшедшаго отѣ оныхъ смраду многіе изѣ воинства Сайнова люди, кони и верблюды издохли.

Калдыни - Мумасѣ, первенствующая богиня Вопяковѣ; а особливо Вопяцкихъ женщинѣ, которыя молятѣ се о рожденіи дѣтей, а дѣвицы о благополучномѣ замужествѣ. См: вѣра.

Калишки, дѣлывались прежде изѣ красной кожи безѣ каблуковѣ, ихъ надѣвали на умершихъ и такѣ похороняли, вѣря что безѣ оныхъ

оныхъ калишекъ мертваго погребать не должно. Думать должно, что нынѣ уже оное перевелось, кромѣ раскольниковъ.

Калымъ, такъ называется у Магометанъ выкупъ, кошорой они за невѣсту плащятъ. *смотри: бракъ.*

Камаха, краска, *смотри: червецъ.*

Камень, сидячіе Коряки народъ Камчадальской, многіе имѣютъ вмѣсто женъ простые камни, одѣваятъ ихъ въ плащъ, кладутъ съ собою вмѣстѣ спать, и временемъ шутятъ съ ними и забавляются, какъ бы чувствующихъ забавы.

Камуда, Камчадальской женской божокъ. Божки сіи дѣлаются остроголовыми, и почищаются за тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской полѣ вселяются во время плясанія.

Камули, или малыя души. Сіи боги по мнѣнію Камчадаловъ живутъ на огнедышущихъ горахъ. *смотри: Вѣра.*

Канна, подъ симъ именемъ почитаютъ Камчадалы чорта. *смотри: Вѣра.*

Канонъ, на канонъ праздника святаго Николая чудотворца, по городамъ и деревнямъ возятъ обыватели бочки съ пивомъ къ каждой церкви, и черпая или цѣдя изъ онаго по кружкѣ, подаютъ въ церковь, а при томъ и по восковой свѣчкѣ, которое пиво священники сливая въ уша-

ты, дѣлять послѣ по себѣ, и сіе то пиво называется канонѣмъ.

Калко-Ороло, Черемиса и Чуваши признають сего за слугу ихъ божества. см: вѣра.

Карпъ, такъ называютъ Черемисы того человѣка, котораго они выбираютъ вмѣсто священника, и придаютъ ему въ помощь дьячка. смотр: Вѣра.

Каша, когда варившаяся въ печи каша выйдетъ на поверхность горшка, и сія выпуклость имѣть будетъ наклоненіе въ задъ печи, то сіе знаменуетъ щастіе и изобиліе, а когда въ успѣе печи, то предвѣщаетъ раззореніе дома и бѣдность хозяину.

Кереметь, божество Черемиское и Чувашское, такъ какъ и Кереметь-Кайка и Кереметь-Пѣймъ. Но Кереметемъ называется у нихъ и молищвенное мѣсто.

Кидъ, такъ назывались древніе Колмыцкіе капища. смотр: Вѣра.

Кикимра, кикимры супъ женщины унесенныя въ младенчествѣ чертями, и посаженныя на нѣсколько лѣтъ колдунами къ кому нибудь въ домъ, которыя бываютъ невидимы, однако инныя изъ нихъ съ хозяевами говорятъ, и обыкновенно по ночамъ прядутъ, и хопя никакого вреда не дѣлають, но наводятъ великой страхъ своимъ неугомонствомъ. Говорятъ, что
и

и мужескъ полъ такимъ образомъ сажаютъ въ дома, которые унесены въ младенчествѣ отъ матерей и воспитаны нечистыми духами, и сіи называются *дьявольское навожденіе*. Также сажаютъ плотники въ домъ дьяволовъ или кикимрѣ, когда имъ не заплащятъ за работу надлежащаго; но оной дьяволъ не столь спокоенъ бываетъ, ломаетъ все въ домѣ, дѣлаетъ шумъ и спукъ, и наконецъ самаго хозяина выживаетъ изъ дому, отъ чего избавляютъ доки, или шѣ же плотники, получивъ сполна за работу. Древніе Славяне кикимру почитали ночнымъ божествомъ и сонныхъ мечтаній.

Кирка, такъ называется идолъ почитаемый финнами. Отъ котораго имени можно думать, что и нынѣ молищенныи ихъ храмъ названіе имѣетъ кирха. *смотри*: святыи.

Кипъ, во образъ сего морскаго звѣря дѣлаютъ Камчадалы изъ шкуры кита, коего сбѣдаютъ во время праздника грѣховъ очищенія. *смотри*: Грѣховъ очищеніе и земля.

Кичеба, богиня Черемискихъ женщинъ, мать солнца. *См*: *вѣра*.

Кладбища, многія могилы и кладбища почитаютъ язычники и магометане за святыя, вѣря, что во оныхъ погребены ихъ угодники. Въ пригородѣ Билярскѣ кладбище

бище называютъ тамошніе жители Балынб-гусь. Магометанцы не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ опдаленныхъ мѣстъ сбѣзжаются лѣтомъ къ симъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными; они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ свящые, кошоры не только въ жизни своей, но и нынѣ еще дѣлаютъ различныя чудеса. Набожность и суевѣріе сихъ народовъ достойно также особливаго описанія: ибо нѣкоторые изъ нихъ собирающіеся на мѣсто сего моленія отъ самой подошвы до развалинъ, находящихся на берегу горы, идутъ падши на колѣна свои, почитая святыхъ; чинутъ они и источникъ вытекающей изъ сея горы. Воду его называютъ они освященною, представляя себѣ, будто бы свящій ихъ, который жилъ близъ его, вкушалъ и обмывался въ семъ источникѣ; и для сего наливаютъ они ея нарочно привозимые съ собою сосуды, и увозятъ по своимъ домамъ, признавая, что она изцѣляетъ ихъ отъ многихъ болѣзней. По окончаніи же обыкновенныхъ моленій, сходятъ они на низъ горы, гдѣ убивая гусей; овецъ и другихъ животиныхъ, приготавливаютъ въ честь своихъ свящыхъ, и для празднества своего наилучшій обѣдъ, и не только тѣ, которые сбѣхались для моленія, но и Христіане изъ любопытства смотрѣтъ ихъ при-

приходящіе могутъ были участниками ихъ празднованія и веселостей.

Почтеніе къ симъ развалинамъ осталось между Татарами отъ временъ пра-
 ошцовъ ихъ бывшихъ обладателями сея
 страны; можно узнать оное изъ словъ,
 видимыхъ во владѣнной крѣпости Биляр-
 скихъ жителей. Татарскіе Цари приспа-
 вляли безпрестанную стражу ко гробу
 Балынъ-Гози, и хранителями сего священ-
 наго мѣста были шесть нарочно избран-
 ныхъ мужей. Когда Казань и всѣ области
 великія Татаріи покорены были подъ власть
 Россійскихъ Царей, то въ то же самое
 время (будучи безъ призренія) разруши-
 лась и сія священная палата. Спустя
 нѣсколько времени Татары вспомнивъ дре-
 внюю свою набожность, просили новыхъ
 Государей своихъ, дабы позволено имъ
 было возобновить упавшій и раззорен-
 ный храмъ. Сіе имъ было позволено, по-
 строивъ новую палату, поселили тутъ
 нѣсколько домовъ изъ роду тѣхъ людей,
 кои были приставлены во время Татар-
 скихъ Царей, и они должны были быть
 стражею и хранителями сего мѣста, по
 ихъ старинному обычаю; вскорѣ послѣ
 возобновленія каменной палаты, пришли
 сюда селиться предки нынѣшнихъ Биляр-
 скихъ жителей, кои припѣсняя Татаръ
 жившихъ у гробницъ ихъ святаго, довели
 на-

наконецъ до того, что они оставя сѣмѣсто, избрали себѣ иное жилище; а палата будучи безъ призренія, а при томъ и разрушаема новыми жителями, пришла въ конечное опусхоженіе. см: могилы.

Кладъ, когда покажется въ ночное время, или въ день одному какое животное, или теплющаяся свѣча, то должно по той вещи легохонько ударить, и сказать аминь, аминь разсылся, которая и оборотится коплемъ, или кубышкой съ деньгами, а сѣ называется кладъ; коплы обыкновенно находятъ по явленію какого нибудь животного на полѣ, въ лѣсу, или въ саду, и такая экспедиція бываетъ опасна, и сопряжена со многимъ страхомъ; ибо въ то время, какъ вынимаютъ кошелъ, выбѣгаютъ изъ лѣсу черти, и кричатъ, рѣжь, бей, губи; при такомъ случаѣ берутъ всегда въ помощь колдуна. Клады полагаютъ такіе суеверы и не объявляютъ оныхъ, и при самой своей смерти, кои вѣрятъ, что и на томъ свѣтѣ пользоваться симъ имѣніемъ могутъ.

Кликуши, бываютъ кликушами вдохновенныя, или испорченныя женщины, кои приходя въ нѣкоторое неистовство, плетутъ всякой вздоръ, и дѣлаютъ иногда пророчества, онѣ кричатъ голосами разныхъ животныхъ по временамъ, и выкликаютъ того имя, кто ихъ испортилъ.

Клюк-

Клюква, Раскольники изъ Брынскихъ лѣсовъ, когда кого не могутъ уговорить лестію къ ихъ ересиичесству, то даютъ ягоду клюкву, напоенную нѣкоторою отравою, которую ежели кто съѣстъ неопытное получивъ желаніе ийти въ Брынскіе скишы; а когда кто съѣвши оную увидитъ огонь, то пришедъ во иступленіе ума, бросается во оной, ибо представится ему рай и Ангелы во ономъ сѣдѣющіи.

Коболтъ, такъ называютъ Вошаки домовова. *смотри: домовой.*

Козей, такъ называется собака Камчадалскаго бога Туила, она по мнѣнію Камчадаловъ производитъ землетрясеніе, когда отрясаетъ снѣгъ съ себя. *смотри: Вѣра.*

Колюка трава, когда дымомъ сей травы окуришь ружье, то никакой колдунъ заговорить его не можетъ.

Коляда, идолъ его былъ въ Кіевѣ, и почитали его богомъ мира, праздникъ его совершали 24 Декабря играми, веселіемъ и пированіями, въ коихъ не оставляли употреблять обрядовъ, и идолу Туру принадлежащихъ; но и нынѣ по нѣкоторымъ городамъ и деревнямъ въ память идола Коляды не оставляютъ, также безъ употребленія идолопоклонническихъ обрядовъ. Въ день называемый сочевникъ, то есть

24 Декабря на канѣнъ дня Рождества Христова, въ вечеру собираются нѣсколько дѣвокъ, и приходя подъ окно къ каждому поютъ особую для того дни пѣсню, (*), упоминая имя коляды, что и называется колядующи, за что обыватели дають имъ нѣсколько денегъ; а отъ того и во всѣ святыя вечера, начиная отъ Рождества до Крещенія, въ честь тѣхъ же идовъ Коляды и Тура, поютъ такъ называемыя подблюдныя пѣсни, дѣлають игрища, наряжающа въ хари, одѣваются

чер-

(*) Прилѣпаютъ каждого хозяина и хозяйки имя:

Виноградъ красно, по чему спознать,
 Что Успенновъ домъ Малафеевича,
 Что у его у двора все шелкова права,
 Что у его у двора все серебряной тынъ;
 Ворота у него дощатыя,
 Подворотики рыба зубья;
 На дворъ у него да при терема:
 Во первомъ терему да свѣтѣлъ мѣсяцъ,
 Во второмъ терему красно солнышко,
 Во третьемъ терему часты звѣзды;
 Что свѣтѣлъ мѣсяцъ, то Успенновъ домъ,
 Что красно солнце, то Улипа его,
 Что часты звѣзды; малы дѣтушки,
 Да дай Боже Успену Малафеевичу
 Съ борзыхъ коней сыновей женишь;
 Да дай Боже Улипѣ Лавроньевѣ,
 Съ высока терема дочерей выдавай,
 Подари государь колядовщиковъ,
 Наша коляда ни рубль, ни полтина,
 А всего полъ-алтына.

чертями, гадаютъ и льютъ олово и сви-
нецъ въ воду и въ снѣгъ.

Комета, явившаяся и проходящая ко-
мета, а особливо съ хвостомъ, значить
въ прошомъ народѣ общественное неща-
стіе, то есть: моръ, голодъ или войну и
прочая. Въ иностранныхъ же государст-
вахъ осмѣливались движеніе небесныхъ
тѣлъ приписывать и собственному своему
несчастью, или какимъ нибудь частнымъ
приключеніямъ. Въ 837 году отъ рожде-
ства Христова явившаяся Комета навела
несказанный ужасъ на Лудовика кропкаго.
Сей суевѣрный Государь вопрошалъ при
семъ случаѣ всѣхъ Астрологовъ, заклады-
валъ монастыри и умеръ два года спустя
послѣ того отъ страха, который произ-
вело въ немъ полное солнечное затмѣніе.
Въ 1264 году явившуюся комету исто-
рики того времени полагали, что пред-
знаменовала она смерть Папы Урбана IV.
Въ 1456 году явившуюся комету Папа
Каллистъ велѣлъ проклинать сочиненною
особою молитвою, также и Турокъ, ко-
терыхъ тогда завоеваніи его устрашали.
Въ 1686 году бывшую комету почитали
предвозвѣстницею послѣдовавшаго тогда
во Франціи гоненія на протестантовъ,
такъ какъ и многія въ 1677 году явившія-
ся кометы почитали за предзнаменованіе
подобныхъ печальныхъ происшествій, ка-
кимъ

кимъ суевѣрїемъ и старинные наши лѣтописцы преисполнены.

Конь, см: лошадь.

Корова, чудо произшедшее отъ коровы въ Городѣ Казани передъ взятїемъ онаго повѣснвуется тако: родися отъ коровы дѣтище челоуѣческимъ образомъ, егоже видяше Татарове и сидюшася мнози видѣти его, и внезапно дѣтище перемѣнися въ совершеннаго мужа въ возрастѣмъ и яко вооруженъ видяшеся и глаголаше зрящимъ на него паденїе града Казани, и совѣщааша Татарове убить его, и абѣ невидимъ бысть.

Коронація, непросвѣщенные люди вѣрятъ, что ежели государь всшупая на престолъ коронуется въ то время, когда одѣвается листомъ лѣсъ, то во время владѣнїя его государство будетъ изобиловать всѣмъ, то есть, людьми, хлѣбомъ и богатствомъ; а когда въ то время, когда лѣсъ роняетъ уже свой листъ, то не такъ можетъ быть изобильно.

Корсѣ или Корша, божество Кїевское: его признавали богомъ болѣзней и всѣхъ припадковъ, и жертвовали для отвращенїя оныхъ.

Косиъ невидимка, должно отыскать черную кошку, на которой бы ни единого волоса не было другаго цвѣта; и сваривъ оную, выбрать всѣ косиы, а потомъ по-

ложу ихъ всѣ передъ зеркало, сѣсть самому и класъ каждую кость къ себѣ въ ротъ, смотря въ зеркало, когда же та кость попадетъ, то самъ себя въ зеркалѣ не увидишь, и съ сею то костью можешь уже ходить куда хочешь, и дѣлать что изволишь, будучи ни кѣмъ не видимъ.

Кофейницы, смотр: ворожба.

Кошка моется, когда кошка станеть умываться къ себѣ лапою, то шѣмъ предвѣщаетъ, что къ хозяину въ шотъ день будутъ гости, а когда спитъ повернувши рыло подъ брюхо, то предвѣщаетъ лѣтомъ непогоду, а зимой морозы.

Кровь, кому во снѣ пригрезился кровь, то значить, что имѣть свиданіе съ кровнымъ, то есть родственнымъ, который прїѣдетъ издалека.

Кудо-Шочѣ Наба: богиня Черемискихъ женщинъ, почитается богиней родины. см: *вѣра.*

Кудорча, Черемискій богъ плодородія, см: вѣра.

Кузнечикъ куеть, кузнечикъ, которой куеть иногда по угламъ въ горницѣ, то сѣ значить, что обыкновенно выживаетъ живущаго изъ дома.

Кушлекъ, Черемисами почитаемый богъ, оный охраняетъ ихъ дома, покой и благополучіе.

Куклы: Опяки въ знакъ почтенія опмѣнныхъ у нихъ людей, дѣлають во образъ ихъ куклы, и спавяють вмѣстѣ съ идолами, а вдовы кладуть иногда такія мужей ихъ представляющія куклы съ собою въ постелю, да припомѣ когда сами ѣдятъ, не забываютъ и имъ удѣлять своей пищи.

Кукушка: птица сія признавается просіяками за пророческую, и когда она кричитъ въ лѣсу, то бабы загадываютъ, сколько имъ жить, а потомъ сколько она разъ прокричитъ, то и вѣрятъ, что столько той бабѣ и лѣтъ жить.

Кулачный бой смотр: бой.

Кумаха, такъ называется лихорадка.

Купало: божество Славянское: сей идолъ почитался претѣмъ по Перунѣ. Въ началѣ жатвы, въ день праздника его, то есть 24 Юлія и 29 тогожъ мѣсяца приносили ему жертвы: отроки и девицы, также мужи и жены собирались въ вѣнкахъ и поясахъ, изъ нѣкоей sprawy сдѣланныхъ или изъ цвѣтовъ, раскладывали огонь, и взявшись за руки плясали около онаго, и чрезъ него перепрыгивая, припѣвая въ пѣсняхъ своихъ идола Купалу. А въ день Петра и Павла дѣлали при тѣхъ же обрядахъ и качели, скакали на доскахъ и прочая, отъ котораго праздниства и свя-

святая Агрипина прозвана купальницею ;
см: Аграфенинъ день.

Кургубуршъ-Юма, божество Черемисъ
живущихъ въ Башкиріи. см: вѣра.

Курдю , такъ называется особая ма-
шина у Калмыцкихъ поповъ , которую они
во время моливъ употребляютъ. Смотр:
вѣра.

Курица поетъ : у кого курица вспоетъ
пѣтухомъ , то симъ предзнаменуется хо-
зяину какое нибудь нещастіе , что назы-
вается не передъ добромъ , и тогда кури-
ца той отвершывають голову съ произ-
ношеніемъ таковыхъ словъ : не пой кури-
ца пѣтухомъ , или на свою голову залѣла.

Кусокъ хлѣба , ежели кто обѣдая , или
ужиная , опломивъ кусокъ хлѣба , будетъ
ѣсть , и не доевъ его забывшись оставитъ и
опломитъ другой , то сѣзнаменуется , что
кто нибудь изъ родныхъ его терпитъ голодъ.

Куплыжичъ , сестра начальнѣйшаго
бога Камчадальскаго. смотр: вѣра.

Купху , начальнѣйшій богъ Камчада-
ловъ. смотр: Вѣра.

Лада, Славенская богиня браковъ, люб-
ви и веселія : каждыя сочешавающіяся при-
носили ей жершву , надѣясь получить
отъ нее щастіе въ супружествѣ ; имѣла
она великолѣпный храмъ въ Кіевѣ.

Ладонка , или мошонка : престолюдины
привѣшиваютъ ее на тотъ шнурокъ , на

коемъ носятъ крестъ и кладутъ въ нее ладонь, вѣря что ни колдовство, ни уроки взять его не могутъ; а когда кто родился въ сорочкѣ, то и оную кладутъ тутъ же и носятъ шаковыя ладонки по смерти для щастія.

Ладонь чешется: когда у кого засвербитъ ладонь, то примѣчаютъ, что неопмѣнно въ томъ данъ щипать ему деньги.

Лама, Калмыцкій первосвященникъ. *смотр*: *Вѣра*.

Ласточка: ежели кто убьетъ ласточку, пеголицу, голубя или синичку, то увѣряютъ, что томъ въ скопѣ щастія имѣшь не будетъ. см: воробей. Когда же ласточка лѣтая весьма ниско, подлѣпитъ подъ корову, то увѣряютъ, что отъ того времени у той коровы молоко будетъ всегда кровавое.

Лейбъ-Олмай: Лопари признаютъ сего идола богомъ звѣроловительства. см: *вѣра*.

Лихоманка, такъ называется лихорадка.

Лихорадка: простолудины увѣряютъ, что сихъ лихорадокъ девять сестеръ: онѣ крылашы и непріязненны человѣческому роду; содержащя въ земныхъ челюстяхъ на цепяхъ, и когда ихъ спускаютъ, тогда безъ милосши нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла однимъ мечтательнымъ поцалуемъ причиня-

няють прясавицу и обитають во одержимых лихорадками; щасливъ тотъ, когда прикоснется къ кому лихорадка во время много немоществующихъ, ибо они будучи заняты дѣломъ, отъ одного больного къ другому перелетая, не шакъ долго прясуть и даютъ отдыхать болящимъ; а въ самыя сесіи недосуги, приходитъ иногда черезъ день, черезъ два и три. Лихорадки бояшяся собачьихъ удавокъ, свинныхъ гнѣздъ и проч. Сибиряки больные незадолго передъ приходомъ лихорадки вычерниваютъ у себя лицо, а иногда и все тѣло, и надѣваютъ на себя чужую худую гуню, дабы сей злой духъ его не узналъ, или бы его испугавшись отсталъ.

Локоть, когда свербитъ, или чешешся у кого локоть, то значитъ, что спать ему на новомъ мѣстѣ.

Лошадь: когда въ дорогѣ распряжется лошадь, то вѣрятъ, что сдѣлалось въ домѣ нездорово: а большею частію признають, что жена учинила мужу невѣрность. У Черемисъ, Чувашей и Вошяковъ лошади почитаются за главнѣйшую жертву, и по годовымъ большимъ праздникамъ опредѣляють они на жертвенное приношеніе отъ большей части коней бѣлыхъ, которыхъ мясо ѣсть у Черемисовъ тому не дозволяется, кто предъ тѣмъ неомылся и бѣлой не надѣлъ рубахи.

Луна : Мордва почитаетъ мѣсяцъ нѣкоторымъ божествомъ , и увидя его въ первой разѣ новой , клянящся и просящъ , чтобъ низпослалъ имъ во время своего правительсва щастіе , только жертвы ему не приносятъ.

Лункъ или **Лонгъ** идолъ , почитаемый Оспяками. Прежде приведенія ихъ въ христіанскую вѣру молились они сему идолу по обыкновенію своему такимъ образомъ , что предъ онымъ свистали подобно какъ приманиваютъ сабакъ , и при томъ заколеніемъ рогатого скота и лошадей ему жертвовали.

Лучина : ежели кто имѣетъ привычку биить домашнихъ своихъ лучиною , то весь его домъ будетъ нездоровъ и изсохнутъ все такъ какъ лучина.

Леда : подъ симъ именемъ по сказанію Мавроубина , почитали нѣкоторые Славяне бога войны , имя его произведено кажется изъ слова ледъ или леденеть.

Лельо , сынъ **Ладинъ** : нѣжный богъ любви и веселія онъ почитался у Славянъ богомъ воспламененія любовной страсти , а братъ его **Дидъ** богомъ отпращенія.

Лѣтучая мышъ : суеверы сушатъ оныхъ и какъ для здоровья такъ и для счастья носятъ съ собою , также кладутъ оныхъ мышей въ кипятокъ , и потомъ даютъ сію воду пить лѣжащимъ въ гноищѣ и одержимымъ перемежающеюся горячкою дѣтямъ.

Лѣтучій огонь : такъ называемая болѣзнь случается у дѣтей, то избираютъ единороднаго сына или дочь, и велятъ ему къ тому мѣсту изъ кремня и огнива присѣчь огонь, и увѣряютъ, что болѣзнь оная отъ того минется безъ всякихъ другихъ стараній.

Лѣшій : увѣряютъ, что лѣшіи суть мужеска и женска пола огромной величины, когда ходятъ они между правою, то спановятся съ ней равны, а когда бѣгаютъ по лѣсамъ, сравниваются съ высокою оныхъ; кричатъ ужасно, хлопаютъ въ ладони, и опкликаются на голосъ, когда аукаютъ; ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, чѣмъ затмѣваютъ ихъ память, и принуждаютъ заблуждаться до ночи; а потомъ уносятъ въ свои жилища, вѣщаясь они въ лѣсахъ по деревьямъ; у поселянъ работающихъ въ лѣсу просятъ пирога, а взявши отходятъ и кричатъ ужасно: *шолъ да нашолъ*; равномѣрно уносятъ малыхъ ребятъ въ свои подземныя жилища, и тамъ ихъ содержатъ, изъ коихъ иные чрезъ нѣсколько лѣтъ освобождаются посредствомъ пѣнія молебновъ, ежели они только будучи у лѣшихъ въ госяхъ ничего не ѣли. Лѣшіе всѣ косматые, и великіе охопники до женскаго пола; уносимыя ими ребята бываютъ по возвращеніи дики, и насилу привыкаютъ говорить и съ людьми обращаться, коихъ

лѣшїе сами выносяшѣ на то мѣсто , гдѣ взяли. Ежели лѣшїй въ лѣсу обойдетѣ , и человекѣ дорогу потеряетѣ , то должно все имѣвшееся на немѣ платье выворошитѣ и вздѣтѣ на изнанку , то пропадетѣ ободенїя сила , и человекѣ сыскавѣ дорогу , лѣшаго избавитѣся можетѣ. Сїи страшилища почиталися отѣ древнихѣ Славянѣ лѣсными богами. Вошняки называютѣ лѣшаго Алида и увѣряютѣ , что онѣ живетѣ въ лѣсу. У него одна шолко , да и ша наизворотѣ нога , одинѣ большой глазѣ и превеликая шишка , которую впискиваетѣ онѣ людямѣ въ ротѣ , и шѣмѣ ихѣ задушиваетѣ.

Любовь , страсть сїя между простолюдинами называется сухошою , и естѣли кто въ которую влюбитѣся , а она кѣ нему несклонна , то и говорятѣ , что напустила она на него сухоту , и сїе разумѣютѣ : *не слроста* , то естѣ , что будіобы тутѣ замѣшалась дьявольщина.

Лягушка , Лицкїе козаки вѣрятѣ дѣйствительнѣ , ежели во время багренїя на уралѣ рыбы , попадетѣся кому лягушка на багорѣ , которыя бывають тамѣ весьма велики , потѣ во всю зиму ни одной рыбы изловишѣ не можетѣ , хотя будетѣ пере-мѣнять багры и мѣста. см: муравейникѣ.

Мадеракко , богиня , имѣющая у себя трехѣ дочерей. Лопари вѣрятѣ и признаютѣ

юшѣ сихъ богинѣ устроющими и судящими всѣ женскія дѣла. см: вѣра.

Мазарѣ симѣ именемъ называется у чувашѣ общее кладбище покойниковъ.

Мамонтова или слоновая кость, жители по рѣкѣ Дону, находя слоновыя по берегамъ кости, вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что есть великій подземельный четвероногій звѣрь, кошораго бытіе открывається послѣ его смерти, то есть оныя кости не слоновыя, но того звѣря.

Манжи, калмыки такъ называютъ своего дьячка. смотр: Вѣра:

Марцаха, Славянская богиня, почиталась она богинею жатвы.

Масленица. вмѣсто предъуготовленія себя воздержаніемъ къ понесенію великаго и строгаго поста, простолюдины почти всю оную недѣлю имѣютъ безъ сниманія наполненный столъ особымъ на сей недѣлѣ приуготовляемымъ кушаньемъ, какъ то разнаго рода блинами, оладьями, пряженцами и прочимъ, которое все вообще называется масленицею, и отъ утра до вечера оставя прочія упражненія, пьютъ, и ѣдятъ. Ходятъ ко всѣмъ для прощанья; а къ кумамъ и кумамъ носятъ превеликіе пряники, и также большіе косяки мыла; капающія на горахъ въ различномъ и смѣшномъ одѣянніи, также въ харяхъ и маскахъ. Въ послѣдній вечеръ сырныя недѣли не

должно, ни огню разводить, ни свѣчь зажигать.

Мастеръ - Пасъ, Мордва подъ именемъ симъ почишаетъ нѣкоего идола, и приноситъ ему въ жертву черную корову, такъ какъ Пасъ - Ачускаю рыжую.

Медвѣдь, Остяки и другіе идолопоклонники звѣря сего почишаютъ особливо, предопредѣляютъ ему послѣ смерти, такую же по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ участь. По убіеніи его поютъ извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣщеннымъ шкурамъ много учтивости, дабы они въ царствѣ мертвыхъ имъ не мстили.

Медюнъ, лакомая Бухарская пища, дѣлается на подобіе нашихъ маковниковъ, изъ толченаго маку съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣстъ Медюна, тотъ становится послѣ онаго веселъ и замысловатъ.

Мертвецъ, пригрѣзившійся во снѣ мертвецъ значитъ, что будешь снѣгъ.

Мечеть, Магомешанскія мечети обыкновенно строятся четвероугольными, съ небольшими башенками по четыремъ угламъ, сверху которыхъ мушны, которые нѣчто иное, какъ наши церковныя старосты, созываютъ народъ къ службѣ Божіей во времена опредѣленные закономъ. Сіи мечети обыкновенно бываютъ внутри съ сводомъ, въ которыхъ свѣтъ про-

проходитъ чрезъ многія окна; ничего въ нихъ больше ни находится; кромѣ ковровъ и соломенныхъ рогожъ посланныхъ на землѣ вмѣсто скамей; каковы бывають въ нашихъ церквахъ, на которыя пришедши къ службѣ Божіей, садятся поджавъ ноги по восточному обыкновенію. Сверхъ сего есть еще одно возвышенное мѣсто, на которомъ Имамъ или попъ, которой отправляетъ службу, садится. Сіе примѣчено, что оное мѣсто дѣлается всегда къ той сторонѣ, которая къ Меккѣ. Мечети освѣщаются въ ночное время, чрезъ многое число паникадилъ прицепленныхъ къ своду на копейное деревко вышешною, въ прочемъ въ Магометанскихъ мечетяхъ все весьма чисто; а люди, которые въ нихъ входятъ, наблюдаютъ прилжно, чтобъ башмаки свои осипавлять при дверяхъ, чтобъ не замараютъ пола. Когда нѣтъ золота и прочихъ украшеній, которыя въ богатыхъ видятся мечетяхъ, въ убогихъ по крайней мѣрѣ выбѣлены преизрядно бывають стѣны, на которыхъ многія мѣста изъ алкорана расписаны. Предъ мечетемъ обыкновенно дѣлается небольшое четвероугольное мѣсто окруженное преизрядно выбѣленными галлериями, гдѣ также видится написано имя Божіе, съ главными его свойствами на многихъ мѣстахъ; а по срединѣ сего мѣста сдѣ-

едѣланъ фонтанъ , чтобъ тѣ , которые входящѣ въ мечеть , всегда могли чинить свои омовенія опредѣленные закономъ. Которые хотѣтъ быть Имамами и Муллами, тѣ всеконечно должны знать Арапской языкъ , пошому что весь алкоранъ написанъ симъ языкомъ ; а сверхъ сего надлежитъ имъ читать , хотѣ нѣкоторую часть наилучшихъ толкованій на сию книгу. Въ мечетяхъ читается алкоранъ всегда по Арапски , хотѣ подлой народъ Турецкой , Персидской и Ташарской не разумѣетъ ни слова на семъ языкъ. Кажется что духовные Магомешанцы возлюбилѣ шакимъ же способомъ Арапской языкъ , какъ и Каполики Латинской. Однако у Магомешанцовъ хотѣ уже сѣ чинится для неразумія простаго народа , что Мулла прочитавши нѣкоторое изъ алкорана мѣсто опредѣленное пому дню , обыкновенно прибавляетъ небольшое толкованіе на простомъ языкъ , для тѣхъ , которые не разумѣютъ Арапскаго языка. Имамъ у Магомешанцовъ не что иное , какъ у Каполиковъ первой приходской попъ , а Мулла , какъ докторъ Богословіи.

Мипгъ , Камчедаальскій морскій Богъ , имѣющій рыбій видъ. Смолр : вѣра.

Младенецъ , когда кто похвалитъ младенца , то мать облизываетъ ему лице

це по три раза и плюетъ на землю, дабы уроки его не взяли; въ томъ же намѣреніи обмываютъ его всегда передъ сномъ во всякое время; а когда начинаетъ ходить, и первый разъ переступилъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ, и рѣжутъ онымъ ту часть пола, кошорая случилась тогда промѣжъ его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзаютъ, или разрѣшаютъ его нехождение; а таковой поспѣшностію и суевѣріемъ часто опрѣзываютъ у младенцовъ пальцы.

Могилы, по погребеніи покойника, Ижерцы ночью носятъ на могилы пищу, и зарываютъ ее во оныя, вѣря, что и на томъ свѣтѣ люди жить должны спуютъ также какъ и здѣсь, для чего и пища имъ потребна; а какъ могилы ихъ весьма плоски, то оную пищу вырываютъ собаки; Ижерцы же думая, что то сѣдаютъ мертвые для того и много разъ оное повпоряютъ. Черемисы всякому умершему завязываютъ въ поясъ по нѣскольку копѣекъ, да сверхъ того надѣляютъ его посудой и другими домашними надобностями, кладутъ палку, чпобъ было чемъ оборониться отъ собакъ и пучекъ розовыхъ лозъ, который по ихъ мнѣнію отвращаетъ злыхъ духовъ. Всякой провожатой за горящими на могилахъ свѣчами сѣдаетъ свой блинъ, и откусая три кус-

куска отъ онаго кладетъ на могилу, и говоритъ это тебѣ пригодится; до выносу покойникова горитъ передъ нимъ восковая свѣча; а на груди лежитъ пирогъ. Въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, происходятъ общіе поминки: всякъ засвѣщая на гробахъ свойственниковъ своихъ свѣчи, ѣстъ на оныхъ мясо или пирогъ, да и покойникамъ по небольшой долѣ оставляетъ на могилахъ. По зарытіи покойника въ землю, скачутъ иные народы черезъ огонь, вѣря, что смерть и душа покойника слѣдовать за ними уже не можетъ.

Изнемогающаго и при послѣднемъ издыханіи находящагося Тапарина посѣщаетъ Мулла, и читаетъ надъ нимъ молитвы изъ алкорана, до тѣхъ поръ, пока не уснетъ. Умершаго обмываютъ мушину мушину, а женской полъ сшарухи, и въ награжденіе себѣ получаютъ все, что при смерти на покойникъ ни было. Обмывъ обвертываютъ холстомъ въ три ряда мушину, а женщину въ пашеро; собираются всѣ знаемые, ближніе, и сосѣди мужеска пола, и выносятъ изъ дому на лубкѣ, или доскѣ вонъ головою. Не доходя шаговъ съ сорокъ до могилы, останавливаются и начинаютъ всѣ молиться Богу на палдень, такимъ же порядкомъ, какъ въ мечетѣ. Проговоривъ молитвы сша-

ставяють покойника въ могилу на доскѣ или лубкѣ, гдѣ ему дѣлають особенной погребѣ въ боку, и проходѣ въ оной закладываютъ, или досками, или лубьемъ, а оспальное отверстіе засыпають. Съ могилы семью умершаго уже не посѣщаютъ, но расходящіяся по домамъ: ибо послѣ умершаго пиршествовать прежде трехъ дней за грѣхъ вѣняется; да и домашнимъ первые три дни заготовлять для себя пищу, также не безъ грѣха, почему они и питаются только подаеніемъ своихъ сосѣдей. По прошествіи трехъ дней, уже собираются въ домъ умершаго всѣ знакомыя, къ чѣму приглашается и Мулла, который читаетъ по умершемъ въ дому молитву. Награжденіе Муллѣ бываетъ, кромѣ денежнаго подаенія, кожи всѣхъ животныхъ, которыя на поминаніе закалаются.

Другіе поминки бываютъ у нихъ по прошествіи семи дней, а ирешіи по прошествіи сорока дней: ибо они думаютъ, что въ сіи дни душа ходитъ по мытарствамъ, и приходя въ домъ свой смотритъ, какъ ея поминаютъ; почему и Му-Азинъ не остается безъ плаши; онъ получаетъ все оставшееся послѣ покойника, чѣмъ каждый вечеръ надъ могилою, или въ своемъ домѣ читалъ просительныя молитвы на пользу умершаго.

Когда Калмыкъ часуеѣ , то прихо-
дяѣ къ нему Гелюни , и чиѣаюѣ свои
молиѣвы , при чемѣ бываетѣ и нѣкоѣорый
родѣ исповѣди , и молиѣвы продолжаюѣся
до послѣдняго Калмыцкаго издыханія ; а
какѣ скоро умреть , то Гелюнь , чѣобы
болѣе удостовѣриться о смерѣи , ставиѣ
на столѣ зеркало , и небольшую дорожку
къ оному усыпаетѣ золою , приказывая ду-
шѣ умершаго , чѣобѣ она никакихъ слѣдовѣ
на сей дорожкѣ не оставляла ; и когда про-
зорливый Гелюнь ничего такого не примѣ-
тиѣ , указываетѣ душѣ по своему Суда-
рю , по какому пути она пѣшешествовать
должна . Тогда приходятѣ сродники и бли-
жайшія , и поюѣтъ обыкновенную голосистую
надгробную пѣснь . Гелюнь разсмаѣри-
ваетѣ еще свой сударь , и опредѣляетѣ
куда усанадобитѣ покойника имя , годѣ и
число его рожденія , день и часѣ его кон-
чины опредѣляютѣ ему похороны . На
инаго падаетѣ жребій , чѣобы разперзану
быѣть звѣрами и хищными птицами ; другому
быѣть снѣдїю рыбаѣ ; третій сожигаетѣся вѣ
пепелѣ ; а щасливаго предаюѣтъ землѣ .
Послѣднихъ обвершываютѣ вѣ восчаную
бумагу всѣ члены , и зарываютѣ вѣ землю
со всѣмѣ его воинскимѣ снарядомѣ , куда при-
надлежитѣ пищаль , лукѣ , стрѣлы , сабля
и сѣдло , а шѣхѣ , конѣорыхъ Калмыцкая
судьба опредѣлила броситѣ вѣ воду , или по-

повергнувъ на снѣдь звѣрямъ, збрую кладушъ въ капищахъ, по видимому для вооруженія Бурханскихъ силъ. Но Черноярскіе козаки и другіе проезжающіе, не рѣдко сіе суевѣріе въ свою пользу употребляютъ. Напрѣшивъ много Калмыки вооружаютъ себя нѣкъего надъ сими вещами скрыпнаго пристава, который всѣхъ дерзающихъ похитить, чпо нибудь изъ сего освященнаго мѣста казнить смертію. Умершихъ ни когда они не выносятъ изъ кибитки въ двери, но поднимаютъ одно звено съзади, куда и выпаскиваютъ. Надъ погребенными ставятъ четыре шеста, обращенные на всѣ часпи мѣра; на шестахъ вѣшаютъ значки съ надписью, года и числа, рожденія и кончины покойника съ молитвою къ Бурханамъ.

Оставшееся имѣніе дѣлятъ между собою ближайшіе сродники, какъ то дѣти и проч. на равныя часпи. Кибитку со всѣмъ приборомъ получаютъ Гелюнь и прочіе причешники.

Ханы и другіе знатные владѣльцы отъ похороннаго жребія исключаются, не имъ Калмыцкая судьба отъ вѣка predetermined дѣлила по смерти быть сожженнымъ, выключая одни головныя кости, которыя съ остальнымъ пепломъ кладутся въ золотой сосудъ, и отсылаются къ Далай Ламѣ, гдѣ всѣ ихъ угодили опочиваютъ, и которыхъ они Бѣлгючи называютъ. Сосудъ

наполненной Ханскимъ пепломъ должны провожашь и великіе подарки, дабы умилоствившъ ихъ святыню и изходапайсповашъ вѣчное Хану блаженство. При такихъ случаяхъ и многіе зажигочныя Калмыки посылаютъ дары своимъ угодникамъ, Далай Ламѣ и всему его приберу для благоденствія своей душѣ и опшедшей брашні. Опшуда возвращающіеся привозятъ извѣстіе, гдѣ чей сродникъ находишся, въ какомъ именно раю или мукъ, и какими средствами можно кого избавишъ отъ муки; ибо Далай Лама, по ихъ суевѣрію, получаетъ обстоятельныя извѣстія отъ своего гаданія о всемъ, что на ономъ свѣтѣ происходитъ, и можетъ своимъ предсказательствомъ изъ беззаконника произвести въ святыя.

Чувашанъ кладутъ своихъ пскейниковъ въ худые гробы во всемъ одѣянтіи, и похороняютъ оборотня головою къ западу. Сказываютъ, что еще и нынѣ кладутъ они мужчинамъ во гробъ всякую мѣлочь, а наипаче лапти, кочапыкъ, ножикъ, нѣсколько лыкъ и огниво. Общее кладбище, которое выбирающъ они въ отдаленіи, какъ отъ деревни, такъ и отъ Керемета, и отъ всѣхъ большихъ дорогъ, называется у нихъ Мазаръ. Трижды опправляющъ они погребеніе своего сродника, и къ тому нынѣ называютъ среду на страстной недѣлѣ, се-

семику, то есть четвертокъ передъ пятицею, и 8 число Ноября, которое Юбуихъ они называютъ; въ сей послѣдній день, не токмо приносятъ у могилы жертву, но и въ головахъ у покойнаго ставятъ деревянные столбы. Выкопавъ яму, въ кошорую должно столбъ поставить, бросаютъ всякой изъ находящихся при томъ куску мяса, и вливаютъ нѣсколько браги, потомъ жертву ѣдятъ пьютъ и веселятся.

Для погребенія мертвыхъ копаютъ они могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплешаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго по верхъ земли въ платье, покрываютъ войвами и засыпаютъ землю, но подлѣ головы обыкновенно лежащей къ сѣверу, вколачиваютъ толстой колъ, и не вынимаютъ онаго до тѣхъ поръ, пока со всѣмъ сдѣлаютъ могильной бугоръ; а какъ оной колъ выпянутъ, то остается дыра въ могилѣ. Въ каменистыхъ мѣстахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ тѣломъ, потому не удивительно, что во всѣхъ степяхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, коихъ число и впредь умножатся будутъ, однако по большей части хоронятъ они мертвыхъ около могилъ тѣхъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и при томъ подлѣ старыхъ мечетей, а особли-

во вѣ такихъ мѣстахъ , гдѣ уже много старыхъ могилъ находится.

Погребеніе умершему Черемису бываетъ такимъ образомъ: прежде всего обмываютъ умершаго водою , по обычаю другихъ народовъ ; потомъ надѣваютъ на него чистую рубашку , онучи и лапти , что все должно бытъ сдѣлано изъ новаго полотна , и вѣ самый день смерти его могилу выкапываютъ вѣ общихъ ихъ кладбищахъ , и вырывъ яму ставятъ вѣ нее три доски , между которыхъ кладутъ мертвое тѣло , и съ нимъ вмѣстѣ ножикъ , копейку , (дабы пришедъ на томъ свѣтъ , могъ плести себѣ лапти) , деревянную палочку (*), и пукъ прутьевъ изъ шиповаго дерева ; а сѣ для того , чтобы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго : ибо по мнѣнію ихъ , демонъ опасается сихъ прутьевъ. Между тѣмъ , когда происходятъ сіи странные обряды , подходятъ родственники къ мертвому тѣлу и непрестанно говорятъ : *ишлютъ вѣсттюнза каинѣ манышѣ* , то есть , *ничего не бойся мертвый*. Не понимая и не могши отъ нихъ узнать , къ чему такія у-

(*) Палочку съ умершимъ кладутъ съ такимъ намѣреніемъ , чтобъ онъ могъ оборониться отъ лютой псины , которые находятся вѣ томъ свѣтъ , гдѣ онъ по смерти обитати долженъ.

вѣренія безчувственному плѣлу, вопрошающимъ. Отвѣтствуютъ они: что мы возрасли при сихъ обрядахъ безъ всякаго разумѣнія, а только слѣдуя примѣру опцовъ нашихъ, хранимъ ни мало ихъ не нарушая. Совершивъ сѣи обряды покрываютъ мершваго кавтаномъ, и потчасъ засыпаютъ его землею. Поверхъ, засыпанной могилы кладутъ часть испеченнаго хлѣба (*), и вокругъ его наставляють споль много зажженныхъ свѣчъ, сколь велико число изъ дому умершаго прежде померло. Сими свѣщами на потъ часъ изображаютъ они подобіе умершихъ предковъ, а потому и говорятъ слѣдующія слова: *живите на томъ свѣтѣ согласно и не бранитесь между собою.* Сколь спранны ихъ различныя дурачества во всѣхъ ихъ обрядахъ, то смѣшнѣе еще сѣе, что они зарывши въ землю мертвое плѣло, огораживаютъ могилу на подобіе околицы; а сѣе для того, чтобъ мершвы не выходилъ изъ сея ограды и не топталъ бы на ихъ поляхъ распущаго хлѣба.

Женщины, какъ я уже упомянулъ, при всенародныхъ празднествахъ не быва-
 П 4 юпѣ

(*) Испеченной хлѣбъ кладутъ для того, дабы умершей пришедъ на мѣсто, которое для него назначено богами, имѣлъ бы на первой случай пищу.

ють; но во время похоронъ допускаются жены и мать умершаго, кои плачучи надъ могилою одѣляють деньгами бѣдныхъ людей.

Черемисы думаютъ, что души умершихъ преселяются въ другой свѣтъ (*), о коемъ они инаго понятія не имѣютъ, какъ только затверженое имя его. Злые и не чтущіе боговъ въ жизни своей будутъ посажены въ нѣкую черную землю, гдѣ будутъ чувствовать непрестанной хладъ и тоску: напротивъ того люди праведные и добродѣтельные будутъ обитать въ свѣтломъ мѣстѣ. Все ихъ удовольствіе должно состоять въ томъ, что они будутъ бессмертны и безъ болѣзней, и что они будутъ неразлучно съ тѣмъ семействомъ, которое ими было любимо на земли; они будутъ имѣть множество скота и пчелъ; но при всемъ томъ должны они пахать пашню и исправлять другія крестьянскія работы.

Въ

(*) Ничто такъ не сходно съ обычаями древнихъ Скифъ, какъ размышленія Черемисъ о смерти: ибо какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ, что смерть есть не что иное, какъ случай ведущій къ другой жизни, что они оставя сей свѣтъ, вступя въ предѣлы мира, устроеннаго на небесахъ, гдѣ принявъ новое бытіе, будутъ жить въ нѣхъ же наслажденіяхъ и забавахъ, коимъ подвержены были на земли.

Въ четвертокѣ на послѣдней недѣлѣ великаго поста, бывають у нихъ всеобщія поминки и обряды, при семъ употребляемые, какъ у Черемисъ, такъ и у Чувашъ между собою во всемъ сходны. Они избравъ какую нибудь пусшую хramину, а иногда и жилую избу, спановяшъ при дверяхъ ея двѣ деревянные чаши: въ одну кладутъ испеченные блины, другую наполняютъ свареннымъ пивомъ; предъ ними кладутъ березовое полено, которое обсапавляютъ множествомъ восковыхъ свѣчъ: ибо каждой Черемисянинъ долженъ поставить столько свѣчъ, сколько велико число умершихъ изъ роду его; а сѣ для того, чѣобы сей зажженный свѣшъ освѣщалъ ихъ въ томъ мрачномъ обиталищѣ, гдѣ они по мнѣнiю ихъ на томъ свѣшѣ обитають. Чаша стоящая съ блинами и съ пивомъ, наполняется еще малыми кусками и каплями, которыя бросаютъ и лютъ поминающіе своихъ родителей и притомъ говорятъ: умершіе имѣйте лицу и литіе. По окончаніи сихъ странныхъ обрядовъ, выносятъ они обѣ чаши на дворъ, и выбрасываютъ на чистое мѣсто, гдѣ потчасъ сѣдаютъ оное собаки.

Вотъ такъ похороняють своихъ умершихъ такъ точно, какъ бы они за вѣрное знали, что они въ часъ смерти своей вступаютъ въ другую жизнь. Они кла-

дуть съ нимъ шопоръ , ножикъ , чашку , ложку , кошелъ , кочедыкъ , новыя лапти , и шому подобныя вещи ими употребляемыя , дабы мертвый ихъ не имѣлъ ни въ чемъ недосипатка , пришедъ на мѣсто небеснаго жилища. Мнѣніе ихъ о душахъ человѣческихъ согласно съ Черемисами , и обряды погребенія являютъ то же самое невѣжество , которое свойственно народамъ покрытымъ тьмою идолослуженія , и водимымъ спремленіемъ пустаго и несообразнаго суевѣрія.

Киргизцы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе , и могилы осыпаютъ камнемъ , землею , а иногда поставляютъ надъ ними зданія изъ дерева , или изъ дикаго камня сооруженныя. Посреди оныя включается тѣло усопшаго , положенное на коврѣ. Тамъ родственники и пріятели его , окруживъ оное , извѣяютъ знаки своего сокрушенія и горести , и внемлютъ молитву читаемую ихъ Муллою , который вмѣстѣ съ симъ моленіемъ прославляетъ добродѣтели усопшаго , его богатство и его храбрость въ военныхъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія , наследникъ имѣнія усопшаго приуготовляетъ публичной пиръ , употребляя при томъ слѣдующіе обряды : онъ долженъ жертвовать при семъ празднествѣ нѣкоторою частію своего имѣнія ,
какъ

какъ то однимъ или двумя пленниками (*), толикимъ же числомъ верблюдовъ, панцыремъ, десятью или двадцатью лошадьми, нѣкошорымъ числомъ барановъ и тому подобнымъ. Основаніе сего празднества естъ то, чѣобы сею частію поставленнаго имѣнія награждаѣтъ тѣхъ людей, кои окажутъ при семъ многочисленнымъ стеченіи народа опѣмѣнное искусство въ ристаніи; почему каждый приуготовляѣтъ для себя наилучшую лошадь, не исключая изъ того и самаго наследника, но чѣобы сѣ было безмяшежно, то къ сему избираютъ они двухъ знапныхъ посредственниковъ изъ старшинъ своихъ, дабы тѣмъ удобнѣе было засвидѣтельствовано проворство сихъ дикихъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начнется ристалище; другій тамо, гдѣ назначено имъ свѣзжаться. Не извѣстно имъ, коликое число верстъ составитъ то разстояніе, которое скачутъ они взапуски; но по словамъ ихъ надобно думать, что сѣ дѣлаѣтъ неменѣе сорока верстъ: ибо приуготовляющіся къ сему ристанію обще со своими посредственниками, ѣдутъ съ начала весьма тихою ѣздою,

(*) Пленниковъ вообще всѣ Киргизцы называютъ Ясырями. Яицкіе козаки именуютъ ихъ такимъ же именемъ.

дою ; съ вечера до полудни другаго дня ; а въ сей день , когда свалитъ солнечный жаръ , начинающъ скакатьъ возвратно до того мѣста , гдѣ ожидающъ ихъ и назначенныя имъ корысти ; и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ и веселіе обыкновенное ихъ землѣ. Плѣнника такъ , какъ наилучшую вещь изъ поставленныхъ въ награжденіе симъ рыцарямъ , беретъ шомъ , который опередитъ всю толпу народа , торжествующаго на семъ празднествѣ ; панцырь беретъ послѣдующій за нимъ , претій верблюда , четвертый кармазинный кавтанъ и хорошую шапку , пятый лошадь со всѣмъ приборомъ , послѣдніе довольствуются лошадьми и баранами. Сверхъ сего наслѣдникъ имѣнія долженъ выспавить на смотрѣ всему народу наилучшія сокровища усопшаго. Любимая его лошадь въ наилучшемъ своемъ убранствѣ , должна стоять покрыта чернымъ сукномъ ; на другихъ лошадяхъ положены наилучшая его одежда , военные снаряды ; богатые ковры и кибишки. Всѣ они по порядку привязываются къ протянутой веревкѣ , подлѣ нихъ стоятъ его жены надрывающіяся со слезъ , такожде и всѣ его плѣнники и плѣнницы. Сей обрядъ основанъ на томъ , чтобы показать народу , сколь много приобрѣлъ онъ имѣнія во время жизни своей , и чрезъ то оставить его въ добромъ мнѣніи

у всѣхъ бывшихъ свидѣтелями пріобрѣтенныхъ имъ корыстей. Надъ тою кибишкою, гдѣ было жилище усопшаго, выспавлялся черный значикъ, въ знакъ секрешенія оставшейся семьи.

Мода, сіе есть нѣчто весьма удивительное, и шѣмъ болѣе чудесное воображеніе, что въ нынѣшнія просвященные времена владѣетъ умами и размышленіями не суеверныхъ Россіянь, и естъ воображеніе прилипчивое, предписывающее такія правила, что всякой не слѣдовать имъ не смѣетъ, а кто противится, тотъ изгоняется изъ общества, или шипулуется всегдашнимъ дуракомъ. Мода естъ выше всѣхъ высокихъ наукъ: она предпочитается уму, добрымъ человѣческимъ свойствамъ, чинамъ и учености, ежели верпопрахъ ни чему не ученый, и добрыхъ качествъ ни чиновъ не имѣющій, взойдетъ въ компанію, имѣя на себѣ кавтанъ съ низкимъ лифомъ и большія пряжки, то принимается за человѣка разумаго, и живъ въ обществѣ умѣющаго, не спрашивая объ немъ, кто онъ таковъ; а когда придетъ профессоръ, и притомъ добрыхъ свойствъ человѣкъ, но лифъ у кавтана его высокъ, да притомъ и маленькія пряжки, то въ ту жъ минуту называютъ его невѣжею и дуракомъ, а по сему же и прочая разумѣвай. Ибо мода и въ безобразіяхъ человѣческихъ имѣетъ свою

высо-

высокость, на примѣрѣ: здѣсь рыжія волосы починающія безсбразіемъ, а въ горахъ Кавказскихъ опмѣнною женщинъ красотою, для чего и подкрашивающъ ихъ особыми мазьми, такъ какъ здѣсь чернятъ зубы. Здѣсь женщиныносящъ для украшенія въ ушахъ серги, а поселившіяся въ Россіи Персіяне и другія языческія народыносятъ въ носу въ обѣихъ ноздряхъ по кольцу. Здѣсь женщины кладущъ на платьѣ накладки, а Камчадалки вмѣсто сихъ накладокъ вышивающъ на шѣлѣ своемъ кожу, также и рожу.

Модоръ или Кудоводощъ, Вотпаки почищающъ сего бога хранителемъ дамовъ ихъ, и имѣющъ къ нему великое усердіе. Модоръ же ихъ есть не что иное, какъ въшви пихиповаго дерева. См: вѣра.

Можжевеликъ, вѣрящъ Башкирцы и прочіе народы, что можжевеликъ всѣхъ злыхъ духовъ изъ жилищъ выгоняетъ, и предохраняетъ отъ всякихъ волшебныхъ наговоровъ.

Мікошъ Мокошъ или Мокосль, Славенскій богъ, имѣлъ въ Кіевѣ храмъ, и приносили ему жершвы.

Молитва, престолюдины первое недо-разумѣвая, а во вторыхъ и упрям ствоя произносящъ вмѣсто надлѣжащихъ Богу молиствъ, выдуманные собсшвенно ими разныя призыванія: батюшко воскресеніе Христово помилуй меня грѣшную, успеніе пре-

пресвятія Богородицы моли за меня грѣшную, неразумѣя нешокмо молишвы, но незная иощношенія оной. Другіе же въ особенныхъ своихъ нуждахъ призывають особыхъ и святыхъ, или ихъ шокмо образа думая, чпо они шокмо, а не другіе помочь имъ могушъ. Напримѣръ: о избавленіи ошъ зубной болѣзни моляшся Антіпїю, при начатїи мальчику азбуки С. Козмѣ и Дамїяну, отъ вора и отъ обидчика С. Іоанну Войсшвеннику, ошъ головной болѣзни С. Іоанну Предшечъ, ошъ лихорадки чшутъ нѣкоторую особую молишву, о лошадахъ моляшся С. Фролу и Лавру, объ овцахъ С. Анаспасїи, о сновидѣніяхъ и ошъ С. девяти мученикамъ, о совѣшъ мужа съ женою С. Евангелиспамъ, о ищѣленіи больнаго сбразу всѣхъ Скорбѣщихъ, на морѣ отъ бури С. Николаю чудошворцу, о ловленіи рыбы С. Апостолу Петру, о коровахъ С. Власїю, о свиньяхъ С. Василию Великому, о пчелахъ С. Зосимѣ и Саввашю Соловецкимъ чудошвордамъ, о курахъ С. Сергїю, о гусяхъ С. Никитѣ мученику, объ укрощеніи гнѣва въ челоуѣкѣ Пророку и Царю Давыду.

Молчаніе, ежели случится, чпо сидящіе въ компанїи многіе люди вдругъ замолчатъ всѣ, то увѣряють, что пролѣшѣлъ между шѣмъ собраніемъ тихій Ангель. *смотр: ноги.*

Мул-

Мулла, такъ называютъ Магомеша-не своего попа. смотр: бракъ и вѣра.

Муравейникъ, должно найми пару лягушекъ совокупившихся, положи ихъ въ буракъ, и надѣлавъ на ономъ дырокъ, броси въ муравейникъ, и бѣжашъ отъ онаго не оглядываясь, ибо произойдетъ великій крикъ отъ демоновъ, которые будутъ просить, чтобъ оглянулся, и когда оглянешься, то будешь въ добычу дьяволамъ. Пришедъ чрезъ три дни, должно буракъ вынять, въ которомъ найдешь уже одни коспи, между которыми будешь вилочка и крючечикъ. Сія вилка и крючокъ имѣютъ великую силу въ чародѣйствѣ, когда захочешь, чтобъ женщина тебя любила, то непримѣнно ей потяни крючечкомъ за ее платье, тогда она по тебѣ изсохнетъ; а когда больше для тебя она будетъ уже не надобна, то также непримѣнно ей опехни пою вилочкою, то она въ одну минуту тебя забудетъ.

Мухоморъ грибъ, Камчадалы почитаютъ его богомъ пьянства и владѣтелемъ ядовитыхъ зелій. Употребляющіе мухоморъ, какъ въ горячкѣ бредятъ, и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя и веселыя, по различности темперамента. Иные пляшутъ, иные плачутъ, иные въ великомъ ужасѣ находятся, инымъ скважины большими дверьми;

и ложка воды моремъ кажется. Инымъ мухоморъ приказываетъ удавиться, для того что люди будущъ ему дивятся, иному упоишься, или заколешь, кою-рое со многими исполняется, и когда бы не было за ними присмотру, то ни одинъ бы не уцѣлѣлъ; а которые употребляютъ его умеренно, тѣ чувствуютъ веселіе, легкость и отважность, такъ какъ Турки, которые опіума наедаются.

Мушанъ-Ченъ, богиня Черемискихъ женщинъ. см: вѣра.

Мушаны, или Машаны, такъ называютъ Черемисы своихъ духовныхъ особъ оныя же суть толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развращатели, коихъ Черемисы весьма много почитаютъ.

Мушки, налѣпляемые на лице, ихъ происхожденіе и начало полагаютъ такимъ образомъ: нѣкоторый Государь имѣлъ у себя фаворита, первѣйшаго въ государствѣ ранга; а оный былъ низкѣя прежде породы, и чрезвычайно въ скоромъ времени дошелъ до высокой степени; въ нѣкоторое время на единъ Государь спросилъ у него о томъ причины. Любимецъ чисто-сердечно признавшись своему Государю, сказалъ: что десять уже лѣтъ тому назадъ, какъ пользуется онъ благосклонностію одной дамы, которой онъ во все то время ни имени не знаетъ, ни въ лице ее

Р

не-

не видѣтъ, понеже всегда бываетъ онъ взявъ изъ своего дома ночью съ завязанными глазами, и время проводитъ въ такомъ покоѣ, которой не имѣетъ оконъ, ни свѣтъ въ него не приносятъ, и будучи возведенъ ею изъ низкаго состоянiя во столь великiя чины изъ благодарности просить ее объ открытiи не смѣетъ, а ее соизволенiя на то не находитъ. Государь услышавъ сiе, сдѣлался весьма любопышенъ, и думая долго, какъ бы узнать оную особу безъ принужденiя, изобрѣлъ къ тому слѣдующее средство: далъ онъ своему любимцу съ прозьбою отъ себя кусокъ адскаго камня, и велѣлъ ему непременно ей положить онымъ на лицѣ у нее знакъ, въ то время, какъ они будутъ вмѣстѣ. Любимецъ почтивъ своего Государя, не смѣлъ ему въ томъ отказать и сдѣлалъ. Государь по утру назначилъ при дворѣ балъ, и приказалъ всѣхъ дамъ просить непременно. Замѣченная не примѣтно ей дама, вставши по утру, увидѣла въ зеркалѣ на лицѣ у себя необычное явленiе, которое однако сдѣлано было искусно. На балъ ей ѣхать необходимо было должно; а съ такимъ знакомъ появиться было мудрено, хотя она и не знала тому причины. Оспроша разума женскаго, тотчасъ представила ей средство скрыть оной знакъ подъ мушку, которыхъ тогда еще не-

не было, налѣпивъ оную себѣ на лице, увидѣла, что красомы ея она не испортила, и такъ приказавъ потчасъ надѣлать ихъ болѣе, послала ихъ ко многимъ знакомымъ съ шѣмъ, что она сію выдумку получила изъ другаго государства, и есть ещо новая мода. Такимъ образомъ всѣ дамы прѣхали ко двору имѣвшія новую моду. Всѣ при дворѣ дивились; а Государь и его фавориты въ чрезвычайномъ были недоумѣніи, что имъ въ такомъ случаѣ надлежало было сдѣлать, и какъ узнать искомую ими особу, для того Государь притворился не довольнымъ, и не оказалъ благоволенія своего ко оной новой модѣ, и когда принуждены были снять всякая съ лица своего новую ту прикрасу, то и узнали, кого желали. Сія исторія кончилась бракомъ, а мушки потомъ ошались во всегдашнемъ употребленіи знакомъ и орденомъ кавалерской побѣды.

Налѣпляютъ оныя на лица съ тайными намѣреніями, и мушки отвѣщаютъ вмѣстѣ съ иею особу, копорая имѣетъ ихъ на лицѣ, на примѣръ: бархатная на вискѣ, значитъ нездоровье; на лѣвой сторонѣ лба ш.ф.тян. гордость, подъ нижней ресницей слезы, на верхней губѣ поцалуи, на нижней склонность и прочая.

Медяница, сей родъ гадовъ почитающъ весьма вреднымъ, копорую предста-

вляють себѣ слѣпою , и бѣдѣ она получаеи зрѣніе въ одинъ Ивановъ день , тогда она увидѣвъ челоѣка , или другаго животнаго , бросаеи сирѣлкомъ , и пробиѣи на сквозь на подобіе сирѣлы.

Мѣсяцъ , когда увидяиъ новый мѣсяцъ , то совѣтуюиъ тогда глядя на него держаиъся за деньги , вѣря сами , и увѣряя другихъ , что во время его печенія всегдашняя будеиъ прибыль. *смотp*: луна.

Мыши , торговые мужики и нѣкоторые купцы , непрекословно вѣряиъ , что ежели изъ купленнаго шовара , въ скоромъ времени мышъ что нибудь попортииъ , то шоваръ скоро съ рукъ и съ барышемъ соидеиъ ; а ежели изъ самыхъ лучшихъ вещей , то еще скорѣе и прибыльнѣе.

Налускъ , увѣряюиъ , что колдуны напускаюиъ на иныхъ страхъ , на иныхъ пьянство и прочія пристрастїя , отъ которыхъ избавленїя сыскать уже не можно , кромѣ ихъ же чароѣевъ , напускаюиъ также шоску , изнуренїе и прочая.

Насѣдка , когда сажаяиъ курицу на яицы , то оныя яицы должно класиъ подъ нее изъ шапки , или изъ другаго чего мохизнаго , а отъ шого вѣряиъ быиъ многочисленному плоду , для большагожъ плодородїя , не редко хозяйка прикладыѣиъ оныя яица и къ своему причинному мѣсту.

Нешастный. Вѣрятъ простолюдины, что есть такіе люди, которые ни въ собственныхъ своихъ предпріятіяхъ, ни для другихъ предпринимаемыхъ дѣлахъ вѣчно не имѣютъ удачи, и всѣ ихъ дѣла кончаться бѣдою, для чего и называютъ ихъ несчастными, а отъ того происходитъ, что елико кто возьметъ таковаго въ домъ изъ сожалѣнія, то и домъ поимъ разными несчастіями разрушится, и для того высылаютъ ихъ потчасъ изъ дому, изъ артели, съ суда и оповсюду.

Нетолырь, или лешучая мышъ, многіе суевѣры лова ихъ сушатъ, и какъ для здоровья, такъ и для щасія, носятъ всегда при себѣ.

Нія или Ніянь, идола сего Славяне признавали богомъ, или царемъ адскимъ.

Ноги, ежели кто сидя въ компаніи положитъ свои ноги, нога на ногу, то увѣряютъ, что послѣдуетъ отъ того на нѣсколько времени молчаніе всего собранія. **смотр:** молчаніе.

Ногти, суевѣры и большею частію называемые старовѣры, или раскольники, остригая ногти, кладутъ ихъ въ особый мешечекъ, приказывая по смерти своей положить ихъ съ собою во гробъ, вѣря несомнѣнно, что на томъ свѣтѣ спросятъ у нихъ отчета, во всякомъ остриженномъ, или отдѣленномъ кускѣ ихъ ногтей, а для то-

го и Аввакумовскіе ногши носятъ задѣлан-
ные въ перстняхъ. Бухарки красящъ у се-
бя на рукахъ ногши измяною гвоздикою
желто, что дѣлающъ также и прочія; а
особливо въ Астрахани богатыя невѣсты.

Обиліе держать, въ древнія времена,
въ Россіи бывшіе волхвы, или обманщики
во время голода увѣряли народъ, что есть
между ими такіе люди, которые удержи-
вали въ себѣ подъ кожею иная жишю, иная
медь, иная рыбу, иная бѣлку и прочая,
покомъ всѣ были оныя жены, и по согласію
глупаго и не просвященнаго народа, вырѣ-
зывали у нихъ между плечъ оныя вещи,
чѣмъ много губили женскаго пола для сво-
ей корысти, но за то отъ Великихъ Кня-
зей казнены были.

Обливаніе водою, въ древнія времена,
то есть во время идолослуженія, Славя-
не озерамъ, рѣкамъ и источникамъ прино-
сили жерпвы, для умноженія плодовъ зем-
ныхъ, а не рѣдко и людей бросали въ во-
ду, въ память чего и нынѣ многіе суевѣ-
ры въ первый день святыя недѣли и въ
другіе праздники, когда кто проспигъ за-
ушреннюю, обливающъ водою, или въ рѣ-
ку, озеро, или колодезь бросающъ.

Обмертъ, сіе разумѣется, когда че-
ловѣкъ будучи нѣсколько времени мерт-
вымъ, получишъ паки свои чувствія, и
будешъ живъ еще, и увѣряющъ, что та-
ко-

ковые чувствовали все съ ними бывшее на томъ свѣтѣ , какъ ихъ водили по мытарствамъ , и спрашивали во грѣхахъ отчета; рассказывающъ и еще многое , только утверждаютъ , что трехъ словъ сказать они не могутъ , о которыхъ имъ съ великимъ страхомъ запрещено на семъ свѣтѣ открывать.

Обморочить , сіе называется то , что ежели кто представитъ вещь иною , ежели она въ самомъ дѣлѣ есть : цыганки ходя по крестьянскимъ домамъ ворожатъ , и когда замѣтятъ , у которой крестьянки въ коробкѣ деньги , то оборачивающъ ихъ мертвыми мышами , или крестьянкѣ такъ они видятся , отъ которыхъ цыганка ее избавляетъ , и взявъ деньги подъ видомъ мышей , уходитъ.

Обнова , ежели кто нечаянно плюнетъ себѣ на плащь , то вѣрящъ безъ сомнѣнія , что имѣтъ ему на себѣ въ скоромъ времени обнову , то есть новое плащь , шляпу , шапку , сапоги , или и прочая.

Оборотни , оборачивающіеся въ разныхъ животныхъ сами вѣдьмы , и обарачивающъ также на время и другихъ людей по злобѣ и въ наказаніе.

Огонь , Камчадалы почитаютъ его богомъ , коему и принссятъ одинъ разъ въ годъ въ жертву соболю и лисѣ норжки , прося чтобъ не причинялъ имъ бѣдъ , скорбей и пожаровъ. *Смотр.* Грѣховъ очищеніе.

Одекшеръ , богъ черемисами почитаемый , признаютьъ они его хранишелемъ домовъ , покоя ихъ и благополучія.

Орелъ , Якуты сей птицъ воздаютьъ божескую почестъ , и весьма берегущся , чтобъ ее не убишь.

Осина , просиолюдины признаютьъ сѣе дерево проклятымъ за то , что будипо бы Іуда на ономъ удавился , и для того на семъ деревѣ , хотя бы и никакого вѣтру не было , листочки шевелятся , оножъ имѣетъ чрезвычайную силу прошивъ колдуновъ , и когда такому умершему и встающему изъ могилы , колъ между плечъ осиновый вколошятъ , то уже оный не вспанешъ никогда.

Оспа *смотр* : *воспа*.

Палочный бой , см : *Перунъ*.

Пала , о сей особѣ можетъ быть по внушенію езуитовъ многіе Ташара и Моголы думаютъ , что отъ роду ему есць уже болѣе пяти сотъ лѣтъ , а попому и хощятъ считать его безсмертнымъ.

Пасъ - Ачускай божество Мордовское , см : *масперъ Пасъ*.

Пауки , Камчадалки , которыя желаютъ быть плодородны , ѣдятъ пауковъ и пупки съ Кипреемъ.

Передній уголъ , пришедъ въ гости не должно садиться въ переднемъ углу , ибо проспаки вѣрятъ неспимѣнно , что впереди должно сидѣть обыкновенно попу , или ду-

дураку, попу для опмѣнності и почтенія къ его чину, а дураку для того, что оной всегда ищетъ себѣ большаго почтенія, нежели онъ стоитъ.

Переносье свербитъ, у кого переносье засвербитъ, шому слышатъ про покойника.

Перунъ, начальнѣйшій и первоспашейный Славенскій богъ, его признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и прочихъ всѣхъ небесныхъ дѣйствій: станъ его былъ вырѣзанъ искусно изъ дерева, голову имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень, украшенный рубинами и карбункулемъ, на подобіе нылающаго Перуна, то есть стремящейся молніи, огонь горѣлъ предъ нимъ безпрестанно; храмъ его былъ въ Кіевѣ надъ Бурычевымъ потокомъ на високомъ холму, также и въ Новѣгородѣ; въ жертву приносили ему воловъ, а иногда и пленниковъ. При сокрушеніи идоловъ, Кіевскій сего бога истуканъ, брошенъ былъ въ Днепръ, и ниже пороговъ выкинутъ въпромъ на берегъ, отъ чего и прозвалося то мѣсто до нынѣ Перунова гора. Другой же или сей идолъ, когда ташимъ былъ въ Днепръ и бѣенъ палками, испускалъ тяжкое вздыханіе о своемъ сокрушеніи, то и прозвали то мѣсто, по которому влачимъ онъ былъ *чертово беремище*; брошенный болванъ поплылъ въ низъ, а

идолопоклонники не просвятившіеся еще святымъ крещеніемъ , шли за нимъ по берегу плакали и кричали , *выдибай нашъ государю , боже выдибай* , то есть выплыви или выдь изъ рѣки , и будто бы идолъ тотъ послушая гласа ихъ , вышелъ на берегъ , отъ чего и прозвалося мѣсто то Выдубичи , однако крестившіеся Славяне , бросили его опять съ камнемъ въ воду . Такимъ же образомъ Новгородкій Перунъ , когда щадили его въ Волховъ , закричалъ , горе мнѣ впавшему въ руки жестокихъ и коварныхъ людей , которыхъ вчера почитали меня какъ бога , а теперь надо мною шакъ ругаются ; потомъ когда бросили его съ моста въ рѣку , то плылъ въ верхъ , и выбросивъ на мостъ палку , вскричалъ : вотъ чію вамъ Новгородцы въ память мою ославляю ; сѣе было причиною , что чрезъ долгое время Новгородцы имѣли обыкновеніе по праздникамъ , вмѣсто игры и увеселенія , въ честь сему идолу биться палками .

Пескаль , Лопзри подъ симъ именемъ разумѣютъ главу злыхъ духовъ или сапану , который по ихъ общаетъ въ средоточіи земли или во адъ , и господствуетъ надъ беззаконниками .

Пилячучь . Богъ камчадалскій начальствующій надъ паспухами . Смстр : вѣра .

Пить за здоровіе госпей , должно пить за здоровіе госпей кубкомъ , или рюмкою бо-
но-

нося гостей въ округъ по теченію солнца, а сіе произошло отъ того, что древнѣе во время праздниковъ и угощенія своихъ боговъ обыкновенно шакъ дѣлали, и должно выпивать все, а инаково замѣчается недоброжелательство.

Піабаръ или *Піамъ - Аръ*, божество Черемиское, см: *ѡбра*.

Плакунъ трава, оная трава заставляе плакать нечистыхъ духовъ, когда будеиъ при себѣ имѣиъ сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать дѣдушекъ домовыхъ, кикимръ и прочихъ, и опкрыиъ приступъ къ заклѣтому кладу, каторой сперегутъ нечистые духи.

Планеты, смотр: *звѣзды*.

Платье, ежели кто выходя изъ дому, и затворяя за собою двери самъ, или кто другой прищемииъ оными, или прихлопнеиъ полу, или подолъ платья, то сіе значиъ, что быиъ назади, то есиъ оиъ возвращаиъся въ тсиъ домъ.

Плевать, ежели кто плюя попадеиъ къ себѣ ненарочно на платье, то оное значиъ, что имѣиъ ему неосомѣнно въ скоромъ времени обнову, или перпиъ напраслину.

Плясаніе, мореходцовъ десять человекъ мушинъ и женщинъ холостыхъ, и женатыхъ, становяиъся вокругъ, въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходяиъ кругомъ тихо, по д-

поднимая одну ногу за другою по тактѣ, и одинъ за другимъ говоришь слова, такъ что когда половина выговоришь послѣднѣя слова, то другая говоришь первыя, подобно какъ бы кто сшихи по стопамъ читалъ. Употребляемыя оныя слова всѣ принадлежатъ до мореходства. Великая честь отдается тому, кто всѣхъ перепляшетъ, и Камчадалы столь великіе охотники до сей пляски, что они часовъ по двенадцати и по пятнадцати не переставая пляшутъ, то есть отъ утра до вечера.

Пловучее озеро, отъ города Владимира въ восьми верстахъ, весьма обширно и глубоко, по оному плаваютъ вѣтвистые кочки обросшія мохомъ, по чему простолюдины увѣряютъ, что плаваютъ по оному коробки, въ коихъ брошены были въ сѣ озеро дворяне Кучковичи, убійцы Великаго Князя *Андрея Боголюбскаго*, и думаютъ, что сихъ уполненниковъ за ихъ неблагодарность и злобу земля не принимаетъ.

Плотники, ежели кто незаплатитъ симъ людямъ за работу, то есть за строеніе дома, или прочаго, то увѣряютъ простаки, что они сажаютъ въ тотъ домъ дьявольское навожденіе, то есть кикимръ, домовыхъ или еще и лютяе сихъ чертей, изъ которыхъ кикимры всякую ночь въ потемкахъ прядутъ и верещена ихъ вижатъ, домовые также по ночамъ ходятъ и замками, цепя-

ми и двѣрями стучатъ, а люте сихъ черти все бьютъ, ломаютъ и дѣлаютъ превеликой сукъ, отъ чего хозяинъ принужденъ бываетъ заплашишь плотникамъ деньги, а отъ того и покой въ домъ получаетъ.

Поганое озеро, находится въ осмнадцати верстахъ разстоянiемъ отъ города Владимира, увѣряютъ, что путь было прежде огромное селенiе, которое провадилось сквозь землю, что во ономъ озерѣ дна нѣтъ, и что времянно слышенъ въ немъ бываетъ колокольной звонъ.

Погребенiе, См : могилы.

Позвиздъ, *Похвистъ* или *Вихрь*, древнiе Славяне признавали его богомъ бурныхъ вѣтровъ, и всякаго ненастья; Кiевляне приносили ему жерпву, какъ и прочимъ богамъ.

Полеля, Славенскiй имѣней сынъ Ладинъ, должносъ и свойство онаго означаетъ самое его имя полеля, то есть слѣдующей полелѣ, ибо бракъ всегда слѣдуетъ за любовью. Онъ и его порода почитались найдревнейшими Славянскими божествами, изъ чего ясно означается сила и преимущество природы несумѣнно по достоинству своему имѣлъ и онъ у себя немало божницъ въ Славенскихъ городахъ.

Полѣно, ежели кто неся дрова къ печи уронитъ полѣно, то вѣрятъ неотмѣнно, что въ тотъ день будутъ гости. *Смотр* : гаданiи.

Поиканъ, Славяне почитали его полу-богомъ, и приписывали ему чрезъ естественную силу и не воображаемую притопиль въ бѣганіи: онъ имѣлъ съ верху до половины тѣло и сложеніе человѣческое, а отъ пояса коневье. Сіе выдуманное чудовище почитаемо было древними народами; но инынѣшніе Чукчи вѣрятъ, что на ст. даленныхъ отъ нихъ островахъ обитаютъ люди, имѣющіе собачьи хвосты, а другіе вороньи ноги.

Помъ, Камчатское божество. Въ праздничныхъ обрядахъ и церемоніяхъ дѣлаютъ они идолъ его вышиною около полуаршина, а тайный его удъ въ двѣ сажени и долъ; думаютъ должно, что оный по же значенію, что древніе фаллы.

Понедѣльникъ, во оный день въдо-рогу не ѣзятъ, опасаясь несчастія; а иные въ сей день не ѣдятъ мяса, ни рыбы, и сіе называется у нихъ *понедѣлничать*. см: *лѣтница*.

Поперхнуться, ежели кто положивши первый кусокъ за споломъ въ ротъ, или пивъ первую рюмку поперхнется, то сіе значитъ, что кто нибудь слѣшитъ къ нему обѣдать.

Порчи, портятъ людей колдуны и колдовки, лишаютъ ихъ разума, отвра-щаютъ жену отъ мужа, или мужа отъ жены, и дѣлаютъ посѣпылымъ, впускаютъ въ чрево змѣю,

змѣю, или ужа, или какую нибудь жестокую вещь, такъ что баба испорченная весьма то чувствуетъ и говоритъ, что она порча часто ей подкапывается подъ сердце, и лежишь подъ онымъ какъ пирогъ.

Прикрытъ большой, или большей прикрытъ, права: Сибиряки почищаютъ правую сѣю высоко и увѣряютъ, что она имѣетъ силу прошивъ свадебныхъ ворожей, и когда невѣста отъ вѣнца привозится въ домъ жениховъ, то оную праву кладутъ въ такое мѣсто, гдѣ бы невѣста нечаянно черезъ нее перешагнуть могла; и тогда по ихъ скаскамъ ни какіе не берутъ невѣсту уроки.

Примиреніе съ бѣсами, смотр: шаманы.

Примѣты, утверждающіе престолюдины, что ежели кто родится злымъ человекомъ, и навсегда опасенъ для всѣхъ земнородныхъ, а особливо для ближнихъ своихъ и пріятелей, или всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, то природа полагаетъ на немъ какой нибудь особый знакъ, такъ какъ бы печать для его особости, на примѣръ: бываетъ либо косъ, или рыжъ, молодой плѣшивъ, кривъ, мигунъ, заика, карпавый, а когда имѣетъ изъ сихъ два знака, на примѣръ: рыжъ и косъ, то уже и есть преопаснѣйшій злодѣй, напрошивъ того, кто хорошъ лицомъ, то говорятъ, что тотъ уже злымъ быть не можетъ.

При

Присяга, ежели кто изъ Чувашъ долженъ клясться, того приводятъ въ Керемешъ, и тамъ принуждаютъ его при многократномъ заклинаніи ѣсть обыкновенное у Татаръ и Чувашъ кушанье, состоящее въ голушкахъ, или клецкахъ съ коровьимъ масломъ въ водѣ вареныхъ, что у нихъ Салма называется, но для испытанія ложной клятвы поятъ опивѣщика соленою водою, и естѣли онъ при томъ поперхнется и будетъ кашлять, то признаютъ его виноватымъ. Но когда по какимъ нибудь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ передъ судьями присягать, то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ, чтобъ мнѣ етого у себя не видашь, то есть хлѣба и соли, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою. Рекрутамъ же даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестобразно тесаки. Когда присягаютъ Татары, то моются, берутъ алкоранъ, ударяютъ проекратно онымъ себя въ грудь, и говорятъ, ежели я присягаю неправо, то да постигнутъ меня твои клятвы. Присягающій Тунгусъ беретъ тогда одну собаку, и положивъ ее на землю, пераждаетъ ее ножомъ въ брюхо, и чрезъ сію язву высасываетъ изъ нее кровь. Сіе наибольшее подтвержденіе, которое они могутъ учинить, о чемъ бы то ни было, для того, что они совершенно вѣрили, что кровь

кровь сея собаки, потчасъ задавить того, копорый возъмѣетъ дерзость чинить ложную кляпву, такимъ способомъ. Но таковыя звѣрства нынѣ уже искоренились.

Прове или Пронѣ, Славенскій богъ, кумиръ его стоялъ на великомъ и кудрявомъ дубѣ, а около его на землѣ наставлено было до тысячи, или болѣе идоловъ, о двухъ, о трехъ и больше лицахъ. Передъ Пронѣ стоялъ жертвенникъ для приношенія жертвы.

Прыгунъ, скакунъ и разрывъ права. Увѣряютъ, что сіи правы особую имѣютъ въ колдовствѣ силу, и что безъ нихъ кладу никакого вынятъ не можно, см: плакунъ.

Псалтырь, смотр: воръ и ворожба.

Пувашъ, Черемиса почитаютъ сего хранителемъ домовъ ихъ, покоя и благополучія, что значитъ домовъй.

Пуговицы, ежели кто одѣвшись заспегнетъ пуговицы не по порядку, то вѣрятъ, что въ шопъ день былъ ему пьяну, или бищому.

Пугорша - Юма; божество Черемисское, см: вѣра.

Пятчица, то есть пятый день недѣльный пятокъ, ежели кто въ сей день и въ понедѣльникъ, что нибудь предпринимаетъ, то успѣха изъ того ожидать не должно, въ сей день прясъ и шить почитаютъ бабы за грѣхъ, и ожидаютъ въ

наказаніе или нохтоѣды злой , или заусеницы неизлѣчимой.

Радегастъ , божество Славянское , идола сего представляли держащимъ на груди щипъ со изображенною въ немъ воловьею головою , въ лѣвой рукѣ держалъ копье , а на шлемѣ имѣлъ пѣшуха , съ распростирытыми крыльями , и почитали его защитникомъ городовъ , а для того и приносили жертвы , по окончаніи коихъ начинали жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ.

Радуга , Камчадалы почитаютъ радугу за подзоръ Билюкаева плашья , то есть громоваго ихъ бога , *смотри: вѣра.*

Разрывъ шрава , сказываютъ , чію ежели сію шраву , или прыгунъ , или скакунъ приложитъ кно къ запершому замку , то оныи потчасъ безъ ключа самъ опопрется , а ежели лошадь ходя по полю съ желѣзными пуплами найдетъ на сію шраву , то оныи потъ же часъ оппадутъ . *Смотри: прыгунъ.*

Расколъ , начало происхожденія раскольниковъ послѣдовало во времена великаго Князя *Владимира Іго* ; ибо вскорѣ послѣ его владѣнія , нѣкоторый Армянинъ именемъ *Власій* , сочинилъ книгу о вѣрѣ со многими пустошми , а умножились оныи по причинѣ исправленія церьковныхъ книгъ при Папріархѣ *Никонѣ* , *Вѣра* раскольническая есть спарая икона , осмиконечный крестъ , семь просвиръ въ ли-
тур-

тургии, старыя книги, сложеніе двухъ перстовъ. Для прельщенія ко своему сумозбродству выбирають раскольники дома богатые, а не скудные, и людей удобно къ тому преклоняемыхъ, каковы суть простолюдины, а наипаче полъ женскій. Пришворяются благоговѣйными, праведными и преподобными, приносятъ съ собою свой хлѣбъ, а хозяйскаго ни чего не вкушаятъ, доколѣ уговорятъ ихъ, да и своего мало ѣдятъ. Молятся съ великимъ прилѣжаніемъ и воздыханіемъ, предлагаютъ вопросы изъ священнаго писанія, съ великимъ умиленіемъ съ поспною и блѣдною рожеею, и иногда испуская слезы. Простолюдины же удивляются такому ихъ жицію, посту, молиствѣ, кропкому нраву, и почиаятъ ихъ за великихъ угодниковъ; а когда такимъ образомъ увидятъ, что они уже подловили, то начинаютъ во первыхъ хулить церковь Божію, чинъ духовный, книги, церковную святыню и вся таинства; а скипы свои чинъ, и вѣру высоко превозносить, попомъ пророчествуютъ о второмъ Христовомъ пришествіи, сказуя, яко уже то время настоетъ, и уже Антихристъ царствуетъ въ мірѣ. И тако уговоря, увѣдутъ въ свои скипы, и тамо сожгутъ, раздѣля по себѣ имѣніе ихъ. Скипы, или толки ихъ; 1 Христовщина, гдѣ

мужикъ носитъ на себѣ имя Христа, а дѣвка Богородицы; 2 Ануфріевщина, иконоборщина, поповщина и чувственники; сїи еретики Аввакума протопопу почишають святымъ, пишутъ его образъ, и сочинили ему службу: 3 Павловщина, 4 Андреяновщина: 5 Иосифовщина, кривошолки, калиновщина; сїи перекрещивають, и особыми дарами приобщають; 6 Безпоповщина; 7 Волосановщина; 8 Андрѣевщина; 9 Иларіоновщина; сїи служатъ безъ посвященія, и бабы тайну крещенія совершають, и они суть сожигатели; 10 Серафіоновщина, женщины голодомъ умирающія; 11 Стефановщина, живущія безъ брака; 12 Козминщина, не крестящаяся и субботаствуютъ; 13 Рогожники или Рубишники, таскаются по миру въ рогожахъ и представляютъ себя святыми. Раскольники, кои называютъ себя спаровѣрами, опрѣшаютъ все шому спасенію, кшо вмѣстѣ съ ними ниже слѣдующаго не признаетъ и не исполняетъ, кшо не почишаетъ осмиконечнаго креста болѣе чепвероконечнаго, кшо не признаетъ святосли въ усахъ и бородѣ осмиугольной, кшо не вѣритъ, чшо голова дана намъ отъ натуры единственно только для помѣщенія бороды, въ которой и душа наша обитаетъ, кшо въ старинныхъ книгахъ невразумительныя мѣста не почишаетъ за тайность, кшо не знаетъ различія шапокъ,

какую носить, чтобъ быть въ раю, и какой остерегаться, чтобъ не обрушиться во адъ, какую шапку носить сапана, и какой боится, кто ходитъ въ церкву и не разбираетъ того, что лица святыхъ мученицъ пишутся нынѣ очень прелесны; а лики угодниковъ не довольно темны, кто пьетъ чай и кофе, нюхаетъ, куритъ и за губу кладетъ табакъ, кто ѣстъ оливки и каперсы, менюги, устерсы, угри, заячину, раки, голуби, сосиски, соусы, желеи, калбасы, кто ѣдитъ обѣ одной оглоблѣ, то есть съ дышломъ, брѣшетъ борола и подстригаетъ усы, кто ходитъ въ башмакахъ и въ Нѣмецкомъ платьѣ, кто пудритъ волосы и носитъ парукъ, кто знаетъся, пьетъ или ѣстъ съ Армяниномъ, съ Кальвиномъ, съ Лютеромъ, съ Католикомъ, съ Татаринномъ, а паче съ Жидовинномъ, кто за обѣдомъ поетъ и свискиваетъ, что не вѣритъ, что есть колдуны, лѣшій, дьяволы, порчи, ягтя бабы, оборотни, кликушки, ворожеи, встающіе мертвецы, кто тремъ перстами крестится, за Патриарха Никона божится, наряжается въ харю и ѣдитъ въ маскерадѣ, кто не умываю за столъ садится, и при дюдяхъ не рыгаетъ, вино съ водой мѣшаетъ, кто не ложится ничкомъ встрѣпившись съ пасторомъ или франкмасномъ, кто ходитъ безъ пояса, знакомство имѣетъ съ профес-

соромъ, зевая не креститъ рта, за столомъ чиститъ зубы, и кусаетъ губы, самдругъ глядитъ въ окно, не парится вмѣстѣ съ женою.

Рамча, такъ называющіеся у Киргисцовъ колдуны. *смотр:* ворожей

Рача, идолъ почищаемый Остяками онѣмъ имѣлъ храмы и жрицовъ. При томъ еще былъ у Остяковъ идолъ сидящей на блюдѣ наполненномъ водою, которую Остяки пили съ твердымъ упованіемъ, что сила сей святой воды охранитъ ихъ отъ всякаго вреда. Предъ симъ идиоломъ горѣли непрестанно жиръ и сѣра въ чашахъ.

Редіанъ, Лопари почищаютъ сего за бога, принимающаго къ себѣ всѣхъ ихъ, кои жили благочестиво, *См: вѣра.*

Решето смотр: воръ и ворожба.

Родины, когда женщинѣ приспѣетъ время родить, то часъ рожденія старающіеся шайтѣ, вѣря, что отъ того женщина родитъ легко, а въ противномъ случаѣ шажело. Родильную моливу, гдѣ деревни отъ церквей отдалѣли, и попы или дальности ради, а иногда для лѣности не хощя ѣхать, со упоминаніемъ именъ всѣхъ, которые при родинахъ были, наговариваютъ въ шапку, и посланной принесши въ ту избу шапку, выпряся всѣхъ очиститъ. Кормятъ за столомъ отца новорожденного кашею, кума и другія женщины: такимъ образомъ, отецъ высылается на сіе время вонъ;

вонѣ ; потомъ взявъ столовую ложку, кладутъ во оную по пропорціи горчицы, перцу хрену, соли, уксусу, сорочинскаго сваренаго пшена, то естъ каши бабкиной, и обсыпавъ сахаромъ принудяиъ оное сѣсть хозяина, знаменуя шѣмъ, что бы и оной что нибудь при сихъ родинахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *лорушку* : она дѣлается изъ сухой разваренной малины подслащенной сахаромъ или медомъ: сей порушки посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родства, и по большому круглому пирогу.

Когда женщина у Мордвы на сносяхъ и видитъ, что уже ей приходитъ время родить, тогда всякой день готовятъ баню, ибо въ банѣ родить почитаютъ онѣ легче, нежели въ избѣ ; бабушка всегда необходимо бываетъ при роженицѣ, по чему и недозволяется до самаго разрѣшенія отъ бремени ни кому входить въ баню. Какъ женщина родитъ, то ея обмываютъ, и обмывъ выходитъ бабушка, и рассказываетъ опцу, сродникамъ и сосѣдямъ о рожденіи младенца ; однако еще не допускаетъ никого до роженицы, пока она не сдѣлаетъ крутой каши и не напечетъ блиновъ, и срядивъ оными въ банѣ столъ, впускаетъ всѣхъ знакомыхъ ; потомъ бабушка по принятому обыкновению начинаетъ молиться, и даетъ имя

младенцу по своему хотѣнію, а иногда младенецъ получаетъ имя отъ того, кто первый бабушкѣ попадется; какъ скоро наречено будетъ имя младенцу, тогда бываеѣтъ у нихъ и пиришесиво, и шѣмъ всѣ обряды кончашся.

Когда Калмычка бываеѣтъ на сносяхъ, тогда избирающъ здороваго и мочнаго Калмыка, котораго чествующъ каждый день хорошею по ихъ обыкновенію пищею, о которой выше сказано; и какъ скоро начнушся у роженицы потуги, тогда дюжій угощенный Калмыкъ садится на полъ среди кибитки, и роженицу посадивъ на колѣни жмепъ ее охватомъ своихъ рукъ, начиная отъ груди и опуская ихъ до самаго лона. Сіе давленіе продолжаетъ до шѣхъ поръ, пока младенецъ начнеѣтъ показываться, котораго Калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпкахъ караулитъ, и какъ скоро покажется младенецъ, то даеѣтъ знакъ около стоящимъ, которыя палаяѣтъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выпрѣломъ испугать роженицу, и шѣмъ споспѣшествовать къ роженію. Дюжева Калмыка за труды гостящъ два или три дни, и подаривъ овцою или жеребенкомъ, отпускаютъ; бѣдные которыя не въ состояніи нанять дюжаго Калмыка, двоякое имѣютъ средство, первое состоитъ въ томъ: у роженицы, мучащейся потугами, упробу перешагивающъ

ваютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверху на низъ; чрезъ что бываетъ имъ, по ихъ мнѣнію, помощь и облегченіе; послѣднее средство мнѣ кажется бытъ мучительнѣе предъ другими въ шомъ, что роженица принуждена бываетъ употреблять всѣ свои силы на собственное себя мученіе. На палку, къ которой приделана широкая развилина, роженица ложится живошомъ, и давитъ оной сколько достанетъ силъ, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени, при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается, что роженицы послѣ родивъ долгое время бываютъ безъ чувствъ; а иныя и долго страждутъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолеваетъ, и весьма рѣдко между ими слышать можно, что бы когда женщина замучилась родами. Въ прочемъ ни какихъ увеселеній и пиршествъ при родахъ не бываетъ, какъ на прим. у Россіянъ и другихъ народовъ. Новорожденныхъ дѣтей матери кормятъ грудью сами, а знатныя также имѣютъ кормилицъ.

Родительская суббота, всѣ суевѣры, и простакі вѣрятъ, что поминаеніе родившей важно, и дѣйствительно бытъ не можетъ, когда поминаютъ ихъ не блинами, а для того по деревнямъ приносятъ на могилы и пироги, калачи, каши разныя и прочая. Глупый попъ для сво-

его нажитку снимая съ себя ризы, постилаетъ ихъ на могилу на время проговоренія липіи, или и попрахиль, получая за то договорную плашу, и послѣ въ церковной шрапезѣ все принесенное на могилы, сбѣдають, попъ съ причешомъ и принесшіе вмѣстѣ.

Рождество Христово, въ оный день, не должно выпускаць скопины изъ хлѣвовъ. Мордва каждое воскресенье, а особливо въ сей день приносятъ въ жертву птицъ, пирожное и напитки Россійскимъ святымъ, о которыхъ они никакого понятія не имѣють.

Рожь, въ которое лѣто рожь цвѣтетъ съ низу колоса, то проспаки кладутъ примѣшы, что будетъ оней низкая, то есть дешевая цѣна, ежели съ середины колоса, то средняя, а когда сверхъ колоса, то высокая, или дорогая цѣна.

Розовыя лозы, Черемисы вѣрятъ, что сіи лозы отвращаютъ злыхъ духовъ, смотр: могилы.

Розы, цвѣты, увѣряють проспаки, что отъ самого распущенія розъ, то есть отъ той поры, какъ оныя разцвѣтутъ, до послѣдняго числа Августа опасна бываетъ обѣденная пора.

Рощи, лѣса и рощи у Славянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были посвящены ихъ богамъ; а иныя и совсемъ обоготворялись;
не

не позволялося въ нихъ ловить ни птицъ, ни звѣрей, ни также рубить деревья, подѣ страхомъ потерянiя за то живота.

Русалки, дьяволы женскаго рода, живущiя въ горахъ, въ рѣкахъ и болотахъ, онѣ имѣютъ весьма долгiя волосы, и увѣряютъ простаки, что часто ихъ видятъ бѣгающихъ по горамъ, и сидящихъ на берегахъ рѣкъ, гдѣ онѣ чешутъ длинныя свои волосы, и когда только увидятъ онѣ человѣка, то потчасъ бросающа въ воду. Древнiе Славяне почитали ихъ богинями водъ и лѣсовъ, поклонялись имъ и приносили жертвы, по имѣнiю ихъ имѣютъ онѣ весьма долгiя зеленыя волосы.

Собака воетъ, когда въ которомъ домѣ собака завоетъ; то увѣряютъ, что быть тамо нещастiю, а ежели на кого собака попянетъ, то предвѣщаетъ ему обнову.

Сабанное, празднество, прозвано отъ жлѣбопашеннаго орудiя сабана, потому что оно торжествуется предъ начинанiемъ пашни; торжество сiе смѣшено съ свѣтскими и духовными обрядами, и происходитъ слѣдующимъ образомъ:

У Башкирцовъ по вечеру собираются изъ всей деревни молодые ребята, на отборныхъ верховыхъ лошадяхъ; и проѣхавъ всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ

домомъ дѣлають великой крикъ и стукъ до шѣхъ поръ, пока хозяинъ дому, шаковую опборную аршель чѣмъ нибудь не наградитъ; по большей части надѣляютъ ихъ куриными яйцами. Собравъ подворную пошлину, молодежь разбѣзжается по своимъ дворамъ, и по утру до самого солнечнаго восходу, вся ихъ аршель выѣзжается на поле, и назначивъ не малое разстояніе пускающся скакать во всю пришь, при въѣздѣ въ деревню стоятъ обоого пола зришели, а въ извѣстномъ разстояніи отъ зришелей или молодой дѣшина, или дѣвка держитъ на шестѣ привязанной бѣлой плашѣ, вышишой по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ, который достається въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошади перегонитъ, и первый плашокъ сорветъ съ древка. Хотя плашокъ всегда бываеъ малоцѣнный, однако побѣда почитається за велико, и приписываются не малыя похвалы побѣдителю отъ зришелей общимъ восклицаніемъ. Естли же случится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ назначенному мѣсту, и схватившись за плашѣ, то должны они совершенное плаша присвоеніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бываеъ такимъ образомъ: они не берутъ другъ друга за воротъ, какъ Рускіе борцы, за кушаки, и употребляютъ обыкновенныя при борьбахъ ухватки, хотя плашѣ

и не дорогой, однако не всякъ охотно пожелеаетъ и дешевую вещь подарить другому, по у нихъ узаконено, что бы на сабанномъ рыцарствѣ награжденіе сдѣлано было руками той женщины, которая въ деревнѣ моложе всѣхъ за мужемъ. По окончаніи рыцарства, всѣ деревенскія жители сходятся въ мечень на молитву, и просятъ бога о урожаѣ хлѣба; послѣ чего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество, а у молодыхъ разныя забавы, какъ то борьба, капаніе яйцами, качели и короводы; а отпраздновавъ принимаются за пашню.

Саванъ. Когда умершему шьютъ саванъ, то должно шить его рѣдко, что называется на живую нитку, и иглою не къ себѣ, но отъ себя, ибо вѣряютъ, что въ прошивномъ случаѣ весь тотъ домъ вымретъ.

Савина, Богиня Камчадалская владычествующая надъ началомъ и окончаніемъ дня. Смотр : Вѣра.

Свадьба, см : Бракъ.

Свинья, когда свинья опоросится и имѣетъ еще при себѣ поросятъ, тогда естели кто придетъ и посмоитъ на нихъ дурнымъ глазомъ, то увѣряютъ, что отъ того свинья переѣстъ сама всѣхъ своихъ поросятъ.

Свистъ, суевѣры утверждаютъ, что ежели кто свисшитъ, то отъ того Богородица

родицынѣ ликѣ отвращаешся, и ежели свещенъ въ домѣ, то тому дому конечно опустѣть.

Святовидѣ, Свѣтовидѣ, и также Святовичѣ, богѣ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомѣ городѣ Ахронѣ; каждый годѣ Ахронскіе жиители, какѣ мушны, такѣ и женщины приносили во храмъ подаши по пенязю. Истуканѣ Святовидовѣ былѣ преогромныя величины, здѣланѣ изѣ дерева крѣпкаго о чешырехѣ лицахѣ на подобіе фонаря, такѣ что отѣ всякія страны образѣ его видимѣ былѣ, можешѣ бытъ ето значило чешыре времена года; идолѣ сей былѣ безѣ бороды, съ завишыми кудрями, по употребленію Славянѣ Ругянскихѣ въ короткой одеждѣ, въ лѣвой рукѣ имѣющій лукѣ, а въ правой роутѣ изѣ металла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликій мечѣ въ серебряныхѣ ножнахѣ, въ споронѣ лежали сѣдло и узда коня его величины чрезвычайныя. Сей кумирѣ стоялъ посредеѣ каплицы, споявшія по срединѣ храма, завѣшенѣ отѣ всѣхѣ споронѣ красными и великолѣпными занавѣсами, одинѣ только брадатый жрецѣ, который именѣ Святовидовымѣ давалѣ народу отвѣсы въ годовой день праздника, входилѣ въ каплицу удерживая дыханіе; а когда хотѣлъ отдохнуть, то выбѣгалѣ къ дверямѣ

рямъ, каплицы, и выспавя голову дышалъ, бояся осквернить божество дыханіемъ смершнымъ. Сей священникъ наполнялъ кумировъ рогъ виномъ, съ долгими и шоржественными сбрадами, и такъ оставлялъ до другаго года. Сему Свяшовиду посвященъ былъ бѣлый конь, у коего изъ гривы и изъ хвоста не позволялося ни единого выдернуть волоса, ниже сѣсть на него, кромѣ жреца, ибо Ахронцы вѣрили, что Свяшовидъ ѣздилъ на немъ побѣждать ихъ непріятелей, во увѣреніе того предлагали, что когда оставляли лошадь сію въ конюшнѣ вычищенну и привязанну къ яслямъ, то находили оную часто на утро вспотѣвшу и замаранну, такъ какъ будто бы кто ѣздилъ на ней въ дальній путь. Отъ путешесствія сего предвѣщали щасливый и худый конецъ своимъ ратямъ; во время приношенія жерпвы, изъбавляли Свяшовиду превеликое почитаніе, по скончаніи жашвы собирався весь народъ предъ его капище, для провожденія великаго праздника, для коего убивали на жертву множество скота, и при шомъ для знашнаго идольскаго пированія, за день передъ праздникомъ долженъ былъ самъ жрецъ прежде жерпвоприношенія и служенія чистю выместъ въ кумирницѣ. Въ слѣдующій день празднества, предъ собраніемъ всего народа, передъ дверьми храма, взявъ жрецъ изъ рукъ

рукъ идольскихъ рогъ съ виномъ, которымъ онъ наполненъ былъ за годъ передъ шѣмъ, прорицалъ о плодородіи года, ибо ежели вина въ рогъ немного убыло, то почиталось оное признакомъ плодородія, а въ противномъ случаѣ плодородія не надѣялись. По семъ выливалъ священникъ вино изъ рога передъ ногами Святовидовыми, и наполнялъ потомъ оный новымъ, пилъ за его здоровье и просилъ, чѣмъ бы людямъ и опечалену подалъ изобиліе, богатство и побѣду надъ непріятелями, выпивъ же изъ рога вино, наполнялъ его снова, и вспаивалъ идола въ руку. А для браннаго гдѣшества, выкакали сѣмъ передъ храмомъ шесть копей, по два въ рядъ, одно подлѣ другаго въ равномъ разстояніи, и ко всякой двойнѣ привязывали копье поперегъ шакъ высоко, какъ можно коню безъ приганія перешагнуть; потомъ жрецъ по прочтеніи долгихъ и торжественныхъ моливъ, взявъ съ великими обрядами коня за узду, переводилъ его черезъ три поперечныя копья, и ежели конь переступалъ всѣ три правою ногою, безъ помѣшательства съ лѣвою, то почитали оное за доброе предзнаменованіе предприемаемой войны; а ежели онъ переступая копья мѣшался, то признавали за худое предвозвѣщаніе, по сему конскому шаганію начиналася война, или оплагалась.

По

По окончаніи жерпвы, приносили великій круглый пирогъ сдѣланный изъ муста (или меда и муки), въ срединѣ коего могъ умѣститься человекъ; вшедъ во оный жрецъ, спрашивалъ громкимъ голосомъ предстоящихъ людей, видяпъ ли его? всѣ отвѣщаютъ: нѣтъ: тогда священникъ обратясь къ идолу, молилъ его, чтобъ въ предбудущій годъ, хотя мало его увидѣли. По семъ благословлялъ народъ именемъ Святовидовымъ, увѣщавалъ его къ прилѣжному жертвоприношенію, за что въ воздаяніе обѣщавалъ побѣду на враговъ по морю и по суху. Послѣ сего препровождался весь шотъ день въ яденіи и пипіи, и за сѣмъ почитали, ежели кѣмъ тогда не напивался до пьяна; иногда болвану сему приносили въ жертву и плѣнныхъ Хрисіанъ, коихъ посадя на коня, во всей ихъ збруѣ, привязывали лошадей ногами къ четыремъ сваямъ, и подъ приставленные съ обѣихъ сторонъ костры дровъ, положивъ огонь, сожигали живыхъ коня и всадника; о сихъ несчастныхъ сожженникахъ утверждалъ жрецъ, что Святовидъ кровію ихъ весьма услаждается. Изъ всѣхъ полученныхъ корыстей давалась Святовиду третья часть; кромѣ сего опредѣляли еще ему для почести, съ его стороны на брань, триста всадниковъ, и оныхъ всю добычу вручали его

Т

жре-

жрецу, копорой полагалъ ее въ Святovidово сокровище, откуда не позволялося уже нимаѣйшя выняти части. Наконецъ въ 350 году Вагдемаръ Король Данскій взявъ Ахронъ, разрушилъ всѣ храмы; а Святovidовъ ишуканъ приказалъ разсѣчь на части, и послѣ сожечь; въ нѣкоторомъ Нѣмецкомъ баснословномъ словарѣ названъ онъ Сваншовишемъ, и при томъ объявляется, что былъ онъ знатнѣйшимъ божествомъ у древнихъ жишелей въ Лауницѣ, имѣлъ чепыре головы и покрытъ былъ лапами.

Святые финнами Каполическаго исповѣданія почитаемые, въ день всѣхъ оныхъ святыхъ, топаятъ финны на кононъ баню, и снабдивъ оную шеплою и холодною водою, также вениками и прочими надобностями, ставятъ на сшоллахъ кушанье, хозяинъ одѣвшись чистенько, и не покрывая ничемъ головы, разтворяетъ въ сумерки ворота своего двора съ такою вѣжливостію, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего оппираетъ съ не меньшею ласкою баню, и погедя не много замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, оппираетъ для выхода мнимыхъ своихъ святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ скляницу хлѣбнаго вина, коболу (раггене), ставятъ въ хлѣвахъ; въ сей же самой вечеръ кушанье. Въ честь идолу Кирке, закаляютъ въ день всѣхъ

всѣхъ святыхъ , на самой упренней зарѣ
ягненка , котораго очистивъ и не опрѣ-
зывая ни которой части варяшъ , а по-
томъ ставяшъ на столъ и ѣдятъ .

Сеаты , такъ называющъ Лопари буг-
ры , или груды страннымъ образомъ сгро-
мощенные изъ камней , кои по большей ча-
сти находясь при озерахъ и рѣкахъ , и
которыхъ они почитаютъ богами , такъ
какъ и безобразныхъ по лѣсамъ вырублен-
ныхъ идоловъ , называя ихъ пажами .

Сѣверное сіяніе , у простолудиновъ
знаменуетъ оное нещастіе цѣлому госу-
дарству , какъ то : моръ , голодъ , войну и
прочая , и называется оно огненными стол-
бами , копорые сходясь сражаются между
собою , а иногда видяшъ они и воздушныя
силы сражающіяся между собою .

Семаргль , или Симаергла , божество
древнихъ Славянъ ; коему такъ какъ и про-
чимъ , приносили они жертвы и имѣли ис-
туканы .

Семикъ , сей день и слѣдующіе по
немъ еще при , древніе Славяне праздни-
вали сладострастному богу Туру , употреб-
ляя при томъ всякую роскошь и веселіе .
Дѣвки и бабы собираясь хороводами пляса-
ли , и свивая изъ вѣпвѣя вѣнки , цѣлова-
лись сквозь оныя съ мущинами , а потомъ
бросали въ воду загадавши , ежели вѣнокъ

поплыветъ, то быть ей томъ годъ за мужемъ, а когда пошонетъ, то ошпаться еще дома, а при томъ вмѣшивались тупъ и всякія любовныя дѣйствія въ честь и жертву идолу Туру.

Сибѣ, Сивѣ или Сѣвѣ, богиня Славянъ Варяжскихъ, жившихъ на островѣ Ругенѣ, изображали ее нагою, волосы висѣли назадъ до подколѣнокъ, въ правой рукѣ держала яблоко, а въ лѣвой гроздь виноградный, признавали ее богинею произрастеній, и приносили жертву.

Сидука, богиня Камчадалская дочь первосвященнаго ихъ бога Кушху. *смотр:* вѣра.

Сидукамшичь, богиня Камчадалская дочь Утыжилъ - Кушху *смотр:* вѣра.

Сильный богъ, Славяне шакъ называемый испуканъ, имяновали еще и крѣпкимъ богомъ, его представляли въ видѣ человека, въ правой рукѣ держалъ онъ копейцо, въ лѣвой серебряный шаръ; а при ногахъ его лежали человѣческая и львиная головы.

Скакунъ права, *смотр:* прыгунъ.

Скола птица, просполоудины увѣряютъ, что она имѣетъ ядъ въ своихъ когтяхъ, и когда къ кому оными прикоснется, то уже избавишься отъ смерти не можно.

Ско-

Скоромъ , прѣстѣи или болѣею ча-
стїю , суевѣры поставляють за великой
грѣхъ выговорить въ посты слово мясо ,
и когда случится въ разговорѣ , то необхо-
димо , то приговариваютъ всегда *ломани*
Господи на свѣтло Христова воскресенїе
или *на рожество Христова* , то есть на
шомъ день , въ который слѣдуетъ по по-
стѣ шомъ разговѣнье.

Слонъ , Калмыцкое преданїе выдумало
неслыханнаго и не удобовразумительнаго
подъ симъ именемъ звѣря , и почиали
оного землехранишелемъ. *смотри: вѣра.*

Слуги , держащїи мнѣнїе сущїе проста-
ки , что на шомъ свѣтѣ всѣхъ злыхъ гос-
подъ будутъ безпрестанно жарить , а слугъ
заставляютъ таскать уголье и подъ нихъ
подкладывать , и болѣе должности имѣть
они тамо не будутъ.

Смерть , простудушная купеческая
жена , ходя въ карнетахъ и рабронпахъ
улыкавшись вся брабантами , которые
въ нѣсколько тысячъ кратъ дороже ее
стоятъ , при смерти своей приказываетъ
своимъ домашнимъ положить ее во гробъ
въ русской рубахѣ , у которой рукава ар-
шинъ по пяти и долѣе , въ русскомъ сара-
фанѣ , въ убрусѣ и въ калишкахъ , вѣра ,
что на шомъ свѣтѣ въ нѣмецкомъ платьѣ
принята она не будетъ , и буди бы умер-
шимъ

шимъ намъ назначены отъ кого нибудь однорядки, или ливрея, чтобъ всѣмъ намъ предстать тамо въ спранномъ видѣ. Наряду съ раскольниками.

Соболиные промыслы, промышленники бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей не называющъ своимъ именемъ, вѣря, что отъ того дѣлается въ' ловлѣ нещастіе, когда всякую вещь будешь называть се собственнымъ именемъ.

Сова, бѣлая птица, сія почитается Калмыками, предвѣщающею и святою, и состоитъ у нихъ въ великомъ почтеніи.

Солнце играетъ, увѣряющъ, что на свѣтлое воскресенье при восхожденіи солнышко играетъ въ видѣ прясенія, и многія для смопренія того сидятъ въ то время на колокольняхъ, на горахъ или иныхъ высокихъ мѣстахъ. Мордва называютъ солнце *Чи-Пасомъ*, и почитая его за бога, жертвуетъ всякой ему хозяйинъ у себя на дому пищаами, пирожнымъ и хмѣльными напишками.

Соль, соли за столомъ подавать другому не должно, ибо вѣрятъ безъ сумнѣнія, что то бываетъ причиною ссоры, и когда необходимо случится то сдѣлать, то принимая велятъ расмѣяться, отъ чего будто вся сила предвѣщанія ссоры разрушится.

Сонъ, соннымъ мечпаніямъ, споль-
кожъ суевѣры вѣрятъ, сколько и цыган-
скимъ предвѣщаніямъ. Видѣнная во снѣ гора
значитъ, что наяву будетъ горе; рѣка, рѣ-
чи; дѣвица, диво; мертвецъ, снѣгъ; мѣд-
ныя деньги, слезы; лошадь, врагъ; сбба-
ка, другъ; кровь, родство; кало, деньги
и прочая.

Сорочкины, въ третій день по погре-
беніи усопшаго, Черемисы ѣдятъ на' моги-
лѣ, пажже какъ и въ первый день лакомят-
ся въ шомъ домѣ, гдѣ случилась кончина
за горящими восчаными свѣчами блинами,
и посылаютъ нѣсколько кусковъ и на мо-
гилу. Также празднуютъ и въ сороковый
день.

Сорочка, вышедшій изъ утробы мла-
денецъ въ сорочкѣ, почищается отъ про-
столюдиновъ весьма щасливымъ, отъ
чего и произошла пословица въ сорочкѣ родил-
ся. Сію сорочку сбимая кладутъ въ малень-
кой кошелечекъ или мошеночку, и привязы-
ваютъ на шнурокъ младенцу, на которомъ
обыкновенно носимъ крестъ, копорая мо-
шонка называется ладонкою, вѣря, что
щастіе отъ того младенца въ присутст-
віи оной сорочки никогда уже не опой-
детъ.

Сочевникъ, сіи дни преданіемъ церько-
внымъ устанавлены для пощенія, что и

названіе значить , и должно во оныя воздержаться пищею до звѣзды , то есть до захожденія солнечнаго ; но суевѣры наши и проспаки переменяють по вѣ иное , и вспавая рано , смотря на звѣзды , которыя восхожденіемъ солнечнымъ помрачится еще не успѣли , и тушь принимаются за пищу , не поспавляя себѣ преступленіемъ сего преданія и говоря , что они ѣли при звѣздѣ.

Столъ , когда сядутъ за столъ принацать человекъ , то должно одному неопмѣнно выйти вонъ , или четырнадцатаго добавить , а тринадцатымъ обѣдать никакъ не лзя по увѣренію суевѣровъ , которые желаютъ вывести изъ того великія бѣды. Также ежели кто просыплетъ за столомъ соль , то предвѣщаютъ изъ того неограниченную домашнюю ссору , см: соль и укусъ.

Стриба , божество Кіевское , вѣ семь городѣ имѣлъ онъ храмъ и приносимыя жертвы.

Строеніе , ежели простякъ начинаетъ производить строеніе , то первое держитъ вѣ головѣ суевѣріе , чтобъ избою , или воршами никогда не подоваться вѣ ночь , то есть на сѣверъ ; а ежели онъ то здѣлаетъ то вѣритъ безъ сомнѣнія , что черти его изъ дома того выживутъ.

Стѣ-

Стѣны - трещатъ , ежели въ какомъ домѣ , хотябъ то и въ новомъ было , трещатъ стѣны ; то значитъ , что изъ сего дома живущимъ въ скоромъ времени перебираться должно.

Стефановъ день , то есть день святаго первомученика Архидіакона Стефана , во оный день должно лошадей поить черезъ серебро.

Студенецъ , такъ называлось священное озеро бывшее на островѣ Ругенъ въ густомъ лѣсу ; оно изобиловало весьма рыбю ; однако никто не смѣлъ не единыя выловить , почитая ихъ святыми ; а ежели кто пресупалъ сію заповѣдь , по весьма жестоко былъ наказанъ. Славяне почитали , также многіе ключи , источники , озера , рѣки и колодязи святыми , приносили водамъ ихъ жертвы , ожидая плодородія. Для здравія своего и святости рѣкъ , по вскрытіи купались во оныхъ , не смотря ни на какую холодную погоду , даже дѣлали то и во время жестокой зимы , отъ чего и нынѣ есть , что въ день Богоявленія купаются въ прорубяхъ , не смотря на жестокость мороза , а отъ того многія простудившись умираютъ ; но сіе почитаютъ необходимымъ ; тѣ , кои въ святки на игрищахъ наряжались чертями , или

вздѣвали на себя, въ пакѣ называемыхъ ими инспермедіяхъ, хари.

Спрѣла, или палочка Остяки и Вогуличи употребляли сѣ орудіе такимъ образомъ, что ежели быть войнѣ, или бунту, то посылали спрѣлу по всей своей землѣ; на которой вырѣзаны были Шанпановы изображенія и оная спрѣла въ той землѣ кругомъ была носима и каждый узнавалъ по ней намѣреніе народа.

Сувѣрѣ, см: Христїянинѣ.

Сузюкти, такъ называется особый родъ поповъ у Калмыковъ, которыхъ можно сравнить съ нашими монахами. *Смотр: вѣра.*

Сунны, такъ называется Терскіе или Терекскіе Татара отъ слова Сунны или Сонна сѣ есть у Турокъ словесный законъ, который какъ они сказываютъ получили отъ своего пророка чрезъ преданіе, и чрезъ который толкуютъ свой письменный законъ, то есть Алкоранъ; а которые сего закона не принимаютъ то тѣхъ называютъ они Сунны.

Сурахъ, такъ называется у Оренбургскихъ и у Казанскихъ Татаръ мазь, которою мужья бороды, а жены дѣпородный удъ мажутъ для уменьшенія волосовъ оная составляется изъ опермента и негашенной извести разводя оное на водѣ, или

или на постномъ маслѣ , и сею мазью по-
тирають они въ банѣ причинное мѣсто.

Табакъ , Раскольники траву сію почи-
тають проклятою , и спавятъ въ тяжкій
и не простительный грѣхъ ее употребле-
ніе. Когда случится кому въ ихъ избѣ
куришь табакъ , то они послѣ его курящъ
трои сутки безпрестанно ладономъ ; а гдѣ
упало нѣсколько крешекъ онаго , то тѣжъ
трои сутки скоблятъ и мсютъ оное мѣ-
сто , дабы не шокмо его , но и духъ , или
запахъ оный вывести вѣчно.

Талисманъ , такъ называютъ волшеб-
ники ничего не значущіе литеры , или бу-
квы, фигуры и прочія начерпанія , кото-
рымъ они тайную силу приписываютъ , и
написывая на дощечкахъ вѣшали ихъ для
того на шею.

Тараканы, сію гадину почитаютъ пред-
чувствующею , и когда въ которомъ домѣ
былъ пожару , то увѣряють , что всѣ
тараканы дни за два изъ того дома ста-
ницами выйдутъ.

Тенгры, Калмыки признають тенграми
нѣкоторый родъ безплодныхъ силъ , или
духовъ , которыхъ ни ангелами ни людьми
назвать не можно и должно имъ опредѣлить
среднѣе существо между сими. см: вѣра.

Тинзябрь - Юма , подъ симъ именемъ
Черемисы почитаютъ бога живущаго на
небесахъ. см: вѣра.

Тиранусъ, богиня Камчатская жена Билюкаева.

Тона, или **Туно**, такъ называются у **Вошяковъ** ворожеи, или колдуны.

Тригла или **Триглава**, богиня Славенская испуканъ ее имѣлъ три лица, и была она то же, что **Зевана**.

Тризна, значитъ поминовенье усопшаго, то есть въ третій или прижды при въ девяный, сороковой, годовой и трехъ годовой день. Древнѣе Славяне отправляли призны на могилахъ пещею и пишемъ, что и нынѣ многіе по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ дѣлаютъ, несятъ на могилы пироги, блины, пряженцы, оладьи, колачи и прочая, и всѣ сидя на оныхъ, или въ шрапезъ при церквѣ, присовупя къ тому, попа и весь причетъ сѣдающъ.

Туилъ, Камчадалскій богъ производящій землепрясеніе. смотр: *вѣра*.

Туны, такъ называются у **Вошяковъ** колдуны. см: *вѣра*.

Туръ, Славяне признавали сего идола богомъ сладострасія, который на всѣхъ веселыхъ пиршествахъ и игрищахъ имѣлъ не послѣднее мѣсто. Въ честь сего бога особый праздникъ установленъ былъ, который и нынѣ отправляется и называется **семикъ**, въ который при многомъ обжорст-
въ

въ и пищу, часто бабами забывается благопристойность.

Тыжилъ-Купху, божество Камчадалское сынъ первоспашейнаго ихъ бога Купху. *смотр: въра.*

Тѣляпина, по многимъ городамъ суевѣры не ѣдящъ тѣляпины почиая шо за грѣхъ: но сіе обыкновеніе по деревнямъ наблюдается для того, что новотѣльные коровы лишася своихъ ососковъ, теряющъ молоко. Изъ чего и явствуетъ, что воздержаніе отъ яденія тѣляпины въ сельскихъ жителяхъ не отъ суевѣрія, но отъ доброй экономіи происходитъ.

Убрусъ, такъ называется сшитый нѣкопормымъ спраннымъ манеромъ чепецъ на подобіе спариннаго разлѣтая, во ономъ раскольницы и пр сшые спарушки полагаются во гробъ и имѣютъ къ нему столь опмѣнное почтеніе, что и къ причащенію Святыхъ таинъ безъ него не приступаютъ.

Угли, ежели кто не наблюдая чистоты кладетъ свой пометъ въ домъ не у мѣста, и особа та неизвѣстна, то берутъ изъ печи раскаленное уголье и сыплютъ на тотъ пометъ, въря точно, что вся задница, или сѣдалище у того опоршаветъ.

Угорь, рыба, подлая люди не ѣдятъ угря никогда и говорятъ, что тогда шоль-

ко ѣсть его можно, когда въ семи городахъ рыбы отыскать будетъ не можно.

Удше, такъ называется Черемискій дьячекъ. *смотри*: Вѣра.

Ужъ, въ сѣнокосъ и другую страдную пору, когда люди имѣютъ свой отдыхъ, посреди поля, или въ лѣсахъ ищутъ всегда такихъ мѣстъ, гдѣ водяныя ужи. Тутъ уже спать безопасны отъ вредныхъ змѣй, которыя къ соннымъ приходятъ, и въ оплошности впадаютъ въ ротъ къ человеку; ибо ужъ такихъ змѣй, отгоняетъ прочь, и не отходитъ отъ человека; а иногда выползи и на грудь ляжетъ, до тѣхъ поръ пока человекъ проснется. Когда кто нечаянно на ужа наступитъ и успеетъ сказать, *ахъ, ненарокомъ*: то ужъ хотя бы былъ и уязвленъ не ужалитъ. Въ прочемъ почитаютъ его весьма ядовитымъ, такъ что никто его угрызенія вылѣчить не можетъ; но все спасеніе уязвленнаго состоитъ въ томъ, ежели онъ успеетъ окунуться въ воду прежде ужа.

Уксусъ, за столомъ уксусу одинъ другому не подаютъ, вѣря, что то причина будетъ ссоры; а когда необходимо случится, то сдѣлать, то велятъ разсмѣяться, и отъ того предвѣщаніе ссоры опровержено будетъ.

Урилы дачь, божество южныхъ Камчадаловъ, сїи боги ихъ не что иное, какъ колья съ обшесанными головками, лежащїе въ юршѣ по грядкамъ, оныя почитаются вмѣсто Ханпаевъ.

Уродъ, Якушы почитаютъ всѣхъ, то есть человѣческаго, звѣрскаго, скопскаго, рыбаго, пшичьяго и несѣкомыхъ рода уродовъ сущими дьяволами, и стараются всѣми силами и съ великою боязливостїю отъ нихъ избавиться.

Усладъ или Осладъ, божество Кїевское, котораго Славяне признавали богомъ пированїй и всякихъ роскошей.

Утка красная, сїю пшицу Калмыки почитаютъ за святую, и увѣряютъ, что она есть попъ всѣхъ пшицъ.

Ушлейгынъ, морскїй Камчадалскїй богъ. *смотр: вѣра.*

Утолающаго, избавить отъ попопленїя у Камчадаловъ почитается за грѣхъ: ибо вѣряшъ, что кѣто его выпашитъ изъ рѣки, шому ушонуть будетъ самому, также ежели освободить занесшаго въ дорогѣ снѣгомъ, почитается за тяжкїй грѣхъ.

Ушахчу, такъ называютъ Камчадалы лѣсныхъ своихъ боговъ. *смотр: вѣра.*

Уши горятъ, у кого горятъ уши, того гдѣ нибудь въ то время переговаривающъ, то есть подсмѣивающъ; кождажъ въ ушахъ

ушахъ звенитъ , то загадавъ что нибудь спрашиваютъ , въ которомъ ухъ звенитъ ? и когда отгадаютъ , въ которомъ ухъ звенитъ , то неопмѣнно загаданное сбудется.

Фалча, пакъ называются у Киргисцовъ ворожеи , коихъ есть у нихъ до нѣскольکو родовъ смотр: ворожей.

Филинъ , птица сія почитается предвѣстницею пагубы , и когда прилетѣвъ на кровлю чьего нибудь дома сипанетъ кричанъ , то кому нибудь изъ того дома , умереть вскорѣ , или чувствоватъ бѣду. Суевѣры носящъ при себѣ ея когти , дабы привести себя въ безопасность отъ чародѣйства.

Фортуна, простой народъ нашихъ временъ фортунахъ хотя не молятся , однако представляетъ часто въ головѣ своей безпорядочную идею незнаемо , о какомъ то чудномъ существѣ называя оное щаетіемъ , жребіемъ , судьбиною , рокомъ , талантомъ , участью , долею , фарпуною , и поставляетъ оное виною всѣхъ приключеній , коимъ подлинной причины не знаетъ , и понеже онъ все безъ слѣдствія , все безъ связи видитъ , то необрѣшаетъ основаніе ничему , и для того представляетъ себѣ все рокомъ , или судьбиною.

Франкъ-масоны , сіи собранія называютъ простолодины дьявольщиною , и въ-
рятъ ,

рятъ, что естли кто записавшись въ масоны, послѣ раскается, и похочетъ обратиться на истинный путь, то бываеиъ отъ нихъ застрѣленъ, дабы не открылъ ихъ тайны, слѣдующимъ образомъ. Когда принимаеиъ онъ въ себѣ брашество, то прежде всего дасиъ имъ рукописаніе писанное его кровію и рукою; а потомъ списываютъ съ него порицетъ, и когда онъ имъ измѣнииъ, или раскаявшись захочетъ отстать, то стрѣляютъ они въ его портретъ, и гдѣбъ тоиъ человекъ ни былъ, конечно будетъ убитъ, и въ то самое время и мѣсто, гдѣ пуля прошибетъ порицетъ.

Хантай, божество Камчатское, идолъ его дѣлается наподобіе Сирены, то есиъ съ головы по груди человекъ, а отътуда рыбою, и спавятся обыквенно въ юртѣ подлѣ огнища. Сей Хантай ежегодно дѣлается новый, во время грѣховъ очищенія, и спавиъся со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ ея построения смѣ грѣховъ очищеніе.

Хололя, уишвержаютъ проспаки, что холопя и на томъ свѣтѣ имѣиъ будутъ должносии работниковъ. Они будутъ безпрестанно шаскать дрова, подкладывая подъ своихъ лютихъ господъ и ихъ жечъ и мучиъ.

Хопи, такъ называется у Чувашъ сватовство, или торгъ о невѣстѣ. *смотри*: бракъ.

Христїянинъ, суевѣръ въ однихъ только наружныхъ поступкахъ и обрядахъ является богобоязливымъ; а въ самомъ дѣлѣ главную должностъ человека Христїянина, то есть любовь къ ближнему пренебрегаетъ.

Царь морской, Славяне подъ симъ именемъ признавали бога обладателя морями и находящимися во оныхъ животными.

Цаца, такъ называющіяся молищвенныя у Калмыковъ капища, которыя къ каждому торжеству дѣлаются новыя, а прежнія ихъ богомольныя мѣста или сборища назывались *Кидъ см*: *вѣра*.

Цвѣты латя, цвѣты матерїи, изъ коихъ дѣлаются платья, значитъ также нѣчто: напримѣръ бѣлый чистоту, черный печаль и проч: зеленого носить не можно въ городѣ, а краснаго въ полѣ. Также должно имѣть цвѣты, платье сообразно съ лѣтами человеку. Красный цвѣтъ въ особливомъ почтенїи у всѣхъ *Ташаръ*, и какъ бы ни худое кто имѣлъ платье изъ ихъ *принцовъ*, одкако всегда будетъ у него кармазинной красной кавшанъ для церемонїальныхъ случаевъ. Мурзы ихъ, которые нѣсколько выше подлосши лучше не будучи имѣть рубахи, нежели краснаго кармазиннаго

наго кавшана. Знашныя женщины сего народа не думаютъ о себѣ, что онѣ хорошее имѣютъ платье, ежели не имѣютъ краснаго кармазиннаго кавшана. Самыя подлыя люди изъ Ташарѣ стараются носить изъ краснаго сукна кавшаны, буде они нѣсколько другихъ побогатѣе, хотя бы шо было и изъ простаго сукна. Сіе пристрастіе къ красному сукну распространяется до идолопоклонническихъ Сибирскихъ народовъ, которыхъ главные думаютъ, что пребогату имѣютъ одежду когда они смогутъ сдѣлать красной кавшанъ, такъ что по всему Азіятическому сѣверу весьма больше всего можно учинить съ кускомъ краснаго сукна, нежели въ четверо противъ того съ деньгами.

Цыганы, Для обманства простаго народа въ предсказаніяхъ, и для другихъ плутовскихъ ихъ намѣреній портятъ свой языкъ выговаривая слова наизворотъ, перешавляя буквы и прочая, см: ворожба.

Цыплята, когда цыплята высижены будутъ, а особливо во множественномъ числѣ, и ежели кто взглянетъ на нихъ и подивится, то вѣрятъ что всѣ до единого цыпленка сушки въ двой переколѣютъ.

Чародѣй, Самоѣды въ семъ искусствѣ такъ бывають опмѣнны, что многихъ принуждаютъ тому дивиться. Они пребыва-

юшѣ въ почитаніи нѣкоторыхъ изъ дерева не искусно вырѣзанныхъ фигуръ человѣческихъ, звѣриныхъ, рыбьихъ, птичьихъ и прочихъ, также и отрубленныхъ головъ и ногъ оныхъ дикихъ звѣрей, которыя они въ лѣсахъ вѣшаютъ и имъ моляся. Старѣйшими между ими почитаются ихъ попы, которые по ихъ вопросамъ должны волю боговъ объявлять, будущее напередъ сказывать, и какъ говорятъ, всякія чародѣйныя хитрости на подобіе кощунствъ показывать. У нихъ былъ золотой идолъ на подобіе старой бабы, которой того ради золотая баба названъ; сей идолъ на всѣ вопросы, которые всегда отъ поповъ ему чинены были, отвѣчалъ, также и будущее щасіе или нещасіе напередъ объявлялъ. Но какъ послѣ того оную землю прилѣжныѣ изслѣдовали, то нашлось, что всѣ объявленія о семъ идолѣ, только за басни почитать надлежитъ. Въ провинціи Обдоре не далеко отъ устья рѣки Оби, есть нѣкоторой дикой камень, который своею фигурою подобенъ старой бабѣ, съ подобренными платьемъ, ребенка на рукахъ держащей; но можетъ быть, что фигура сего камня больше художествомъ такъ сдѣлана была. Сія та фигура, думаютъ нынѣ, къ баснѣ о помянутомъ Самоѣдскомъ идолѣ поводъ подала, а особливо когда примѣчено бы-

было, что Обдорскіе Самоѣды въ сей странѣ, копорая къ рыбной ловлѣ очень способна была, часто собирались.

Самоѣды одѣвають тѣхъ идоловъ, которыхъ они въ своихъ лѣсахъ вѣшаютъ всякими мѣхами, и кладутъ на нихъ по своему обыкновенію малой уборѣ. Для ихъ священническихъ обрядовъ и чародѣйства можетъ по служишь, что о Самоѣдахъ не далеко отъ Печоры примѣчено. Когда они изъ одного мѣста въ другое переѣзжаютъ, то собираются всѣ родственники одной семьи вмѣстѣ, и приносятъ жертву всѣ въ одной полаткѣ. Старѣйшій изъ нихъ, который въ лицѣ священника бываетъ, начинаетъ, тогда въ волшебной барабанъ бить, которой только съ одной стороны кожею обтянутъ. Барабанныя палки на пядень, съ одного конца круглы и кожею обшиты, на головѣ у него бѣлой вѣнецъ, а лице покрыто одною частью рубашки, на которой навѣшены многія малыя зубы и ребра рыбы и звѣриныя, попомъ начинаетъ онъ такъ кричать, какъ напирѣ: въ Англіи и Голландіи мапрозы во время радости, или какъ ловцы на гончихъ собакъ; а тѣ, которые съ нимъ въ собраніи, кричатъ, за нимъ, икга, икга, икга. Сей крикъ поетъ, и собравшіяся съ нимъ нѣсколько разъ сряду дѣлаютъ, и до тѣхъ

У 3

порѣ

порѣ не перестаютъ, пока оной попѣ буд-
то бѣшеной замертво навзничъ не упадешь,
при чемъ онѣ кромѣ рубахи, ни чемъ по-
крытъ не бываетъ. Какъ у нихъ о при-
чинѣ того спрашивали, для чего ихъ попу
то случается? то отвѣчали они, что ему
теперь отъ боговъ о томъ откровеніе
чинится, что имъ дѣлать, и куда ѣхать
надлежитъ. Потомъ всѣ при томъ стоя-
щіе закричали трижды! Окгао, Окгао,
Окгао; при чемъ попѣ свою голову припод-
нялъ, но опять положилъ.

Напоследокъ онѣ всталъ, и паки по
прежнему закричалъ, на что присутству-
ющіе отвѣтствовали: Икга, Икга, Икга.
По семъ велѣлъ попѣ пять великихъ звѣ-
рей убить, и вмѣстѣ съ предстоящими
опять кричать началъ, попомъ взялъ онѣ
кинжалъ по обыкновенію нашихъ фигляровъ,
оной до половины въ шѣло воткнулъ, не
учиня себѣ чрезъ то никакой на шѣлѣ раны,
а крикъ между тѣмъ, какъ отъ него, такъ
и отъ предстоящихъ безпрестанно продол-
жался. Онѣ положилъ также оной кинжалъ
въ огонь, и его такъ долго не вынималъ,
пока онѣ весь не разгорячился, а потомъ
его къ себѣ за пазуху сунулъ, и недалеко
отъ пупа въ шѣло, такъ глубоко воткнулъ,
что конецъ онаго изъ задницы высунулся.

Вы-

Вынувъ оной кинжалъ изъ шѣла, сѣлъ онъ опять безъ всякаго вреда, потомъ поставили они на огонь кошелъ съ водою, и при томъ опять очень громко кричали, а какъ долго оной кошелъ на огнѣ стоялъ, такъ долго они молчали, между шѣмъ пригошвленъ былъ стулъ, на которомъ поплъ въ то время, какъ вода кипела, снявши съ головы украшеніе и рубаху, и сложивши на крестъ ноги сѣлъ. Въ то время началъ поплъ опять кричать, а потомъ завязалъ онъ у себя около шеи и подъ лѣвымъ плечемъ маленькимъ узелкомъ тоненькую веревку, которая была изъ сайгачей кожи свиста, длиною сажени въ четыре, а концы той веревки велѣлъ онъ держать двумъ челоѣкамъ съ обѣихъ сторонъ.

Какъ помянутый кошелъ съ кипеткомъ предъ поповскимъ стуломъ поставили, и попла также и кошелъ большимъ полотномъ покрыли, то спали оные два челоѣка за ту веревку такъ долго тянуть, пока они концовъ вмѣстѣ не сведутъ. Тогда всѣмъ присутствующимъ слышно было, что въ оной кошелъ нѣчто упало; а какъ спрашивали, что оное есть? на то отвѣчали Самоѣды, что голова, плечо и лѣвая рука попова, которую у него отъ шѣла веревкою оторвало, для того, что она узломъ завязана была, и что ежели кто

У 4

на

на того попа, въ такомъ состоянїи смер-
тными глазами посмотришь, шомъ то-
гожъ часа умретъ. Они при томъ опять
также какъ и прежде часто Окгао; Окгао,
Окгао, кричали; а между тѣмъ изъ попов-
скаго плащя дважды человѣческой перстѣ
высовывался. Сказывали, что то есть нѣ-
которой звѣрь, котораго имени они не
знали, или сказать не хотѣли; напоследѣ-
докъ попъ поднявши голову вспалъ, и тѣмъ
сю церемонїю окончалъ, не объявляя. Само-
ѣдамъ ничего, что до ихъ будущаго со-
стоянїя касается, понежѣ попы: ошкрове-
нїя боговъ тайно содержатъ, а народу оныя
только по часнямъ объявляютъ, и только
тогда, когда онъ о какихъ будущихъ слу-
чаяхъ спрашиваетъ; и въ то время онымъ
попамъ всякъ во всемъ послѣдуетъ.

Въ прочемъ чиняшъ оныя попы еще
иныя многія чудныя тѣлодвиженїя, когда
они у своихъ сокровенныхъ боговъ ошвѣ-
щевъ просяшъ, часно кладутъ они ножъ
совѣтъ въ горло, или многожды кажется,
будто они то дѣлають: но вмѣсто того,
чтобъ имъ оной ножъ проглотить, уxo-
дишь онъ въ черенъ, когда они оной да-
вяшъ, пошому что такой ножевой черенъ
у нихъ по обыкновенїю фигляровъ, внутри
пустъ дѣлается. Они такожде и на сво-
ихъ товарищей руки возлагають, копо-
рыхъ

рыхъ. они до полусмерти давятъ, а потомъ опрививъ предъ своими богами нѣкошерыя церемоніи, оныхъ опять оживляютъ.

Тѣ Самоѣды, которые живутъ близъ канала Вейгацъ, или морскаго устья, новую землю отъ Сибири отдѣляющаго, имѣютъ еще особенное обыкновеніе, которое также сюда надлежитъ. Въ день святаго Николая, чудотворца, отбѣзжаютъ они по оному каналу отъ новой земли, въ такомъ разстояніи, сколько днемъ уѣхать можно. Тамъ есть у подошвы нѣкоторой горы одна яма, глубиною на десять сажень. Около той ямы стоятъ скамьи, на которыхъ Самоѣды своихъ разныхъ идоловъ поставили и главнѣйшій изъ тѣхъ идоловъ величиною есть въ человека малаго роста. Самоѣды тамъ ходятъ за охотою, и перваго звѣря, котораго своими стрѣлами застрѣлятъ, отвозятъ къ помянутой ямѣ, сдираютъ съ него кожу, и оную на главнѣйшаго идола надѣваютъ, а мясо бросаютъ въ яму. Они ловятъ иногда шакожде и живыхъ звѣрей, какъ то оленей и сайгачей, и брасаютъ въ ту яму, и ежели такой звѣрь до смерти ушибется, то за щасливой знакъ доброй ловли почитаютъ, ежели же такой въ яму брошенной звѣрь еще живъ будетъ, то думаютъ, что имъ

въ томъ мѣстѣ щастія въ ловлѣ не будетъ, и того ради отпуда на другое мѣсто для ловли отходятъ, см.: ворожен.

Червецъ или Камаха, въ праздникъ Казанскія Богородицы, то есть 8 число Юлія, увѣряютъ, что бываетъ змѣнное чудо. Въ нѣкоторый день краска Червецъ или вылупившіяся изъ пузырьковъ несѣкомыя называемыя Камаха, собираются изъ всѣхъ окольныхъ странъ ко одному кусту, и когда кто въ день Казанскія Богоматери, то есть 8 Юлія встанетъ на разсвѣтъ, и пойдетъ въ поле искать Камахи, то предоставляется ему щастіе найти таковое сокровище.

Чернобогъ или Чернбогъ, всѣ вообще Славяне признавали сего за бога обитающаго во адѣ; приносили ему кровавую жертву; печальное моленіе, и дѣлали спрашныя закланія, дабы отвраштитъ отъ себя его ярость или свирѣлость.

Черныя книги, такъ называются волшебныя книги, которыя содержатъ въ себѣ дьявольскія навожденія; онѣ написаны волшебными знаками, а большею частію нолями или кружками; находясь всегда у волшебниковъ, по которымъ призываютъ они дьяволовъ; когдажъ попадутся они нечаянно не колдуну, то какъ скоро откроетъ онъ ихъ, то приступятъ множе-

ство

ство чертей, и начнутъ просить работы. Когда не можетъ онъ имъ дать работы, или и дастъ, да легкую, которую они потчасъ сдѣлаютъ, то утащатъ его во адъ; а черно книжники зная по ихъ наукъ, какихъ черти работъ окончать не въ состоянїи, такія имъ и даютъ; на примѣръ приказываютъ имъ выть канаты изъ песку, воды, или изъ солнечныхъ лучей, и таскать оными киповъ изъ моря или другія какія тяжесны, то черти болѣе къ нимъ и не пристають, понеже и за то наказаны бывають, что сдѣлать не умѣли.

Чертово городище, такъ называются развалины, нѣкоего древняго города Болгарскаго царства, на берегу рѣки Камы. Въ семъ древнемъ городѣ былъ великолѣпный у язычниковъ храмъ, и славился даваемыми отъвѣтами, такъ что со всѣхъ сторонъ стекался для того народъ. Въ храмъ обиталъ ужасной величины змѣй, котораго безчеловѣчные жрецы умилоствяжали приношенїемъ въ жертву людей иноплѣменныхъ, и которые обыкновенную пищу его составляли. Есть еще другое Чертово городище на берегу рѣки Бѣлой, о которомъ увѣряють, что жили выгнаны изъ онаго ужаснымъ множествомъ змѣй.

Четвер-

Четвертокъ великій , стригутъ во оный день дѣтямъ волосы съ тѣмъ предувѣреніемъ , что оныя отъ того больше распутъ ; а у отрока въ жизни его не болишь голова.

Чистый понедѣльникъ , такъ называется понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста. Во многихъ городахъ по утру собираются кучами ребяша , и держа въ рукахъ ухваты , кочерги , помелы и сковородни , обернушыя пряпцами , кричатъ подходя къ каждому дому. Мы масленицу прокапали , святы вечера проиграли , мы рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша масленица дорогая , гдѣ ты ночесъ ночевала , подъ кустомъ на дорожкѣ , ѣхали Скамарошки , вырѣзали по пруточку , сдѣлали по гудочку , и вы гудушки не гудише , и вы масленицу не будите.

Чихать , когда придетъ кому какаянибудь въ голову мысль ; а случится , что въ то время нечаяннымъ образомъ другой чихнетъ , то знаменуетъ се , что задуманное дѣйствительно сбудется. Чиханіе значить въ воскресенье быть въ гостяхъ , или у себя имѣть , въ понедѣльникъ прибыть , во вторникъ долгу просить будущъ , въ среду хвалить будущъ , въ четвертокъ осердятъ или въ досаду введутъ , въ пятницу кого нечаешь того увидишь , или по-лу-

лучишѣ письма, въ субботу о покойникѣ слышатъ.

Чортъ, дьяволъ, бѣсъ, сатана симъ вымышленнымъ особамъ простилюдины опредѣляютъ разные степени и достоинства и увѣряютъ, что чортъ смущаетъ, бѣсъ подстрекаетъ, дьяволъ нудитъ а сатана знаменіи пворишъ для колебанія крѣпко въ вѣрѣ пребывающихъ, опредѣляютъ имъ мѣста камеру, адіенціи и прочая, о чемъ и стихопворцы немало набредили кошорые можетъ быть и совершенную идею о томъ въ простомъ народѣ посѣяли и вкоренили.

Чукъ-Кереметь, Черимиской богъ болѣзней см: вѣра.

Чуръ, Славяне признавали сего бога хранителемъ межей, полей и пашенъ, и оный больше всѣхъ прочихъ боговъ имѣлъ власти надъ чертями.

Шайтанъ или Іо, Черемисы подъ симъ именемъ почитаютъ сатану, и разумѣютъ его прародителямъ всѣхъ злыхъ духовъ. Онъ живетъ, по мнѣнію ихъ, въ водѣ, и бываетъ особливо въ самый полдень лихъ, см: вѣра.

Шайтанъ Курязя, (чертовидецъ), такъ называютъ Башкирцы своихъ чародѣевъ смотр: игра бѣсовъ.

Шаманы, большею частію бываютъ у Якушовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ и всѣхъ

всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ во обычаи; но у Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ Шумановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, а всякая баба, а наипаче старуха, и всякой Коехчучъ волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При Шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни плашья нарочно для того сдѣланнаго не надѣваятъ какъ у Якушовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Буряшовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи, но нашептываютъ на рыбу шагалу, на сладкую траву, на шоншичь, и тѣмъ лѣчатъ болѣзни, тѣмъ отвращаютъ несчастіе и будущее предвозвѣщаютъ; а какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того, какъ великой ихъ тайны, не можно вывѣдывать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ, двѣ бабы сядутъ въ уголъ, непрестанно шелчутъ, одна привязываетъ къ ногъ крапивную нишку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу, если ей ногу поднимаешь легко покажется, то сіе почитается за щастливое предзнаменованіе и за будущей благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за несчастливое; между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушъ, гушъ и скрежещепъ зубами, а какъ явля-

ся

ся привиденіе , то захохотавши кричатъ ! хай, хай. Съ полчаса спусня , бѣсы прочь отходятъ , и ворожея непрестанно кричитъ , ишки, то есть нѣтъ ; а другая баба , какъ ея помощница шепчетъ надъ нею и уговариваетъ , чѣтобъ не боялась , но прилѣжно бы примѣчала явленія , и содержалабъ въ памяти , что загадала. Нѣкоторые сказываютъ , что во время грома и молніи Билюкай къ Шаманкамъ сходитъ , и вселясь въ нихъ способствуемъ имъ угадывать.

Если сдѣлается кому неблагополучіе , или не будетъ щасія въ промыслѣ , топчасъ приходитъ къ старухъ или къ женъ своей , бываетъ шаманство , слѣдующія причины , отъ чего произошло такое зло , и предписующія средства къ отвращенію. За вѣдшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія , которое тѣмъ отворачивается , что согрѣшившей долженъ вырѣзать болванчика , и отнести въ лѣсъ , на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ , когда грѣхи очищаются , шепчутъ , курятъ , махаютъ , опираютъ шоншичемъ , обвязываютъ перевязками , отговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе , и другія дѣлаютъ неприспоиности.

Есть-

Естьли которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманящъ надъ нимъ, и примиряющъ съ бѣсами такимъ образомъ. Въ жестокую бурю раздѣваяющъ его до нага, дающъ въ руки раковину морскую, которую ему поднося къверху, должно обѣгать вокругъ юрты, балаганъ и сабачьи конуры, говоря сіи слова къ Белюкаю и къ другимъ врагамъ: раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокрошны будетъ погибнуть, видите, что на мнѣ нѣтъ плащя, и что я весь дрожу. По оканчаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и прудныя сновидѣнія: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло рассказывать сны, разсуждающъ и заключающъ изъ того щастіе или злополучіе; о нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и не премѣняемыя правила, какъ напримѣръ, естьли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сомнѣнія, и испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа, плотскимъ

скимъ совокупленіемъ предвозвѣщается счастье въ промыслѣ.

Кромѣ Шаманства упражняются они въ хиромантіи, и разсуждаютъ о щасливыхъ и нещасливыхъ приключеніяхъ по линіямъ на рукѣ; но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Если у кого появится на рукѣ почка, пятно или линия, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старшей Шаманки.

Но воспомыные Мунгаллы, Тунгусы и вообще всѣ идолопоклонническія Сибирскія народы величаются быть очень искусны въ чародѣйствѣ, что больше принявъ можно за ихъ грубое неразуміе, нежели за достовѣрный знакъ, что они подлинно могутъ нѣчто дѣлать демонскою помощію. И какъ Шаманы, или чародѣи, Тунгусы почитаются за наискуснѣйшихъ въ сей презрѣнной наукѣ изъ всѣхъ идолопоклонническихъ народовъ сея части земли, то я теперь объявляю церемоніи, какія они употребляютъ при семъ случаѣ. Когда кто приходитъ спрашиваться у чародѣя о какомъ нибудь дѣлѣ, то надобно, чтобъ онъ ему напередъ заплатилъ столько за его трудъ, сколько между ими положено будетъ. Потомъ Шаманъ надѣваетъ на себя нѣкоторой родъ одежды, которая вся сдѣлана изъ старыхъ штукъ желѣза, а состоитъ изъ птичьихъ
ф фигуръ,

фигурѣ , также звѣрскихъ и рыбьихъ жестяныхъ желѣзныхъ , что все соединено чрезъ колечка желѣзныяжѣ , такъ что сія одежда можетъ способно вездѣ сгибаться. На ноги то же онѣ надѣваетъ , а на руки мѣдвежьи лапы, сдѣланныя изъ желѣза, тогѣ же мешалѣ и на голову, у копорыя на челѣ сшоянѣ желѣзные роги. Потомъ лѣвою рукою берещъ нѣкопорою барабанѣ , а правую палку обшитую кожею , полевая мыши , и начинаещъ скакать и прыгать на крестѣ нѣгами , а иногда назадъ и напередъ скачетъ онѣ такъ , что стукъ желѣза его одѣжды , совокупно съ шумомъ его барабана , дѣлаещъ звукъ ужасной. Чрезъ сіе время смонришъ онѣ въ верхъ глазами на опверстїе , которое на верху его кибитки и непресшано кричитъ , скачетъ и дѣлаещъ , какъ можетъ превеликой шумъ до того времени, какъ онѣ увидишъ черную птицу , про которую сказываютъ , что она прилетаетъ и садится на его кибитку. Какъ скоро онѣ увидишъ сію птицу , тогчасѣ въ безсилїе приходишъ , упадаещъ на землю весь внѣ себя , и пребываетъ въ семъ состоянїи чрезъ хорошую четверть часа безъ разума и безъ чувства. Потомъ приходишъ въ себя , встаетъ совершенно здоровъ , и сказываетъ опившъ о дѣлѣ , о которомъ тогда надобно. Говорятъ , что сіи опившны никогда ложны не бываютъ

юпѣ на меньшей конецѣ, Тунгусы тому зѣряпѣ, какѣ совершенной правдѣ; на ежели разсудить о предосторожности, что онѣ плашу беретѣ напередѣ, и обѣ оней черной пшицѣ, копорую какѣ скоро увидитѣ, тѣ вѣ безсиліе приходитѣ, а видѣшѣ ее никто не можетѣ кромѣ чародѣя, копорой все на ту сторону смотрипѣ глазами, то можно легко понять, что то превеликой обманѣ.

Ширтѣ, божество Черемиское и Чувашск. е, см: вѣра.

Шукша, по мнѣнію Черемисѣ есть такое божество, которое неотлучно пребываетѣ между людьми. Онѣ примѣчаетѣ дѣйствіи каждаго человѣка, записываетѣ его пороки и добродѣтели, и шотчасѣ относитѣ оныя богу живущему на небесахѣ. Число Шукшей, по ихѣ мнѣнію, есть многочисленно.

Шунду-Мумы, второстепенная богиня Вошяцкая, ее признаютѣ матерью солнца, и молятѣ во время на дѣпяхѣ бываемой оспы, и другихѣ болѣзней, см: вѣра.

Юбмела, подѣ симѣ именемѣ Лопари почипаютѣ общаго бога, и думаютѣ, что и кромѣ его есть боги и бсжки мужескаго и женскаго пола, см: вѣра.

Юбуихѣ, такѣ называется у Чувашѣ день осьмое число Ноября, во оный вѣ Сре-

ду на страстной недѣлѣ и въ семикѣ, по
есть въ Четвертокѣ предъ пятидесятни-
цею дѣлають они третичные погребеніи
своимъ сродникамъ 8 Ноября, яко послѣд-
нѣе въ головахъ у могилы покойнаго ста-
вятъ столбы и вырываютъ прежде яму кла-
девъ каждый во оную по куску мяса и
вливаютъ по нѣскольку браги, а потомъ
ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Югпишъ, такъ называютъ Черемисы
своего первосвященника. *Смотр. Вѣра.*

Юктульшъ, такъ называется у Чере-
мисъ духовный человекъ особый, коего
дѣло состоитъ въ томъ, что располага-
етъ при службѣ ихъ порядокъ, и говоритъ
молишвы

Юманашъ, божество Черемисъ живу-
щихъ въ Башкиріи, см: *вѣра.*

Юмонъ-Ава, богиня Черемиская, суп-
руга первого ихъ бога, см: *вѣра.*

Юимазе *смотр:* Ворожей.

Юлка, ежели у женщины при наде-
ваніи юпки, нѣсколько подола останется
завороченымъ, то сіе предвѣщаетъ, что
ей въ томъ годъ родить неопимѣнно сына
или дочь.

Ягая баба, подъ симъ именемъ почи-
тали Славяне адскую богиню, изображая
ее страшилищемъ сѣдящимъ въ желѣзной
суплѣ, и имѣющею въ рукахъ желѣзный
лестъ

пестѣ; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, коихъ ей присвоили, и услаждается при томъ и сама проліяніемъ крови.

Яица, когда занимаетъ кто яицъ у кого для насѣдки, то черезъ воду, то есть рѣку или каналъ переносить ихъ не должно, увѣряя, что плода отъ нихъ ожидать уже не можно; а когда кладутъ яйца подъ насѣдку, то полагаютъ прежде въ шапку, а изъ той уже подъ курицу, вѣря, что отъ того всѣ цыплята будутъ мохноногія и съ хохлами.

Яма, близъ: Вейгацкаго канала при подошвѣ нѣкопорой горы находится яма, копорую самоѣды обожаютъ. Смотри: чародѣи.

Ямбе-Акко, Лопари признаютъ сію богиню матерію смерти. Она обитаетъ подъ земною поверхностію, и у нее пребываютъ разлучившіяся съ тѣломъ души, до самаго ихъ рѣшенія судьбины, см: вѣра.

Яргачи, такъ называютъ Калмыки приставовъ или караульных при мышарствахъ на томъ свѣтѣ. Смотри: вѣра.

Яурунчи, такъ называются у Киргисцовъ особый колдуны смотр: ворожей.

Ячмень на глазу, когда такимъ образомъ заболитъ у кого глазъ, то тотчасъ ве-

веляшѣ подноситѣ къ тому глазу кукишѣ,
и говоришѣ сїи слова: ячмень, ячмень,
вотѣ тебѣ кукишѣ, что хочешѣ, то ку-
лишѣ, кули себя толорокѣ, сѣки себя до-
лерегѣ, и увѣряюшѣ, что болѣзнѣ ошѣ
того потчасѣ пройдетѣ безѣ всякихѣ лѣ-
карствѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

